

Нгуен Минь Тяу
СЛЕД СОЛДАТА

Нгуен Минь Тяу. След солдата. Роман. — М.: Воениздат, 1977. — 253 с. Тираж 65000 экз. // Перевод с вьетнамского *И. П. Зимониной.* /// *Nguyễn Minh Châu. Dấu chân người lính.* Tiểu thuyết. — Hà Nội: Nhà Xuất Bản Thanh Niên, 1974.

Мы будем продолжать борьбу до тех пор, пока не выметем с нашей земли всех врагов, до последнего.

Хо Ши Мин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НА МАРШЕ

1

Всю осень древние джунгли дремали. Никто в ту пору не нарушал их сладкого сна: даже самые вездесущие и проворные из бойцов — разведчики — находились пока что в тылу. Сумрачный, мгlistый массив леса кое-где озарялся вспышками алых цветов дикого банана. За лесом тянулись заросли дикого сахарного тростника, потом опять начинался лес, а за ним — снова заросли тростника, которые выходили прямо на покрытую гравием дорогу № 9, ведущую к населенному пункту в районе вражеских укреплений. Всю осень здесь тоже было спокойно. На иссушенной, жаждущей ливня земле виднелись лишь следы слонов, неторопливо прошествовавших по сухой, увядшей траве, да едва различимые глазом, накладывающиеся друг на друга следы разведчиков, прошедших здесь по заданию своего командования. Последние предвещали скорые бои.

Кхюэ, ординарец замполита 5-го полка, с тех пор, как начались первые разведывательные операции, не раз бывал на этом участке. Однако теперь, покидая командирский блиндаж и направляясь в расположение полка, только недавно оставившего последний лагерь на берегу реки Сепон, Кхюэ каждый раз видел новую картину. После нескольких боев противнику удалось частично определить направление передислокации наших крупных соединений, и теперь в

этом районе разбрасывались отравляющие вещества, а самолеты Б-52 вели «ковровые» бомбардировки. Окрестные джунгли уничтожались участок за участком. Одна за другой выжигались лужайки и поляны, расчищалось пространство у отрогов гор и вдоль ручьев. Круглосуточно над джунглями сновали взад и вперед всевозможные самолеты-разведчики. По ночам в небе, в плотном тумане, повисали гроздь осветительных ракет, отбрасывая на горы и джунгли призрачный белый свет. Но, невзирая на самолеты-разведчики и осветительные ракеты, по земле густым потоком шли солдаты, оставляя четкие следы. Солдаты узнавали знакомых, обменивались приветствиями. Дорога постепенно стала объектом непрекращающихся бомбардировок. Повсюду в беспорядке валялись искореженные деревья, полузасыпанные землей, вывороченной взрывами. В воздухе стойко держался удушливый запах гари, но солдаты шли, не останавливаясь, подразделение за подразделением. Днем самолеты-разведчики частенько не выискивали целей для бомбардировщиков, а кружили над вершинами деревьев, и тогда из зиявшего пустой глазницей фонаря высовывался мегафон и жеманный женский голос вещал: «Мужественные солдаты Вьетконга! Вы слышите голос ваших любимых подруг. Вернитесь к нам, своим любимым, вернитесь на сторону правительства! Мы будем заботиться о вас, лелеять вас. Я вижу вас, мои дорогие...»

А внизу, под деревьями, вповалку спали солдаты. Время от времени кто-нибудь из них переворачивался на другой бок и сонно бормотал ругательства.

С весны прошлого года Кхюэ уже привык к этим картинам. Днем и ночью джунгли сотрясались от разрывов бомб, выкорчевывавших деревья и сносивших огромные валуны, но это не могло остановить марша наших войск. Кхюэ видел разрушенные врагом дороги, видел пламя бомбежек, свыкся с временным фронтовым неустройством и затяжными ливнями, от которых разбухали ручьи, бегущие сквозь вековую мглу девственных джунглей западного края. Такого он не смотрелся и раньше, когда стесал каблуки, шагая по бесконечным дорогам вдоль горного хребта Чыонгшон. Картины разрушения властно звали Кхюэ и его однополчан на борьбу с врагом.

Когда полк выступил, Кхюэ был командиром лучшего в разведроту отделения. В пути разведроту догнала расположившийся на привале штаб полка. Придорожная лужайка была заполнена людьми. Бледные, незагорелые лица, взмокшие от пота спины. Следы пота остались даже на огромных вещмешках, которые вместе с полевыми сумками всевозможных размеров были груды навалены вдоль дороги. Знакомый кадровик, молодой, но уже изрядно полысевший, сидел на земле у огромного вещмешка в одних трусах и нижней рубашке и разводил сухое молоко из банки. Завидев невысокую юркую фигурку Кхюэ с автоматом на плече, он крикнул:

— Кхюэ, давай иди к нам!

— Харч приготовили — пальчики оближешь! Смотри, пожалеешь! Догонять не станем! — поддержали его двое кашеваров, хлопотавших вокруг множества котлов и котелков.

— Сами наготовили, сами и ешьте, — отрезал Кхюэ. Вообще-то он отличался веселым нравом, но сейчас ему было не до зубоскальства.

Из штаба полка пришло распоряжение, занявшее всего страничку машинописного текста, в котором сообщалось, что он, Кхюэ, должен оставить свою разведроту и отправиться для дальнейшего прохождения службы к замполиту Киню. В тот же день Кхюэ, вскинув на плечо вещмешок, зашагал через расчищенную поляну, тянущуюся вдоль базы снабжения. Час был послеобеденный. Кхюэ нашел место, где теперь находился штаб. Царила такая тишина, что лес казался необитаемым.

От дерева к дереву протянулись, переплетаясь в сплошную сеть, вместительные спальные гамаки. В изголовье висели полевые сумки, планшеты, фляжки, топоры, винтовки. Одни солдаты отдыхали, другие, прислонившись к деревьям, что-то усердно писали. Издалека, по-видимому с другой такой же точки, доносился усиленный горным эхом перестук ножей, рубивших мясо. Обходя гамаки, Кхюэ задержался у одного из них, перекрученного, как стручок фасоли, и провисшего до самой земли. В нем лежал мужчина с рассеченной бровью. Длинный шрам делил ее пополам. Мужчина не спал и

задумчиво смотрел вверх, на узкий, как щель, голубой просвет в листе.

— Эй, парень, где замполит Кинь?

— Я замполит Кинь.

— Товарищ командир, разрешите обратиться...

Замполит спрятал толстую пачку машинописных листков в пеструю холщовую сумку и пригласил Кхюэ в единственный здесь шалаш, собранный из расщепленных стволов крупного тростника.

— Так что же за дело у тебя, старина? Гляди-ка, какой у тебя мешок тяжелый!

Кинь говорил с заметным диалектным акцентом. Левый раненый глаз был чуть затуманен и, казалось, заговорщически подмигивал собеседнику. Кхюэ, окинув взглядом его одежду из коричневой хлопчатки, высокий лоб, коротко остриженные поседевшие волосы, вдруг вспомнил, как в один из первых дней своего пребывания в разведоте — они тогда стояли еще на равнине — ему пришлось пасти около десятка буйволов. Отведя скот к холмам, он уткнулся в роман «Овод» и так увлекся, что поднял голову лишь тогда, когда услышал громкие крики, доносившиеся со стороны дереvушки на другом краю поля. Кхюэ увидел, что его буйволы забрались в рис и их гонит оттуда какой-то крестьянин в старой, выгоревшей добела военной форме. Кхюэ бросился к нему с извинениями и, решив, что это кто-нибудь из села, тут же предложил заплатить за испорченный рис. Однако мужчина насмешливо глянул на него, сказал: «В следующий раз будьте внимательнее. Буйволы не должны портить народное добро!» — и ушел. Потом Кхюэ узнал, что это был их замполит.

Кхюэ движением плеч поправил сползший вещмешок и скатку — вместе в них было около сорока килограммов весу, — щелкнул каблуками, выпрямился и достал из кармана напечатанный на машинке приказ.

— Разрешите доложить! Проходил службу в разведроте, явился в ваше распоряжение!

— Вот оно что... Ну снимай тогда свой мешок. Садись, потолкуем. Куришь?

— Курю!

— Ты, наверное, куришь сигареты, а я люблю табачок. Давай познакомимся. Ну а сам-то ты как относишься к своему переводу сюда?

Кхюэ почувствовал, что никакой беды не будет, если он откровенно поговорит с этим человеком.

— Разрешите обратиться...

— Ну говори, говори...

— У меня такой характер... Трудно дисциплине поддается... Боюсь, не смогу быть вам хорошим ординарцем!

— У меня тоже дисциплина страдает, — весело ответил Кинь.

— Если сказать честно, то на фронте я предпочитаю находиться на передовой.

— И я тоже!

Кхюэ, хотя и прослыл в разведроте говоруном, однако под таким напором осекся и замолчал. Кинь же спустя мгновение сказал, обращаясь к нему как к равному:

— Ну вот что... Если ты, старина, побудешь со мной подольше, уверен — мы подружимся. Однако принуждать я тебя не буду.

Он разрешил Кхюэ продолжить марш с разведротой и хорошенько подумать, а через два перехода дать ему окончательный ответ.

Кхюэ вернулся к своим, однако уже через два дня он уложил вещмешок и явился в штаб для прохождения дальнейшей службы. В

эти дни полк вот-вот должен был принять непосредственное участие в боевых операциях. Кхюэ совсем не улыбалось оставаться в штабе, но он не мог отказаться от нового назначения. Это было решение командования.

* * *

Начались затяжные дожди. Приближалась весна. Вершины деревьев даже днем утопали в тумане. Тропы, бегущие по склонам Чыонгшона, превратились в липкую грязь, испещренную следами солдатских ног. Дороги были заполнены передвигавшимися частями, повсюду слышались песни и говор. В джунглях все больше и больше ощущалось присутствие человека: тут и там еще тлели в примитивных походных печурках угли, а на берегу реки или ручья можно было наткнуться на маленькие шалашики с тремя закопченными камнями, которые доставали со дна и клали в костер вместо таганка.

Любой, оказавшись на этой дороге, не мог не поинтересоваться, кто же прошел здесь первым. Кто же расставил вдоль дороги через джунгли эти незатейливые печурки? Чьи руки заложили здесь первые мины, чтобы убрать с пути камни? Чей тесак вырубил густые, спутанные растения? Какой штабист с компасом и картой впервые забрался на эти вершины, чтобы определить направление, по которому предстояло прокладывать дорогу? Какая из дорог оказалась самой прямой и удобной, без слишком высоких вершин и глубоких пропастей? Линия коммуникаций поначалу шла по узкой тропинке, проложенной местными жителями (по ней они ходили обрабатывать горное поле). Тропинка кишела термитами, то и дело встречались развороченные термитники. Стоял густой аромат смолы и древесных соков. Изредка тропинку пересекали следы могучего владыки леса — тигра, ночами бродившего по джунглям в поисках добычи.

Замполит Кинь одним из первых пришел сюда, когда все только начиналось. Он тогда получил в Главном политуправлении приказ: проникнуть в одну из наиболее отдаленных зон военных действий и сообщить о возложенных на зону задачах в связи с установкой партии на вооруженную борьбу.

В то время в его родной деревне жена Киня ходила пятым ребенком. Местные тропинки тогда еще не превратились в дорогу, разбитую солдатскими башмаками. Кинь помнил, какое безлюдье царило тогда вокруг. Лишь изредка встречалось одно-два подразделения. Журчали ручьи, заросшие мхом. Не было установленных теперь повсюду походных печурок, а перевалочные пункты вдоль всего пути не казались столь многолюдными. А теперь коменданты сбились с ног, пытаясь помочь всем пришедшим. Не было тогда и просторных, расчищенных для постоя полян, где целый батальон мог свободно развесить спальные гамаки.

Группа Киня в ту пору не насчитывала и десятка человек. Кинь был командиром отделения и парторгом. Лыонг, теперешний командир разведывательной роты 5-го полка, был тогда вместе с Кинем. В то время ему исполнилось двадцать три года, но он уже слыл бывалым солдатом, умелым и находчивым; сказывалось то, что ему пришлось самому заботиться о себе с раннего детства. Тогда тоже они шли зимой, и каждой ночью Лыонг разводил костер. Яркое пламя освещало гамаки, развешанные вокруг. Обхватив колени руками и повернув лица к огню, товарищи переговаривались или слушали транзистор. Назавтра предстояло продолжить путь. Среди ночи, когда все уже спали глубоким сном, Лыонг вставал, сунув ноги в каучуковые сандалии, шлепал к костру и подбрасывал сухих сучьев: следовало поддерживать яркое пламя, чтобы отпугивать тигров. Лыонг увлеченно слушал рассказы Киня о борьбе против французского колониального господства, о продолжительных маршах, о прорывах вражеского кольца. Лыонг был тихим, неразговорчивым парнем, правда, немного упрямым и рассудительным, как старичок. Кинь относился к нему как к сыну или младшему брату. Лыонг платил ему уважением и любовью, хотя некоторая небрежность и забывчивость Киня иногда его очень ранили.

Они находились почти у цели своего похода, когда начались дожди. Случалось, по три-четыре дня невозможно было приготовить горячую пищу. На привалах, не снимая вещмешков, бойцы жевали жареные рисовые зерна, а потом снова продолжали путь. Паек же подслащенных зерен, хранившийся у каждого в полиэтиленовом

мешочке, подходил к концу. Это был энзе, и по инструкции трогать его не полагалось. Но где было взять еду?

— Товарищ Кинь, — предложил в один из таких дней Лыонг, — разрешите попробовать приготовить горячую пищу?

Кинь вытер рукой мокрое от дождя лицо и проговорил:

— Если тебе удастся это сделать, считай, что ты обставил девиц, которые в старину состязались в стряпне на лодках.

— А я сделаю, вот увидите! Пусть ребята пока поищут место, где развесить гамаки, а кто-нибудь принесет мне сюда подмокшие кошельки риса.

Достав из своего вещмешка нож, Лыонг пошел вдоль ручья и скоро вернулся с охапкой листьев и остатками бамбукового плетня, которые он тащил на спине. Затем на берегу ручья появился небольшой, едва доходивший до пояса шалаш с закругленным верхом. Лыонг, зайдя в воду, выбрал на дне три одинаковых по величине камня, а потом срезал на берегу траву и снял дерн. Несмотря на проливные дожди, земля под дерном оказалась сухой. Примерно через час уже весело горел костер, сквозь только что сорванные листья, покрывавшие шалаш, тянулся дымок, а Лыонг, окружив шалаш канавкой для отвода воды, весело крикнул:

— Ребята, через полчаса будем есть, а пока можете спать!

В зимние дни самым трудным делом было разжечь костер. За месяцы непрерывных дождей джунгли становились совершенно сырыми. Кто пережил на Чыонгшоне пору муссонов, тому это хорошо знакомо. Ветви деревьев под тяжестью падавшей на них воды опускались к земле. Стволы обрастали мхом. Камни становились скользкими. Несмолкавшая размеренная дробь дождевых капель, непрерывно обрушивавшихся на скаты шалаша, в конце концов создавала ощущение, будто тебя били палкой по голове. Костер никак не хотел разгораться, от сучьев шел едкий дым, пламя без конца приходилось раздувать. Каменный таганок наполовину оказывался затопленным водой. Дым, скапливаясь над шалашом, подолгу держался, окутывая вершины ближайших деревьев. Ко всему этому примешивался

неумолкающий гул самолетов, треск цикад, шум бурлящих потоков, резкий крик неизвестных птиц. Промозглые джунгли казались особенно неприветливыми ночью. Сколько незнакомых людей из самых разных мест сходились на перевалочных пунктах, разбросанных вдоль всей дороги! Тесным кружком устраивались они вокруг огня и грелись в ночной темноте, среди немолчного дождя и треска зимних цикад, напоминавшего звук скребка, которым обдирают бамбуковое лыко. У кого-нибудь за пазухой обязательно громко вещал транзистор, клеймя американцев, которые недавно ввели войска на Юг. Кто-то выходил под дождь искать хворост.

Но иногда огонь упрямо не разгорался по несколько часов кряду, несмотря на упорные усилия людей. Все приходило в уныние и с досады начинали устраиваться на ночлег. И вдруг чьей-то усердной руке выпадала удача, и слабый язычок огня, поднимаясь, постепенно набирался сил, а потом разом озарял все помещение. Языки пламени трепетали, как развернутое знамя, опалая горячим дыханием лица и руки. Среди множества рук, тянувшихся к огню, была и та, которой только что удалось высечь первый язычок пламени. И сразу начинался оживленный разговор, сыпались шутки, раздавался смех. Подходили, постукивая посохом по придорожным камням, запоздалые путники; просыпались те, кто заснул, и, откинув одеяла, тоже устраивались возле печурки.

В зоне «Х», куда был послан с группой Кинь, развернулась вооруженная борьба. Высоко взметнулось зажженное партией пламя революции. В самых отдаленных, залитых кровью районах простые, преданные партии люди включались в движение антиамериканского сопротивления.

* * *

Через полгода, выполнив задание, группа Киня возвращалась назад. Потерь не было. Однако, когда вышли на последний перед опорной тыловой базой участок пути, расположенный неподалеку от дороги № 9, тропу перерезал десант противника. Это случилось утром. Сначала послышался ровный гул, затем на юго-востоке показались толстобрюхие вертолеты. Каждая машина с трехлопастным винтом была рассчитана на взвод американских солдат. Стремительно

вращающиеся винты подняли сильный ветер, отчего гнулись долу деревья, летели листья, стлались по земле травы. Лыонг распластался среди высокой сухой травы. Ветром рвануло гимнастерку, забросив ее на голову. Лыонг попытался приподняться, но ветер снова швырнул его на землю. И все же ему удалось встать на колени и осмотреться. В это время впереди сверкнула вспышка огня — противник начал обстрел участка.

— Разрешите открыть огонь по вертолетам! — заорал Лыонг, стараясь перекричать грохот рвущихся вокруг двадцатимиллиметровых мин.

Кинь понял, что наземная разведка противника обнаружила их группу и, не надеясь на собственные силы, вызвала вертолеты, рассчитывая взять вьетнамцев живыми.

* * *

Не раздумывая, Кинь отдал приказ открыть огонь.

— Вот славненько! — завопил Лыонг.

Солдаты противника, сгрудившись возле вертолетов, били по участку из минометов. Лыонг, прижимая к плечу приклад автомата, нажал на спусковой крючок и разрядил весь магазин. Первый вертолет был подбит. Разгорелся бой. Отряд Киня разделился на три группы и отражал атаку роты американцев. Кинь поручил командовать отрядом своему заместителю, и тот повел людей к скалистой гряде примерно в полукилometре от места боя. Сам же Кинь остался с Лыонгом и еще одним бойцом прикрывать их отход. Они залегли на поляне за высоким бугром, на котором торчали большие пни от деревьев. Лыонг накинул свою обгоревшую гимнастерку на один из пней и разложил американские трофейные гранаты да несколько своих длинных «бананов».

— Как пользоваться их гранатой? — спросил он Киня.

— Выдерни чеку, держи крепче спусковой рычаг и бросай.

Лыонг весь перепачкался пеплом. По лицу, оставляя извилистые следы, бежали струйки пота. Вокруг холма, выжженного солнцем,

бушевал огонь, разнося по округе пепел горячей сухой травы. Повсюду валялись трупы вражеских солдат. Прямо перед собой, за большим пнем, Кинь видел запрокинутые мертвые лица.

Минометы и станковый пулемет стреляли уже по бугру. Бойца, оставшегося с Кинем и Лыонгом, тяжело ранило. Кинь, пятась, отнес его в кустарник.

— Лыонг, слушай меня! Они наверняка еще вызовут себе подмогу. Выполняй мой приказ!

— Слушаюсь...

— Давай сюда все гранаты... Наши уже отошли к гряде. Возьмешь раненого и будешь отходить, прикрывая меня огнем...

Американцы пошли в атаку. Двоих, наиболее ретивых, бегущих впереди, уложили первые же автоматные очереди Киня и Лыонга. После некоторой заминки, возникшей в рядах противника, воздух прорезали минометные мины, взметнувшие землю, мелкие камни и пепел.

Кинь выругался, почувствовав, что половина его лица онемела. Лыонг швырнул еще одну гранату в американцев, распластавшихся за трупами убитых, и бросился к Киню. Лицо Киня было перекошено. Левую щеку, вымазанную сажей, заливала кровь. Кровь текла из глазницы, запекалась на подбородке. Гимнастерка и даже приклад автомата тоже были в крови.

Кинь сел за землю, и Лыонг перевязал ему голову. Кинь снова приказал Лыонгу отходить, но тот решительно заявил, что долг солдата — прикрыть командира. Оглушенный Кинь взвалил на спину раненого и медленными, но твердыми шагами двинулся по направлению к скалистой гряде.

Бой продолжался. Повсюду валялись трупы вражеских солдат. Потом все стихло. В пять часов вечера американцы начали приводить в порядок место боя. Сидя у отвесных каменных стен, Кинь, не отрываясь, смотрел в сторону бугра. Нестерпимо болел левый глаз. Американцы убрали трупы, оттащив их к большаку, а затем уселись,

покуривая, в ожидании вертолетов. У Киня и его бойцов кончились все боеприпасы. У каждого оставался только тесак, которым прорубали дорогу в джунглях.

Как только американцы улетели, Кинь приказал обшарить поляну и найти Лыонга. Однако, как его ни искали, найти не могли. Кинь решил задержаться здесь на день, чтобы продолжить поиски. Через местную опорную группу ему удалось узнать, что американцы, потеряв убитыми и ранеными около тридцати человек, погрузили контуженого Лыонга на вертолет и увезли в Кхесань.

Немало времени прошло с тех пор, как рабочий отряд Киня вернулся в тыл, но Кинь так и не отважился сообщить семье Лыонга о случившемся, хотя и был уверен в том, что Лыонга уже нет в живых. Через три года Киня перевели в 5-й полк замполитом. На следующий день после его прибытия командир полка Нянь предложил Киню отправиться в одну из рот для проверки и знакомства с личным составом.

— Какая из рот ближайшая? — спросил Кинь у командира, полка.

— Молодцы разведчики!

В разведроту Киня поджидала нежданная встреча. Первым, кого он увидел, был Лыонг в новехонькой, отглаженной форме. Он сидел на корточках перед разложенными на досках в строгом порядке винтовками, автоматами со складным прикладом, американскими полуавтоматическими винтовками, гранатами, взрывчаткой. Лыонг казался все таким же крупным и плотным. Киню был хорошо памятен и этот крохотный красный шрам в уголке глаза, и энергичные жесты, и решительный голос. Лыонг держал в руке полуоткрытую записную книжку и с кем-то ругался:

— А ну взгляните-ка! И это называется владеть оружием!

«Как он сильно постарел! — заметил про себя Кинь. — Ему сейчас дашь больше тридцати». В первый момент Кинь даже подумал, что ошибся.

— О чем спор? — с улыбкой спросил Кинь, подходя и останавливаясь у каменного приступка перед домом.

Лыонг, подняв голову, впился взглядом в левый, израненный глаз Киня и, отшвырнув записную книжку, крикнул:

— Господи, да ведь это Кинь!

Только когда Лыонг до боли стиснул его своими железными ручищами, Кинь окончательно поверил в то, что перед ним действительно живой Лыонг. А Лыонг уже тащил его в дом.

— Где вы сейчас? Как вам удалось меня разыскать?

— Я теперь у вас замполитом полка, только вчера прибыл. — Левый глаз Киня затуманился. — Рассказывай... Как ты живой-то остался? Мы тогда с ног сбились, думали, что тебя убили. Весь день искали твое тело, а потом узнали, что ты попал в плен. Я уж думал, что они тебя собакам скормили!

— Я и сам думал, что скормят. Только нашенских нелегко извести. Ну дела! Да, мир тесен. Вот и снова мы с вами в одном полку оказались! Как ваши? Жена, дети?

Кинь вкратце рассказал о своей семье.

— Ну, а самый старший? Помните, вы о нем тогда говорили?

— Лы, что ли? Он у нас второй. Я послал его в армию, он у артиллеристов. — Кинь вздохнул. — Служит хорошо, а фантазии свои не оставил. Все ему хочется чего-то необыкновенного... Не знаю, что и делать...

Лыонг поднялся и протянул руку за карабином, висевшим под потолком на балке.

— Подождите меня немного. Сейчас схожу на болото, подстрелю утку. Никуда вас не отпущу, пока не расскажу про себя все.

— А как же проверка оружия? Вам еще надолго?

— Не беспокойтесь. За время нашего похода вы ведь убедились, в каком состоянии я привык держать оружие. Никто из моих бойцов не питает иллюзий относительно этого.

Кинь обошел деревню, где располагалась разведрота Лыонга. Стояло прямо-таки безмятежное раннее летнее утро. Чистое небо еще не прочертили американские бомбардировщики, совершавшие свои рейды по тылу. Возле шелковиц Кинь заметил утку. Она неторопливо выступала во главе своего семейства. Недавно вылупившиеся птенцы удивительно напоминали крашенные комочки ваты. У колодца ротные кашевары любезничали с девушками. Вся главная улица, вымощенная кирпичом, была покрыта рассыпанным на просушку рисом. На другом краю поля грохнул выстрел. Приглядевшись, Кинь различил в той стороне, среди высоких, почти в рост человека, зеленых трав, бегущую фигурку и сразу вспомнил себя и Лыонга на той поляне, где горели сухие травы...

Обедать он остался с разведчиками и всю вторую половину дня проговорил с Лыонгом. Ушел Кинь, когда было уже совсем поздно. Шагая рядом с ним по темному деревенскому большаку, Лыонг осторожно спросил:

— Видно, опять нам вместе в бой?

— Конечно, — ответил Кинь. — Не сидеть же нам здесь сложа руки. Ведь не для того народ пехоту кормит, чтобы она любовалась на свои штыки.

В разведроте за Кхюэ закрепилось много разных прозвищ, которыми его в разное время наградили бойцы: и Перчик, и Говорун, и Стратег. Трудно сказать, какой из своих еще не известных талантов собирался проявить Кхюэ в предстоящей операции, но только и в разведроте, и в разведотделе дивизии все в один голос утверждали, что этот невысокий проворный командир отделения с коротко подстриженными волосами и черными щелочками глаз рожден быть разведчиком. Кхюэ никогда не покидало хорошее настроение, он умел быть и юношески отчаянным, и по-стариковски рассудительным, а по части наблюдательности мог дать сто очков вперед самому тертому калачу. И хотя среди других командиров отделений разведроты не было

посредственностей (наоборот, каждый был своего рода знаменитостью), девятнадцатилетний Кхюэ, выглядевший еще моложе, по общему признанию слыл докой во всех делах. Кроме того, взгляд его влажных блестящих глаз находили «убийственным» для девушек, а о его красноречии были самого высокого мнения. Он настолько быстро освоился среди разведчиков, что вскоре его считали уже ветераном роты. После совещаний он непременно задерживался покурить и побалагурить с другими командирами отделений. Они давали читать друг другу свои письма, затевали веселую борьбу или, как дети, гонялись друг за другом. Увидев однажды, как Кхюэ носится по двору, играя в пятнашки с детьми хозяина дома, где квартировал, Лыонг удрученно подумал: «Ну какой из него командир? Он же совсем мальчишка!» Но, когда начались маневры, тот же Лыонг, наблюдая, как Кхюэ обучает своих людей, невольно признал: «Да ведь такому и рота по плечу!»

— Ты в боях уже был? — спросил он как-то Кхюэ.

Кхюэ зажег сигарету, не спеша, с достоинством угостил Лыонга и, выпустив дым, пристально глянул на него сквозь свои щелочки.

— Пришлось немного...

— Когда?

— В прошлом году, в сезон дождей.

— Где именно?

— В районе дороги номер девять.

Личное дело Кхюэ сказало Лыонгу больше этих односложных ответов. Ротный узнал, что Кхюэ награжден двумя орденами. «Да, нужно присмотреться к своим людям», — подумал Лыонг и вскоре еще раз убедился в необходимости этого.

Вместе с командиром полка Няном и группой штабников Лыонгу предстояла командировка для подготовки операции. Перед дорогой Лыонг заглянул к кашеварам и попросил старого Дао, их старшего, подстричь его.

Закрыв широкую грудь ротного лоскутом парашютного шелка, Дао, примеряясь, кружил вокруг него, вертя головой, щурясь и безостановочно лязгая ножницами.

— Может, без красот обойдемся? — заметил Лыонг, глядя на выкрутасы своего «парикмахера» в измазанной сажей поварской куртке. — Я тороплюсь!

— Если рассудить, так ты у нас парень холостой, неженатый, и я просто обязан сделать тебе модельную стрижку!

— Ну на этот раз любоваться твоим искусством придется одним лишь американским лазутчиком!

— Вот и хорошо. Пусть лишний раз убедятся, что наш брат — мастер на все руки!

— Ладно, ладно, отец. Неси-ка лучше сюда горшок да подровняй под него!

Когда процедура была закончена и Лыонг собрался уходить, старик вдруг спросил:

— Вы про Кхюэ ничего не слышали?

— А что такое?

— Вчера, когда мы легли — мы с этим живчиком спим на одних нарах, — он все ворочался с боку на бок. Я даже обругал его: хватит, мол, вертеться, дай другим поспать. Гляжу, он встает, глаза красные. Вот, думаю, какой самолюбивый парень — сразу в обиду! А когда я проснулся и стал совать ноги в сандалии, вижу, на полу конверт валяется. Кхюэ письмо обронил. Смотрю — почерк его младшего брата. Из дому, стало быть. Я и прочитал. Знаете, что он пишет? Их дом разбомбило, пятилетний братишка погиб, а мать тяжело ранена!..

В тот же день к вечеру Лыонг отправился на поиски Кхюэ. Со стороны холмов доносился раскатистый крик поднимающегося в учебную атаку отделения. Где-то в другой стороне раздавался смех, слышались веселые возгласы бойцов, выкуривавших из норок хомяков.

Отделение Кхюэ отдыхало. Разведчики собрались в кружок на недавно убранном поле. Свежие ветки маскировки, прилаженные на плечах и да пробковых, защитного цвета шлемах, придавали сидящим бойцам сходство с невысоким кустарником на сухой, растрескавшейся земле среди свежих снопов рисового жнивья, разливавших над октябрьским полем знакомый терпкий аромат.

Еще издали Лыонг услышал уверенные, обстоятельные объяснения Кхюэ: командир отделения разбирает занятие.

Лыонг отозвал его в сторону, и они пошли по краю поля, на котором кое-где еще остались редкие, нескошенные колосья риса.

— Кхюэ, я скоро ухожу, — начал Лыонг.

— Вы ведь хотели взять меня с собой. А теперь передумали? Почему?

— Ты сначала должен побывать в отпуске. — Лыонг замолчал и, выждав некоторое время, с трудом подбирая слова, спросил: — Ты получил письмо из дому? У тебя горе?

— Откуда вы знаете?

— Старик сказал.

— Значит, прочитал все-таки письмо...

— Он говорит, в ваш дом попала бомба, братишка убит, а мать тяжело ранена...

— Так оно и есть...

— Почему ты не сказал мне?

— Зачем? — переспросил Кхюэ, и лицо его омрачилось печалью. Однако Кхюэ быстро взял себя в руки. — Вы хотели мне еще что-то сказать?

— Нет, ничего.

— Тогда я пошел к ребятам, продолжим занятие.

Как ни ломал себе впоследствии голову Лыонг, не мог он понять, почему в ту ночь, когда уже был сложен вещмешок и приготовлен полный запас продовольствия и оружия, так что оставалось только взвалить все это на спину и отправляться в путь, он, захватив карманный фонарик, направился к Кхюэ. Лыонг шагал по темной дороге, по обеим сторонам окруженной скирдами, источавшими терпкий, устоявшийся аромат свежей рисовой соломы. Круглый светящийся глазок фонарика подрагивал в такт шагам, а Лыонгу почему-то казалось, будто фонарик ехидно подмигивает ему. Дело в том, что бойцы в роте частенько подтрунивали над Лыонгом, сватая ему в невесты сестру Кхюэ. Ох, уж этот Кхюэ!..

— Сдается мне, что вам непросто знакомиться с девушками, — сказал он как-то Лыонгу во время перекура, когда они собрались у ротного.

Лыонг в тот момент что-то писал. Услышав реплику Кхюэ, он поднял голову и, застенчиво улыбнувшись, ответил:

— Точно, мне как-то боязно становится...

— Невелика беда, — успокоил ротного Кхюэ. — Я за вас свою сестру отдам. Она девушка достойная, нестроптивая, а что касается внешности, то куда красивее дочки вашего хозяина. Правду говорю. Вот когда сами увидите, убедитесь!

Все зашумели, гадая на все лады, как познакомить жениха с невестой и сыграть свадьбу. И тут кому-то пришло в голову спросить, где теперь сестра Кхюэ. Какой же поднялся хохот, когда Кхюэ с невинным видом сообщил, что она — работник снабжения на линии Дороги единства. Ищи ветра в поле! Да, сестра Кхюэ могла быть красавицей и самой достойной из всех девушек, но она находилась в недостижимой дали — «там», и этим сказано было все. Сама встреча с ней казалась совершенно невероятной. Кто мог тогда предположить, что настолько изменится обстановка? Теперь Лыонгу как раз и предстояло пройти этот долгий, бесконечно длинный путь...

Лыонг с девушками становился застенчив и неловок. Этот почти тридцатилетний мужчина, побывавший во многих боях, едва ли мог припомнить случай, когда ему доводилось держать девушку за руку.

Была, правда, одна встреча — ее он до сих пор помнит — с красивой горянкой. После того боя на бугре, где они были вместе с Кинем, Лыонга взяли в плен и бросили в глухую одиночку, где ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки. Ночью ему удалось оттуда выбраться и скрыться в джунглях. Рано утром, прячась за деревьями, он увидел, что находится на окраине маленького поселка, расположенного рядом с дорогой № 9 и носившего название Хыонгхоа. Старик, который помог ему выбраться из тюрьмы, привел его к себе домой. Ступив на отполированный за долгие годы бамбуковый пол, Лыонг отшатнулся, пораженный ослепительной красотой молодой женщины, сидевшей у очага. По местному обычаю одежда оставляла открытой верхнюю часть тела. Лыонг едва осмелился украдкой взглянуть на округлые плечи и грудь, будто выточенные искусным резцом из белого мрамора. Цветущее лицо красавицы обрамляли пряди длинных черных волос, ниспадавшие по обе стороны наброшенного на голову маленького платка. Продолговатый разрез глаз оттеняли длинные, густые ресницы. Крупные губы отливали кармином, влажно блестели ровные белые зубы, безукоризненным был изгиб высокой, чуть полноватой шеи. За все то время, что Лыонг пробыл в домике на сваях, девушка не произнесла ни слова, но ему чудилось, что она беседует с ним легким взмахом длинных ресниц, украдкой брошенным взглядом удивительно красивых глаз. Сиём! Он до сих пор хранил в памяти ее имя — Сиём. Воспоминания о прекрасной молодой женщине, молчаливо сидевшей у очага, давным-давно и к тому же мельком увиденной Лыонгом, неизменно приводили его в приподнятое, радостное настроение. В жизнь Лыонга никогда не входила любимая женщина, и вся его нежность была глубоко скрыта под внешней суровостью. И этому решительному, твердому и вообще-то уверенному в себе человеку уже казалось, что для него знакомство с девушкой, ухаживание за ней — пустая трата времени. Однако, собираясь отправиться к месту предстоящей операции и завершая множество дел, которые ему, как ротному, полагалось до ухода закончить, Лыонг вдруг представил, как на Чыонгшоне он заглянет на огонек на одну из баз снабжения и встретит там незнакомую девушку, которая подаст ему заботливо подогретую рисовую лепешку, завернутую в банановый лист, и после первых же сказанных им слов взволнованно спросит: «Кхюэ? Вы говорите, Кхюэ? Я его сестра! А вы его друг? Вместе служите?..»

Кхюэ еще не спал и разговаривал с каким-то парнем, лежавшим с ним на нарах. По другую сторону просторного помещения с обшитыми досками стенами два ряда кроватей пустовали, в изголовьях лежали вещмешки и аккуратно свернутые одеяла и накомарники.

— Кхюэ, решил у тебя поспать последнюю ночь!

Лыонг зажег фонарик и заметил устремленный на него из-за спины Кхюэ любопытный взгляд.

— Лучшего места не нашли?

— А, это ты, Кой?

— Я. — Кой попытался встать и потянулся было за сандалиями, но Кхюэ толкнул его в плечо, заставив снова лечь. Они потеснились вплотную к стене, уступив Лыонгу половину постеленной на нарах циновки. Однако Лыонг продолжал стоять и, направив вниз резкий луч света фонарика, спросил:

— Курить найдется?

Парни вскочили. Кхюэ сказал:

— Никого нет. Ребята на ночных занятиях!

— Разве они на сегодня назначены?

— Это я послал их. Ребятам нравятся ночные тренировки. Я поручил провести их своему помощнику.

Снаружи донесся гул пролетающего американского самолета. На дороге у моста стали рваться бомбы.

— Мы обсудили все и решили, что завтра утром ты можешь собираться в отпуск, — сказал Лыонг, обращаясь к Кхюэ.

— Вот это ротный! Ну и молодец! — закричал Кой.

Кхюэ, хлопнув его по плечу, объяснил:

— Мы с ним из одной волости и вдобавок почти что родственники. — Он протянул Лыонгу заранее приготовленное письмо. — Когда пойдете туда, загляните на тридцать четвертую базу. Моя сестра там. Я написал ей о вас.

Взгляд Коя буравчиком впился в Лыонга, заставив его покраснеть, и Кой, эта продувная бестия, улыбаясь, обеими руками стиснул дрожащую руку ротного с зажатым в ней письмецом и крепко потряс ее:

— Удачи, командир! Удачи!

* * *

С первых же дней в штабе полка за Кхюэ закрепилось прозвище Сын Замполита.

Долгие годы политработы научили Киня в первую очередь изучать характеры тех, кто находится рядом с ним. Один из опытных замполитов как-то раз в беседе с политработниками, среди которых находился и Кинь, заметил:

— Солдата, чья повседневная жизнь протекает рядом с его командиром, можно сравнить с ребенком. Если окружающие его взрослые — хорошие люди, таким же вырастет и ребенок, и наоборот.

«Но, с другой стороны, — думал Кинь, — солдата, с оружием в руках сражающегося с врагом, никак нельзя уподоблять ребенку, во всем подражающему взрослому. У молодых свои взгляды на жизнь, свои сильные и слабые стороны...»

На марше Киню приходилось заниматься широким кругом вопросов: от подготовки личного состава к предстоящим сражениям до организации питания подразделений. Кстати, нельзя было недооценивать значения горячей пищи после долгого, трудного марша по сырым джунглям. От этого зависело и настроение солдат, и их здоровье; это берегло от болезней. И организовать это было не так-то просто при такой массе двигавшихся войск.

Остановившись на привал и сняв с себя вещмешки, солдаты видели, как замполит с неизменным посохом в руке уже вел беседу с начальником пункта снабжения. Казалось, только что замполит шел рядом с солдатами, на ходу проводил совещание с командирами, и все-таки каждый раз он каким-то непостижимым образом оказывался впереди и задолго до остальных появлялся на месте очередного привала.

— Поймите, товарищ замполит, — говорили ему на каждом пункте, — ведь солдаты все идут и идут. Будь у нас даже десять рук, и то не успели бы всем приготовить!

— Знаю, знаю, товарищи, нелегко вам, — мягко улыбался Кинь. — Да ведь это должно вас только вдохновлять! Пусть эта дорога каждый день будет заполнена, как в праздник! Три или четыре года назад я тут проходил, так мы все вот в этом здании умещались. Вы, разумеется, не помните, сколько народу здесь прошло, а я очень хорошо помню. А теперь нас так много, что на привал приходится останавливаться на специально расчищенных полянах, да и тех не хватает. Так ведь радоваться этому надо, не так ли, друзья?!

Лицо начальника пункта светлело, и каждый думал о важности и значимости порученного ему дела. Кинь не курил, но в его пестрой холщовой сумке всегда были припасены сигареты. Начав пачку и широким жестом обнося всех, кто был на пункте, он обычно говорил:

— Из дому еще сигареты. Курите, угощайтесь, друзья. За наш общий марш!

В густом табачном дыму, заполнявшем все помещение пункта, Кинь начинал рассказывать про своих солдат, читал стихи о их героизме и подвигах тех, кто обслуживал армию во время нелегкого марша через древние джунгли. А потом, как по уговору, набегали с котелками и судками кашевары 5-го полка; после беседы Киня весь пункт снабжения, как бы очнувшись, с поспешностью принимался за работу, и скоро в котлах уже все кипело.

— Товарищ командир, — попросил как-то Кхюэ, когда они подходили к очередному пункту, — разрешите мне на этот раз поговорить с ними.

— Ну давай, — засмеялся Кинь. — Послушаю, что у тебя получится, как ты умеешь вести пропаганду.

Начальником этого перевалочного пункта оказался с виду суровый, пожилой, израненный мужчина со впалыми, будто ссохшимися щеками. После первых же фраз выяснилось, что и здесь испытывают такие же трудности, как и на предыдущих пунктах. Кхюэ понимал, что этому человеку излишне напоминать о его обязанностях, но все же сказал:

— О необходимости горячей пищи для солдат на марше постоянно твердят сами же товарищи из интендантского управления.

— Мы уже сообщали управлению, что не справляемся. Число людей превысило все наши ожидания...

— А мы ведь идем в соответствии с приказом. Вы что же, хотите, чтоб нас меньше стало? Как же тогда с американцами драться? Нет, вы обязаны найти выход!

— Молод еще так разговаривать! — Лицо начальника пункта покрылось пятнами, но от Кхюэ не так-то легко было отделаться.

— Значит, я слишком молод? Значит, вы считаете для себя недостойным со мной разговаривать, так, что ли? — поднялся он.

— Сядь, — стараясь смягчиться, сказал начальник. — Пусть ваши солдаты передохнут и поедят рисовых лепешек.

— Нет, так дело не пойдет. Они вчера уже ужинали этими лепешками. Если не справляетесь, дайте нашим кашеварам продукты. Мы сами на поляне приготовим, но, если дым от походных кухонь заметят с самолетов, вся ответственность за последствия ложится на вас. Согласны?

— Хорошо, хорошо! — схватившись за голову, проговорил начальник пункта. — Я сам пойду на кухню. Пусть ваши солдаты пока отдохнут!

Пожав руку начальнику пункта, Кинь и Кхюэ вышли.

— А ведь этот товарищ — очень хороший человек, Зря ты так, — заметил Кинь.

— Да, я знаю. У них у всех глаза красные, воспаленные, и у него тоже. Видно, много ночей не спали, того гляди, тут же свалятся. Именно поэтому я так и разговаривал.

— Ну что ж, — сказал Кинь, — видимо, так тоже можно.

— Вы не согласны?

— Ты парень молодой и привык все напрямик говорить, — тихо и медленно начал Кинь. — Но мы должны помнить, что на пунктах снабжения служат тоже солдаты революции и что им тоже трудно. Нужно уметь подбодрить их. Я бы сравнил их с очагом, в котором никогда не гаснет пламя. Мы, тысячи солдат, приходим сюда, чтобы погреться и получить горячую пищу. Но если хочешь греться возле очага, то должен и добавлять в него хворост, верно?

2

Полк Киня находился уже на последнем, завершающем участке пути.

На дороге, стиснутой с обеих сторон лесной чащобой, скапливалась, бурлила, передвигаясь, людская масса, шумевшая, как паводок в горловине водоворота. Здесь, у подножия самого высокого участка горной цепи, у голых вершин, изредка украшенных одиноко темневшими деревьями, располагались склады «Б». Все части — независимо от того, какой дорогой они шли, прямой или в обход, — сосредоточивались здесь, пополняя запасы риса, продовольствия и медикаментов перед последним броском непосредственно в район боевых действий. Было так многолюдно, что при желании не удалось бы определить, сколько и каких собралось здесь подразделений. Все смешалось воедино — лес, деревья, люди, оружие, боеприпасы; все превратилось в огромную кишашую массу. Толкотня, разгоряченное дыхание, запах пота, немолчный гомон — это бурлила сама жизнь, волею обстоятельств оторвавшая стольких трудолюбивых мужчин от родных гнезд, это рокотал гнев страны, еще раз взявшей за оружие. Казалось, сама история, само будущее шагает здесь в измазанных глиной солдатских башмаках. Потные, разгоряченные, измученные

лица утрачивали твердые очертания, растворяясь в общем потоке людской массы, непрерывно льющейся с горных склонов, стекающей сюда со многих лесных тропинок. При взгляде на эти молодые лица в воображении возникали лица оставшихся дома матерей, отцов, сестер и братьев. Все — движение. Все — устремленный в будущее взгляд. Скольких историков и литераторов, перу которых будет дано вновь вызвать к жизни эти картины, таила в себе мощь этого огромного людского потока?..

Три батальона 5-го полка уже почти миновали зону скопления войск, только несколько хозяйственных рот и недавно присоединившийся дивизион легкой артиллерии тянулись еще позади. Кинь, шедший поначалу с 1-м батальоном, пропустил его вперед и остался поджидать дивизион. Разобранные части орудий артиллеристы тащили на плечах или несли подвешенными на жердях, и весь дивизион издали напоминал спутанный клубок, упрямо ползущий вверх по недлинному — всего какая-нибудь тысяча метров, — но очень крутому и извилистому склону. Те, кто прокладывал здесь дорогу, учли, что склон не из легких, и вырубили в нем ступеньки, приладив на каждой для страховки от осыпи половинку деревянного кругляша, плотно зажатую между забитыми глубоко в землю брусками. Однако дерево успело стесаться от бесчисленного множества прошедших здесь за последнее время ног. На коре деревьев по обеим сторонам тропы вдоль склона на одном уровне от ствола к стволу тянулась темно-красная свежесодранная полоса — след, оставленный множеством цеплявшихся, ищущих опоры рук. Солдаты шли в трусах, свернутые широкополые панамы были прилажены сбоку. Какой-то парень, совсем еще школьник, удерживая на плече конец толстой жерди с подвешенным к ней орудием примерно в центнер весом, стоял наготове у начала подъема и, задрав голову, смотрел вверх на мелькавшие по ступенькам лестницы щиколотки.

— Моя жена такие письма пишет, прямо сочинения по литературе: «Я хочу, любимый, пройти с тобой все высокие перевалы и глубокие ручьи», — раздался чей-то голос.

— А чем она занимается?

— На строительстве дорог работает...

— Чыонгшон, мы здесь, с тобой...{1}

— Одолеем гору, ох и напьемся же водички!

— Нас несут орлиные крылья...{2} Знать бы раньше, что так случится, я бы не сидел сложа руки, а засадил бы весь Чыонгшон карамболой{3}. Вот бы сейчас — с ветки на ветку!

— А я бы лучше шелковицу посадил!

— Ты, морская душа, даже не знаешь, как она выглядит!

— Почему не знаю? Сама черная, листики маленькие!

— Балда, это же дерево шунг-дат! — поднялся общий хохот.

— Да он только что из моря вылез и штаны только в армии научился носить. Где ему дерево от дерева отличить?..

— Эй, генералы, вперед!

И опять мелькают мускулистые, в набрякших жилах ноги, гладко оструганные жерди или только что срубленные стволы деревьев, на которых трепещут еще свежие листья. Несколько пар ног одновременно топчутся на одной ступеньке. Плечи и тела приникают друг к другу. Руки в поисках опоры хватаются за стволы и ветви по обеим сторонам подъема. Натужно склоненные шеи и открытые от напряжения рты мелькают справа и слева от жердей. Кинь слушал тяжелое, надрывное дыхание дивизиона. Кинь был в шортах. Его желтая рубаха с квадратным вырезом насквозь промокла от пота. Сложив руки одна на другую, он опирался на беличью головку — искусно вырезанную из дерева рукоять длинного посоха, до блеска отполированную за многие годы. Из-за поворота показались головы первых артиллеристов. Кинь зажал посох под мышкой и, сложив руки рупором, крикнул:

— Молодцы, ребята! Выдерживаете темп легендарной армии Нгуен Хюэ{4}!

Какая-то пехотная рота с громоздкими грузами на жердях отдельными группами вклинивалась в цепочку артиллеристов. Уставшие лица

артиллеристов сменялись улыбчивыми лицами пехотинцев. Оброненные на ходу слова и фразы вливались в общий ровный гомон.

— Привет, Кхюэ! Ты в этом полку?

— У меня сестренка востроглазая есть. Кто табачку не пожалеет — сосватаю!

— Горазд бахвалиться! Что, забрался сюда и уже дух вон?

— Мамочки! Когда же домой вернемся?

— Сколько же лесов у нас? Тьма-тьмущая!

— Мы идем, душа парит...{5}

Плотный, густой солдатский поток... Над головами то и дело слышится гул самолетов. Едва стихал рокот бомбардировщиков, как над джунглями появлялись вертолеты. Спустившись пониже, они действовали медленно, как улитка, переползавшая с камня на камень.

Перевалив на другую сторону склона, солдатский поток соединился с другим таким же потоком. Там солдаты все, как один, были в касках, с обветренными красными лицами. С обеих сторон раздавался дружный радостный крик, полетели вверх подброшенные панамы и каски. Где-то уже заспорили, кто кого вытесняет из шеренги.

Кинь рукоятью посоха показал вперед:

— Ты видел когда-нибудь такое, Кхюэ?

— В прошлом году. Но тогда столько не было...

— Я тоже никогда такого не видел. Никогда! Ну пошли!

Пробираться вперед приходилось с большим трудом. Кхюэ шел позади. Его вещмешок то и дело цеплялся то за чей-то миномет, то за кошелек риса, то за какие-то наскоро сплетенные корзины, привязанные к чьему-то вещмешку. По дороге они обогнали роту пехотинцев. Только человек десять из всей роты шли налегке, остальные на плечах или на жердях тащили какой-нибудь груз.

Впереди этой роты двигалась еще одна точно такая же рота. Проплывали жерди из дерева или бамбука. Шли солдаты — высокие и низкорослые. Шагали худощавые, с ухоженными блестящими волосами горожане и кряжистые от сохи крестьянские парни. Следом за высоким смуглым хирургом медсестры несли на коромыслах помеченные большим красным крестом тюки с медикаментами и перевязочными материалами. Человек пять солдат, догнав свою часть, тащили на жердях-коромыслах (по четыре с каждой стороны) минометные мины, похожие на бутоны банановых цветов, с двумя опоясывающими красными полосками. Шагавший в центре парень, по-видимому старший группы, без устали задавал один и тот же вопрос, стараясь найти свою часть:

— Это «Хиенлыонг»?

— Нет, «Река Ча»!

— Это «Хиенлыонг»?

— Нет, «Красная река»!

Кхюэ догнал своего замполита и пошел следом. В глаза ему невольно бросилось светлое пятно свободной от ноши спины Киня.

— Где ваш вещмешок, командир?

— Ох ты! Забыл, видно, там, на склоне!

— Идите, я вас догоню!

И Кхюэ повернул назад. Только что безлюдные джунгли по обеим сторонам дороги теперь заполнились солдатами — здесь многие части разбили походные лагеря. Вокруг стоял многоголосый гомон. Трещали срубаемые ветки, слышалась дробь ударов по вбиваемым в землю колышкам. Среди всеобщей суеты какой-то шустрый паренек уже ухитрился подвесить свой гамак и, растянувшись в нем, завопил так, что все вокруг содрогнулось: «Э-ге-гей! Чыонгшо-о-о-он!» Несколько солдат, не успев устроиться, бросились к ручью ловить руками прятывшуюся под камнями рыбу. Один боец, усевшись на траве, увлеченно писал что-то в записной книжке. Другой, отхватив

ножом здоровый кусок коры с росшего у обочины гигантского дерева, уже нарисовал на обнажившейся белой древесине, залитой сочившейся смолой, длиннущую, как хвост дикобраза, стрелу-указатель и теперь старательно выводил слово «Тхубон» — условное название своей части. Из глубины чащи доносился пронзительный крик птицы бим-бип{6}. По соседству с дорогой одно из подразделений уже снималось со стоянки. Командир одной рукой бережно прижимал к груди транзистор, а другой, зажав в ней посох, описывал огромные круги в воздухе. Издали казалось, будто он размахивал мечом. Он шутливо торопил бойцов:

— Быстрее! Поторапливайся, ребята! А то на нашу долю американцев не останется!

Солдаты, галдя, сворачивали гамаки. Полотнища из светло-зеленой нейлоновой ткани, только что развешанные по всему лесу вдоль ручья, были свернуты в считанные секунды, будто вспорхнула сразу стая бабочек. Солдаты выходили на дорогу и строились. То тут, то там поднимался вверх дым, кольцами обволакивая стволы деревьев и застаиваясь под непроницаемыми темно-зелеными кронами: каждое отделение оставило после себя круглое пятно золы от костра.

Кхюэ шагал среди постепенно рассеивавшегося дыма, в котором все вокруг приобретало призрачные, иллюзорные очертания. Перевал, где замполит оставил свой вещмешок, с давних времен солдаты неизвестно почему окрестили «тетушка Динь». Вернувшись сюда, Кхюэ увидел многочисленные следы солдатских башмаков и посохов, отчетливо отпечатавшиеся на ступеньках, покрытых толстым слоем грязи, на вязкой глинистой дороге, плотно утрамбованной множеством ног, и на боковых, только что проложенных тропинках. Молодой бамбук был повален в грязь, камни вдавлены в землю. Орел и орлица с кротким взглядом маленьких глаз, но устрашающе загнутыми длинными клювами, шумно хлопая крыльями, описали в воздухе круг и величественно удалились. Со стороны леса у подножия гор настойчиво повторялись позывные: «Красная река, вас вызывает Меконг. Красная река, вас вызывает Меконг. Красная река течет. Красная река течет. Меконг, как слышите? Отвечайте!» Какой-то полк, находившийся на марше, вплетал свой голос в сеть радиоволн.

На самой высокой точке склона, там, где недавно стояли Кинь и Кхюэ, отдыхали два солдата и собака. Пес, уткнув нос в корневища, глухо заворчал. Один из бойцов, долговязый, худой, с рацией за спиной, наклонившись вперед, оттягивал кожаный собачий ошейник и зачем-то пытался засунуть за него зеленую ветку. Другой, темнокожий и малорослый, сидел около двух вещмешков и постукивал палкой по третьему, лежавшему у обочины, в котором Кхюэ сразу узнал вещмешок замполита. Тощий вещмешок Киня походил сейчас на съезжившегося голодного лиса. Кроме пятен пота на нем отпечатались бесчисленные следы от палок и посохов прошедших мимо подразделений. Кхюэ открыл его. Все нехитрое имущество было на месте — хлопчатобумажная форма, зеленый шерстяной свитер и брусок магика{7} в серебряной фольге.

Кхюэ обменялся с солдатами ничего не значащими фразами. Пес, оставив в покое корневища, повернулся к обочине и с видимым удовольствием принялся облаивать Кхюэ. Тот старательно завязал вещмешок и, окинув его оценивающим взглядом, забросил за плечо. Потом, указав на собаку, спросил:

— Если не секрет, где такого уroda откопали?

— Ты сам-то откуда взялся? — иронически поинтересовался долговязый.

— Не успел появиться, а уж... — недовольно буркнул второй.

— Кстати, приятель, как тебе удалось вещмешок обронить?

— Это вещмешок моего командира.

— Однако твой командир рассеян, как поэт! — сделал заключение долговязый. — Не найдется ли у тебя зажигалки, приятель?

Долговязый прогнал собаку, достал сигареты и широким жестом протянул Кхюэ. Тот щелкнул зажигалкой. Долговязый наклонился прикурить. Кхюэ острым взглядом окинул высокий белый лоб долговязого бойца и, встретившись с его блестящими угольно-черными глазами, подумал, что, возможно, он еще увидится с этим прикуривающим у него сейчас парнем.

* * *

Около полудня ненадолго прояснилось. В ручье и на листьях заиграли солнечные блики, но очень скоро они погасли. В джунглях вновь зашумел дождь. Почва под ногами стала вязкой. От зеленых лужаек, размытых потоками грязи, тянуло прелью. Пот каплями стекал по лицу, пропитывал волосы. Липкая потная одежда от холодных испарений, поднимавшихся с земли, становилась заскорузлой. После захода на склады «Б» заплечная поклажа стала заметно тяжелее. Вдоль дороги валялись пустые консервные банки. Бойцы дымили сигаретами.

Ручьи от дождя помутнели. Время от времени с резким воем проносились самолеты; иногда они натужно гудели, будто где-то по самым вершинам, тяжело пыхтя, полз паровоз. 5-й полк догонял все новые и новые части. Людской поток уносился к берегам Сепона. Эта река отделяла Вьетнам от Лаоса. Здесь проходила одна и та же горная цепь, тянулись одни и те же джунгли, но пейзаж по обе стороны хребта был совершенно различным. По эту сторону продолжал моросить дождь, по ту — ярко светило солнце. Солдаты, едва перевалив за хребет, наперегонки спешили вниз, к песчаным пляжам. Река протекала в глубокой лощине, которая сверху напоминала живопись по шелку. Правда, полотно картины в нескольких местах было подпорчено пятнами пепелищ, оставшихся от американских бомбежек. Вдали ярко золотились на солнце высокие круглые соломенные крыши домов на сваях. В деревнях, разбросанных вдоль реки, повсюду виднелись следы разрушений. От многих домов остались пустые коробки. Торчали обугленные стволы кокосовых пальм, росших над самой водой. Поля опиумного мака лежали заброшенными. А вокруг как ни в чем не бывало буйно алели цветы зонг-жиенга и грациозные лаотянки в светло-зеленых юбках спешили с кувшинами к реке. И словно для того чтобы придать всей этой картине еще больше неповторимого, местного, колорита, по выжженной траве группами бродили рабочие слоны, а послушные слонята трусили вслед за девушками с тяжелыми блестящими шиньонами на макушках.

А по эту сторону, во Вьетнаме, по-прежнему моросил дождь. Среди солдат разнесся слух о том, что вот-вот должен подойти фронтовой

ансамбль, и весь лес вокруг, казалось, заразился нетерпением ожидания. Наконец вдалеке показались устало идущие люди — около тридцати человек. Это и был фронтальной ансамбль. Добрую половину его составляли женщины. Солдаты уже издали разглядели покатые плечи, распущенные длинные или уложенные в прическу волосы, белые лица, маленькие барабаны, бубны и даны{8}.

Два связиста с собакой тоже каким-то образом очутились среди артистов. Долговязый худой боец с угольно-черными глазами шагал рядом с девушкой в военной форме. Ворот френча на девушке был расстегнут. Совсем юное лицо ее поражало мягкой красотой, длинные густые волосы были перехвачены заколкой, из-под закатанных форменных брюк виднелись округлые икры ног.

— Вы куда? Прямо или свернете у реки? — спросил девушку долговязый боец.

— Мы идем к дороге номер девять. Видимо, здесь свернем.

— Значит, нам по пути. А я вас давно знаю. Вас зовут Хиен...

— А что еще вы обо мне знаете? — засмеялась девушка, обнажая ровные, ослепительно белые зубы.

Их разговор прервали аплодисменты, раздавшиеся со всех сторон; послышалось громкое скандирование: «Просим выступить! Просим выступить!» Собака, воодушевленная общим шумом, принялась лаять. Ансамбль остановился. Посоветовавшись между собой, артисты тут же рассыпались по склону. Несколько девушек побежали к реке, неподалеку от которой расположился 1-й батальон 5-го полка, где находился Кинь. Молоденькие солдаты, застеснявшись девушек, растерялись и испуганно поглядывали друг на друга. Скованные робостью, они молча пялили на девушек глаза. Конечно, потом они будут их вспоминать и обсуждать, какая красавица, какая уродина, какая кому больше всех понравилась. А девушки, не обращая внимания на растерянность парней, подскочили к ним, крепко пожали их дрожащие руки и, глядя в смущенно зардевшиеся лица, защебетали высокими звонкими голосами:

— Здравствуйте, здравствуйте! Мы так рады с вами снова встретиться!

— Точно! Я вас, правда, до сих пор не видел, но раз вместе идем на фронт, значит, мы с вами уже знакомы! — Кхюэ стиснул тонкие пальцы одной из девушек. Он был единственным, кто оказался в состоянии открыть рот и что-то сказать. — Смотрю я на вас и думаю: вот, бедняжки, не сладко им приходится!

— Да вам же во много раз труднее, чем нам!

— Наш брат солдат ко всему привычен и всему обучен!

В стороне, под развесистым деревом, только что закончилась летучка и Кинь принимал гостя. Прямо перед ним на полиэтиленовой пленке, постеленной на земле, сидел подошедший вместе с ансамблем мужчина в очках. У него было спокойное, открытое лицо и чуть рассеянная улыбка. Это был известный поэт. Внимательно выслушав Киня, он поправил пальцем сползавшие очки и пообещал:

— Непременно выберу время побывать в вашем полку...

Кинь всегда шумно выражал свою радость. Вот и сейчас, стараясь интонацией передать все свое уважение к большому поэту, он громко сказал:

— Ловлю вас на слове, Тхай Ван, ловлю на слове! А может, прямо отсюда с нами пойдете? Создадим все условия!

— Не знаю, смогу ли, — улыбнулся Тхай Ван. — Я сейчас что-то медленно стал работать...

— Не будьте к себе слишком строги! Да любое ваше стихотворение солдата поднимет! Я до сих пор помню, какое вы тогда, в сорок восьмом, написали!

— Вам уже удалось наладить связь с группами, готовящими операцию?

— Пока нет. Сегодня ночью, самое позднее — завтра утром!

Киню хотелось предложить поэту стакан горячего крепкого чая, но Кхюэ что-то нигде не было видно. Поодаль, выбрав место поровнее, тесным кольцом расположились солдаты: выступление ансамбля уже начиналось. Все было просто — не было ни грима, ни концертных костюмов. Хиен вышла на середину круга и, застыв в простой, естественной позе, поднесла стиснутые кулачки к груди. Когда она запела, все вокруг притихли. Голос ее взмыл ввысь. Глаза певицы сверкали, маленькие кулачки порывисто сжимались, и песня звучала все решительнее и бесстрашнее, воодушевляя собравшихся вокруг бойцов. Те самые мальчишки, которые только что, оробев, боялись поднять на девушек глаза, теперь усеяли весь склон, забравшись на высокие камни, и сидели, крепко прижимая к груди винтовки и не спуская с певицы замороженных глаз. Песня затихла. Обняв друг друга за плечи, плотным кольцом стояли вокруг импровизированной сцены солдаты, устремив на артистов задумчивые теплые взгляды. Казалось, сейчас, после песни, эти люди стали им намного ближе и дороже. И каждый вдруг подумал о том, что эта хрупкая маленькая девушка, которая только что для них пела, прошагала столько же километров, сколько и все они, преодолела столько же перевалов и горных речек.

После песни был танец. Сзади напирали: всем хотелось увидеть. Проходившие мимо части задерживались, с дальней стоянки тоже прибежали солдаты. Потом вышел Тхай Ван и начал читать свои стихи. Все затолкались: каждому хотелось посмотреть на знаменитого поэта. Когда он кончил читать и, протирая очки носовым платком, отступил назад, чей-то звонкий голос выкрикнул:

— А где же наш поэт?

Сразу раздались крики: «Вот он, вот он!» Несколько десятков рук вытолкнули в круг Киня.

Кинь, не торопясь, с достоинством вышел на середину и, вскинув на плечо свой посох, как часовой винтовку, молча огляделся. Его лицо светилось спокойным мужеством, и стихи, которые он стал читать, прозвучали как призыв:

Солдат за солдатом шагает вперед,
Чыонгшон им победную песню поет.
Громко цикады трещат, провожая солдат,
Наши полки на марше — джунгли кричат...

В ответ громом обрушились аплодисменты 1-го батальона. Их подхватили все, кто густо заполнил лес. Кинь, зажав посох под мышкой, вернулся на место.

— Как стихи, слушать можно? — спросил он своих солдат.

— Очень хорошие, и читаете вы хорошо!

— Только больно старомодные! — прокомментировал чей-то голос из-за спин.

— Кто сказал «старомодные»? — с грозным видом обернулся Кинь и вдруг увидел такую знакомую длинную, худящую фигуру, стоявшую рядом с собакой в стороне от всех. Долговязый боец с угольно-черными глазами шагнул навстречу Киню и срывающимся голосом крикнул:

— Отец!

— Лы, сынок! Ты здесь?

Лицо замполита на мгновение застыло, будто пораженное ударом электрического тока. Кинь из последних сил старался сдержать охватившее его волнение, чувствуя устремленные на него со всех сторон взоры. Сын оказался здесь, с ним, на берегу реки Сепон! Кинь придирчиво оглядел долговязую фигуру в военной форме. Для него это так много значило.

— Твой арtpолк тоже идет этой дорогой? — спросил Кинь.

— Я выполнял задание — получал рацию, а сейчас догоняю своих.

Кинь, крепко взяв сына за руку чуть повыше локтя, подвел его к Тхай Вану. Лы как-то сразу утратил свой самоуверенный вид, мучительно покраснел и смешался: его самолюбие было задето тем, что отец повел его за руку, как школьника. Тхай Ван внимательно наблюдал

сцену встречи отца и сына и невольно вспомнил многие произведения искусства, посвященные этой теме.

Кинь, показывая на сына, проговорил:

— Знакомьтесь, мой второй сын. Вот где встретились, на подступах к фронту! Тхай, дорогой, а ведь придется и вам стихи об этом сочинить! — Кинь повернулся к сыну и тихо сказал: — Расскажешь мне все, что делал в армии с самого первого дня. Какое личное обязательство принял? Характер не переменялся? Все такой же упрямый?

* * *

Полк был на подступах к фронту, и Кинь закружился в суматохе дел и совещаний, к тому же руководство только что присоединившейся специальной группы обеспечения то и дело обращалось к замполиту. Времени для разговора с сыном совсем не было. В конце концов Киню удалось все же выкроить пару минут и расспросить обо всем Лы, а затем он познакомил его со своим ординарцем. Лы и Кхюэ обменялись рукопожатием, хотя это и считалось совершенно излишним: солдаты друг другу рук не пожимали, а при встрече здоровались кивком или уж крепко обнимали друг друга.

Лы искренне обрадовался знакомству. Он привык судить о людях по первому впечатлению, а Кхюэ сразу же вызвал у него симпатию. Лы интуитивно угадал в нем чуткого и умного товарища, с которым — независимо от того, схожи ли у них характеры, — всегда будет интересно. К тому же Кхюэ спасал его от щекотливого положения, в котором Лы оказался: отец все время брал его за рукав и при встречах с людьми гордо пояснял: «Мой сын». Лы очень обрадовался неожиданной встрече с отцом, но считал, что солдату не пристало, как какому-нибудь недорослю, на виду у всех бойцов находиться под крылышком у отца.

Не теряя времени, Лы и Кхюэ отправились на берег Сепона. Цепкая память бывалого солдата подсказала Кхюэ укромное местечко на берегу, на которое он как-то раз наткнулся и где можно было вдали от посторонних глаз развести костер и заняться подготовкой пиршества в

честь знаменательного события. Кхюэ привел туда Лы кратчайшим путем — через джунгли. Военная обстановка обостряла все чувства. Они только обменялись рукопожатием, но уже одно это многое сказало Кхюэ. В этом парне, его ровеснике, по-видимому, даже чем-то на него похожем, в то же время было нечто такое, что заинтриговало его. Лы же в свою очередь смущался от взгляда узких, как щелочки, глаз Кхюэ. «И где только его отец откопал? — думал Лы. — Смотрит, будто наизнанку тебя вывернуть хочет».

— Ну и глаза у тебя! Вроде и не смотрят ни на что, а такие... — в конце концов не выдержал Лы и не то с удивлением, не то с осуждением покачал головой, поднося зажженную спичку к груди сухих сучьев.

— А у самого-то какие? — ответил Кхюэ. — Я их еще с того самого перевала запомнил.

— Интересно! Ну и что скажешь? Похожи они на глаза труса?

— Нет.

— Значит, быть мне героем, не так ли?

— Я тебя в герои пока не производил, хотя ты, конечно, и не трус.

— Ну так какой же я все-таки, по-твоему?

— Не знаю! Считается, что из всех черноглазых красоток опасна лишь та, у которой глаза, как угольки. Вот и у тебя такие же. А какой ты на самом деле, это уж тебе самому лучше знать.

Огонь охватил сухие сучья и листья, поднимаясь все выше над торчавшими вокруг камнями. В отблесках пламени лицо Лы казалось удивительно красивым. Кхюэ заметил узкую незагоревшую полоску у самых корней черных, блестящих, будто напомаженных, волос, разделенных ровной белой ниткой пробора. У Лы было подвижное лицо, большие, широко расставленные глаза, высокий лоб, который он часто хмурил. Его угольно-черные глаза то и дело меняли оттенок и, казалось, неотступно преследовали какую-то мысль. Блеклая пелена дыма, поднимавшаяся от костра, обволакивала

раскрасневшееся от жара лицо Лы, который сидел, повернувшись к ветру, и весь дым шел прямо на него.

— Вот недогадливый! — заметил Кхюэ. — Пересаживайся сюда, здесь дыма нет.

— Ты не любишь дым? — Лы широко улыбнулся и, раздув ноздри, с наслаждением втянул в себя дым. — А я очень люблю, прямо обожаю этот запах! Сколько раз, бывало, в детстве мне за это попадало от мамы, а меня за уши нельзя было оттащить, когда жгли листья или выкуривали хомяков. Кто бы что ни сжигал, я обязательно был тут как тут. Для меня не было большего удовольствия, чем вдыхать этот горьковатый острый запах. Глаза щиплет, обревусь весь, а не ухожу...

— Ты что, ненормальный? Что в нем может нравиться?

— А ты никогда не задумывался над тем, что дым — это одно из важнейших явлений? И миру, и войне — каждому из этих состояний жизни человеческого общества присущ особый дым. А сколько описаний отведено ему в художественной литературе! Вспомни, как в школе учили: «Всю землю застилает дым, и молодым мечи вручают, и день похода назначают...»^{9} Упоминание о дыме можно найти в самых прекрасных стихах. А киношники даже должность специальную учредили для того, кто следит за дымом, — пиротехник!

— Ну и закрутил! Все это интересно, однако я лично ни под каким видом не люблю ни дым, ни чад. Бывало, дома я исходил от злости, когда видел сажу на лампе или плите. Помню, мы убежали с уроков, чтобы свести счеты с мальчишками из соседней деревни, но те нас выследили и устроили засаду. Правда, шишек они себе набили будь здоров, пока меня ловили. Потом все же схватили и с воплями «Поймали верховного главнокомандующего!» связали и заперли на кухне. Я там все утро просидел. На кого я был похож, когда оттуда выбрался! Весь в саже, в копоти... С тех пор у меня к дыму отношение самое отрицательное.

— Надеюсь, это не относится к дыму наших походных костров и походных кухонь, разбросанных вдоль нашего пути? — рассмеялся Лы. — Эти печурки в джунглях нельзя забыть. Ведь их дым — это дым

переместившихся сюда десятков тысяч очагов... Конечно, найдется кто-то — может, даже не один — из всех полков и дивизий, прошедших здесь, кто станет писателем, поэтом и историком и опишет эту народную войну. Разве сможет он умолчать об этих печурках, об этом дыме костров, зажженных сегодня в джунглях вдоль всего Чыонгшона?!

— Ух ты! — воскликнул Кхюэ. — Вот ты и напишешь обо всем этом! Кому же еще, как не тебе, это сделать? Вот почему у тебя глаза такие, а я-то все думал...

— погоди, погоди! Мы — прежде всего солдаты, и наше дело — бить врага. Закончится эта операция, за ней будут другие, пока не очистим нашу землю от американцев. Никто из нас не знает наверняка, останется ли он в живых, но уже сейчас нужно отдавать себе полный отчет в том, как необходимо записать, зафиксировать все, что происходит сегодня на этом вот клочке земли, на котором мы с тобою сейчас стоим. Мы сами должны это сделать. Наше поколение только вступало в жизнь, а американцы уже подстерегали нас прямо у школьных ворот. Мы не успели еще проститься с привычными стенами классов, а враг уже бомбил школы, деревни, недавно построенные заводы. Как-нибудь я расскажу тебе, как впервые увидел облако от взрыва американской бомбы. Мы должны описать и эти клубы дыма, и это дьявольское пламя...

Лы, возбужденно дыша, потянулся к костру. Быстро сгущались сумерки. Кхюэ и Лы, высоко поднимая ноги, осторожно пробирались между черневшими на песчаном берегу камнями. Они спустились набрать воды. Вечерний туман уже окутывал джунгли, зубцы гор, горные поля и дома на другом берегу. Здесь часто бывали бомбежки, и лаосские крестьяне использовали пору туманов для рыбалки с факелом. Багряные отблески ложились на колыхавшуюся под взмахами весла гладь воды, маленькая лодка плавно скользила вперед. Старик, забросив сети, стоял у борта и разговаривал о чем-то с девушкой, видимо дочкой, сидевшей в лодке. Отдельные приглушенные слова чужого языка долетали до Лы и Кхюэ.

— Как сейчас мой отец? — спросил Лы.

— Я у него недавно. По всему видно, солдат он жалеет.

— Обо мне когда-нибудь говорил?

— Раза два... — Кхюэ заметил, как зарделся Лы, и поспешил добавить: — Нам, ровесникам, легче друг с другом договориться, а вот чтобы отец тебя понял — это не так-то просто.

— И у тебя так?

— Нет, мой отец — тихий, болезненный человек... Насколько я понял, твой за тебя очень боится.

— Знаю, знаю. — Лы сел на темневший среди песка камень. — Должен признаться, что я не из послушных, оттого он и боится за меня. Три года назад еще школяром — мне тогда было шестнадцать — я подбил троих своих одноклассников удрать из дому. Конечно, доставил своим столько волнений, но я ни о чем не жалею. Понимаешь, Кхюэ, война застигла меня врасплох. Не знаю, где был ты. Может, уже в армии? И для тебя, как солдата, война, наверное, не казалась чем-то немыслимым, невероятным. А вот мы в школе воспринимали все совсем по-иному. Однажды после уроков я не пошел сразу домой, а, прихватив с собой учебники, отправился на бахчу на косе. Американские самолеты я увидел последним, потому что сидел в шалаше и корпел над задачками по геометрии, разбираясь с бесчисленными углами, основаниями и гранями пирамид. Только услышав стрельбу и взрывы на другом берегу, я выскочил наружу. Мне впервые пришлось убедиться на практике, насколько скорость света опережает скорость звука. Всякий раз, когда снижались самолеты, в том месте, где росло большое капоковое дерево, поднимались клубы дыма, и лишь потом раздавался гул взрывов. Капоковое дерево уже почти отцвело, но оставшиеся цветы — их было совсем мало — так ярко рдели на фоне дыма, что казалось, будто на ободранной плоти неба выступили капельки крови. Самолеты с воем устремлялись к земле. Казалось, вот-вот один из них уткнется в земную твердь и превратится в огонь и дым, но он тут же задирает нос и круто взмывает вверх. По небу расплывались клубы дыма; одни принимали очертания сказочных чудовищ, другие не вызывали никаких ассоциаций. Тучи коричневого и густо-черного

пепла напоминали гонимые ураганом грозовые облака. Самолеты, один за другим построившись ровной лесенкой, улетели в сторону моря, прочертив по небу светлые дорожки кривых и прямых линий, вроде тех, которыми мы занимались в школе. Потом эти искрящиеся на солнце линии долго преследовали меня. Они казались стальными тросами, которые протянулись через все небо, опутав его беспощадной сетью. Казалось, моя одежда, учебники, тетради и я сам исполосованы ими.

В классе мы не могли поднять глаз друг на друга. Нас распирало от злости, все кругом сразу опостылело. Я хорошо помню тот день. Это был понедельник. Как всегда в первый день недели, вся школа выстроилась во дворе на линейку. Директриса обычно отдавала предпочтение девочкам и только их вызывала поднимать флаг, но на этот раз она дала им отставку и вызвала к флагштоку парня, причем самого высокого и сильного из нас. Мы, двести школяров, пели гимн, стоя по стойке «смирно» на плотно утрамбованном дворе, посреди которого возвышалась статуя Лы Ты Чаунга^{10}, а вокруг кумачом горели цветы. Гимн уже кончился, а мы, продолжая стоять молча, не могли отвести глаз от флага, развевавшегося на мачте. Никого не тянуло, как раньше, поскорее разбежаться по классам. Это была моя последняя школьная линейка. Я подговорил троих своих закадычных друзей, и однажды ночью мы взяли сампан и поплыли на песчаный остров на середине реки. Помогая друг другу, мы забрались на самую высокую, залитую лунным светом дюну и, вытряхнув на песок содержимое своих портфелей, стали сжигать книги и тетради. Мы с болью смотрели на огонь, пожирающий наши учебники. Один из нас тайком вытер слезы рукавом. Вместе с учебниками в огонь полетел и мой дневник, который я вел все школьные годы. Это было своего рода прощание с детством...

Мы четверо считались лучшими учениками нашего десятого «А», и у каждого из нас был свой любимый предмет. Я вовсе не хочу перед тобой хвастаться, но тогда я уже года два сочинял стихи, и многие ребята переписывали их и заучивали наизусть. Разумеется, все это была ерунда. Пожалуй, самое лучшее стихотворение я написал именно после той ночи; его даже напечатали во взрослом литературном журнале. Оно начиналось так: «Молча смотрели на

пепел сожженных учебников...» А утром мы вчетвером, мокрые и грязные, явились в уездный военкомат. Однако в армию взяли только одного из нас. Я оказался среди тех, кому не повезло — не вышел возрастом. Отказ только еще больше разозлил нас. Тайком собрав кое-какие вещи, мы удрали из дому. Мы не знали, куда подадимся, но хорошо понимали: началась война, и страна нуждается в нас. Нельзя сказать, чтобы всюду, где бы мы потом ни появились, нас встречали с распростертыми объятиями и верили нашим объяснениям. С чем только не пришлось нам столкнуться на первых порах! Какими по-детски наивными мы оказались! Годы учебы подарили нам веру в прекрасные идеалы, но при столкновении с реальной жизнью она оказалась книжной и недолговечной, как мыльный пузырь. Немало пришлось испытать, пока мы не обрели твердые и прочные жизненные убеждения. Мы трое не расставались друг с другом: вместе мостили дороги, спасали людей, тушили зернохранилища, обезвреживали бомбы замедленного действия, ухаживали за скотом, преподавали в вечерней школе. Один из нашей тройки погиб под бомбежкой. Несколько раз я чудом оставался в живых, а однажды, когда тушили зернохранилище, меня ранило... Я любил поспорить с друзьями, писал стихи, вел дневник, влюблялся в девушек, знакомился с самыми разными людьми. Многим из них я пришелся не по вкусу. Вот и вся моя биография до армии. Ну, что ты теперь скажешь? Какой же я все-таки, по-твоему?..

* * *

Был поздний вечер, когда Кинь наконец освободился и, уступив настойчивым просьбам Лы, Кхюэ и Кана (молчаливого бойца, сопровождавшего Лы), спустился вслед за ними к реке, к тому самому укромному месту, где готовилось пиршество. Тхай Ван тоже шел с ними.

Тхай Ван помимо стихов писал и романы, но стихов у него было больше. Почти все они посвящались солдатам и солдатским походам, в них звучала дробь барабанов и гремело эхо орудийных раскатов. Многие из его стихов стали популярными в народе песнями. В годы антифранцузского Сопrotивления Тхай Ван был заместителем командира батальона по политчасти. Сейчас ему было около сорока, но, хотя волосы его уже сильно тронула седина, выглядел он

моложаво, возможно, благодаря ясному взгляду и стройной, худощавой фигуре. Чуть желтоватый оттенок кожи свидетельствовал о перенесенной тропической лихорадке. Тхай Ван ушел в армию в первые же дни Августовского восстания 1945 года, участвовал во всенародной войне Соппротивления; он носил пилотку бойца Армии защиты родины{11}, сто памятных дней защищал Ханой в составе столичного полка, вместе с которым отступал потом по песчаным откосам Красной реки под мостом Лонгбиен{12}, с болью оставляя горящую, окутанную дымом столицу. Там, в столичном полку, написал он первые свои стихи. С тех пор жизнь его была постоянно связана с армией, он участвовал во многих трудных походах и боях, и теперь самым заветным его желанием было во всей полноте воплотить в своем творчестве истинное величие этих событий. Сейчас в планшетке, висевшей у него на боку, уже лежали новые стихи. Он шел по берегу Сепона и разглядывал вечернее небо: в вышине пролегал сверкающий мириадами звезд Млечный Путь.

Трапезу устроили в маленьком гроте. Кхюэ привычно смастерил коптилку из пустой консервной банки, лоскутика ткани от москитника и кусочка жира. Когда уже начали есть, из темноты у входа показалась фигура незнакомого бойца. Окинув взглядом его заросшее лицо, ввалившиеся глаза, автомат со складным прикладом на плече, обмотанные вокруг пояса гамак и накидку из парашютного шелка, Кинь сразу отложил в сторону свою еду.

— Вы от товарища Няна?

— Так точно.

— Садитесь и прежде всего поешьте.

— Спасибо, товарищ командир, а то у меня от голода уже в глазах темно.

Прежде чем присесть рядом с остальными, боец достал маленький конверт и протянул Киню.

«Кинь, дружище, — начал читать замполит, придвинувшись к чадающему огоньку. — Я уже стосковался по тебе. Только что получено сообщение, что у вас все благополучно и личный состав здоров. Как

ты сам-то? Обстановка в районе дороги № 9 чрезвычайно напряженная и сложная, особенно на западном участке. Командование фронта в районе Кхесаня и западного участка этой дороги приказало привлечь 6-й полк для выполнения спецзадания. Мы же — окончательное решение пока не принято, возможны изменения — будем действовать совместно с 7-м полком. Для нанесения удара по населенному пункту Ти, расположенному в зоне Хыонгхоа, нас усиливают одним батальоном. Затем нам надлежит идти к Такону на соединение с частями, следующими другими направлениями. Я поручил Донгу обрисовать тебе в общих чертах ситуацию и рассказать, что нами сделано за этот месяц в районе Такона. Сообщаю координаты конечного пункта дислокации нашего полка... До скорой встречи. Посылаю немного трофейного сигарного табаку. Раздай бойцам, пусть отметят завершение перехода. Нянь».

Кинь достал из планшетки карту, сверил координаты и, дав Донгу волю наесться, повел его к себе. Созвав экстренное совещание, Кинь ознакомил командиров с обстановкой и наметил основные задачи на последнем участке марша. После выяснения с Донгом кое-каких необходимых деталей у замполита в голове уже сложился четкий план действий. Кинь хорошо представлял, какие трудности поджидают полк.

Лы и Кан, поев, вскинули на плечи вещмешки и рацию: им предстояло догонять своих. Дорога, по которой проследовал их арtpолк, сворачивала отсюда в сторону.

Кинь все еще проводил совещание, когда сзади к нему подошел Лы:

— Отец, я ухожу.

Кинь резко обернулся и порывисто сжал руку сына:

— Ну, трогай, сынок! Обстановка накаляется! Скоро начнем боевые действия.

В этот момент появился Тхай Ван. Он был явно чем-то взволнован: за поблескивавшими стеклами очков возбужденно горели глаза. Кинь с удивлением отметил, что Тхай Ван был при полной походной выкладке: вещмешок, пистолет, фляга, планшетка.

— Вы что, собрались уходить?

— Да, пришел проститься. — Тхай Ван нервно потер руки. — Пойду к артиллеристам.

— Значит, покидаете нас? — огорченно воскликнул Кинь. — Ну что ж, держитесь тогда моего Лы, он как раз догоняет их. А когда операция начнется, вернетесь к нам?

— Непременно, непременно вернусь, дружище! — Тхай Ван крепко стиснул руку Киня.

— Берегите себя, счастливого вам пути! — Кинь ласково похлопал его по спине.

Силуэты бойцов и шагавшего следом за ними Тхай Вана почти сразу же растворились в темноте.

Почему, повинувшись какой силе, спрашивал себя Тхай Ван, шагая следом за Лы и Каном, он так внезапно оставил 5-й полк? Ведь о том, чтобы отправиться к артиллеристам, он раньше и не думал: намерение это родилось после первых же нескольких фраз, которыми он обменялся с Лы. Вот в чем тут дело! Он пошел за Лы, за этим молодым солдатом, сыном замполита, наделенным необычайной притягательной силой. Вот почему, когда Лы невзначай спросил его: «А может, пойдете с нами?» — Тхай Ван с готовностью вскинул на плечо свой вещмешок.

Густая темнота окутала джунгли, над которыми крышей нависали плотные, непроницаемые кроны деревьев. Совещание закончилось, и люди один за другим разошлись по своим гамакам. И только Кинь, утомленно щурясь, сидел в полном одиночестве над раскрытой картой при тусклом свете фонаря. Он терзался тем, что так и не успел толком поговорить с сыном. Что скажет жена, узнав об этой встрече? «Весь в тебя», — любила говорить она. Тоска по сыну, любовь и смутная тревога сдавили грудь. Близкие Киня уже смирились с его долгим отсутствием. В редкие наезды домой он видел сына то малышом, то подростком и наконец юношей.

Семья Киня мирно и дружно жила в деревянном домике на берегу живописной реки. Их места славились своими пахарями и учеными, великими поэтами и известными революционерами. Здесь же поднялось когда-то восстание крестьян, мечтавших о независимости и построении коммунистического общества.

Однако в долгих странствиях Кинь сохранил нерастраченным задор юности, и, даже став отцом семейства, он часто не мог удержаться от соблазна подстроить какую-нибудь шутку. В годы борьбы с французами Кинь месяцами не бывал дома. За это время у него родился второй сын. Однажды представилась счастливая возможность проездом в командировку навестить семью. Когда Кинь с неизменным вещмешком за плечами подошел к дому, то увидел игравшего на тропинке малыша. Кинь догадался, что это сын, и протянул малышу кулечек кунжутных конфет. Мальчик взял конфеты и бойко спросил:

— Дядя, это мне?

— Тебе, только не зови меня дядей, я твой папа.

— Не-а, не папа...

Киню стало смешно и досадно.

— Пойди отнеси конфеты маме и скажи, что мимо проезжал папа, но торопился и зайти не мог. Понял?

— Да, хорошо, папа!

И мальчик побежал к дому, обеими руками крепко прижимая к груди гостинец. Жена Киня просеивала на кухне рис, когда сынишка закричал с порога:

— Мама, приходил папа, конфет принес!

— Где он?!

— Он сказал, что очень торопится, и пошел...

— Не придумываешь? Лы, отвечай, где ты его видел?

— На тропинке возле дома...

— Вот ненормальный! Был здесь и не мог даже заглянуть?..

Она схватила блузку, накинула на плечи и побежала напрямик, через бахчи, к зеленой дамбе, где у капоковых деревьев виднелась быстро удалявшаяся фигура Киня.

— Кинь!

— Некогда, не могу!

— Да остановись же ты!

На берегу, надевая блузку, она бросилась вслед за мужем, но тот стал удирать от нее. Вконец раздосадованная, она махнула рукой, обогнула бахчу и медленно побрела домой. А дома на кровати Кинь уже играл с сыном и хохотал во все горло.

Жена Киня в свое время была одной из самых заметных и к тому же самых работящих в округе женщин. Весь дом держался на ней: праздники и поминки, уход за стариками и, самое главное, дети. На нее во всем можно было положиться и со спокойной душой оставить дом на два-три года, как он это и делал, уходя на фронт. В нечастые короткие встречи она делилась с мужем всеми заботами. Самой большой их заботой были дети. Однажды, приехав на побывку с фронта, Кинь узнал, что Лы убежал из дому. Жена плакала, умоляя найти его и во что бы то ни стало вернуть домой. После недельных поисков Кинь наконец нашел Лы среди молодежи на одном из участков строившейся в горном глухом пограничном районе дороги.

Сына Кинь увидел в тот момент, когда Лы ругался с бригадиром, угрожавшим кого-то выгнать или срезать зарплату.

— Оставьте свои привычки надсмотрщика! Это вас нужно гнать отсюда! — кричал Лы, и все были на стороне его сына — этого юнца с измазанными глиной ногами и в ватнике с продранными локтями.

— Мать велела привезти тебя домой, а то ты совсем от рук отобьешься, — сказал сыну Кинь.

— Я послал ей письмо. Останусь здесь. Не бойся, не отобьюсь.

Кинь тогда впервые заметил, как повзрослел сын.

Времянка, где жил Лы вместе с другими парнями, стояла у самой стройки, но очень далеко от воды. Быт строителей был не налажен. Бесхозяйственность руководителей возмутила Киня. Он снял с себя и оставил сыну все, что мог, в том числе и гимнастерку, в которой приехал с фронта. Молодежь в честь его приезда поджарила кофейные зерна и сварила в большом бидоне кофе. Всю ночь Кинь не сомкнул глаз, прислушиваясь к крикам косуль в лесу и топоту возвращавшихся с работы людей. Под утро Лы сказал ему: «Спи» — и, взяв кирку, ушел. Кинь смотрел ему вслед и думал: «Когда же мальчишка ускользнул от меня?..» Кинь знал, что никакие убеждения не помогут, и Лы, этот упрямец, не вернется домой. Вот она, его кровь! Не зря, значит, жена говорит: «Весь в тебя...»

Кинь сложил в холщовую сумку карту района военных действий. Заметив выступившую из мрака фигуру, невольно подумал: «Может, это Лы вернулся и ищет его?»

— Кхюэ, ты?

— Так точно, я.

— Все готово? Где наши?

— Ждут. — Кхюэ протянул ему вещмешок и посох. Сзади послышался приглушенный говор, замелькали огни факелов, и Кинь увидел человек пять из комсостава. Все были готовы в дорогу. Через два дня уже в районе дислокации войск, принимавших участие в операции, Киню предстояло провести первое полковое партийное собрание. Туда надо было добираться глухими тропами, по бездорожью, с проводником.

Солдаты спали. Это был последний отдых перед завершающим броском. С высоты птичьего полета расстояние, отделявшее их сейчас от фронта, казалось ничтожно малым. Были видны даже мерцающие цепочки осветительных ракет, висевших в небе над Кхесанью у дороги № 9. Кинь окликнул Донга — тот должен был

показывать путь — и, засучив выше колен брюки и взяв в руки посох, прошелся между рядами развешанных гамаков, стараясь в густой темноте не наткнуться ненароком на какой-нибудь из них и не потревожить спящих, чье ровное дыхание казалось ему сейчас дыханием самой земли, «Спите, ребята, спите. Завтра в бой!» — подумал он. Сердце его переполняла отцовская нежность к своим бойцам. Мысли были заняты предстоящей операцией.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОПЕРАЦИЯ «КОТЕЛ»

1

Думы о своем, личном и на фронте не оставляют солдата. Бывает, что думы эти прячутся где-то в глубине души, будто скрытая от глаз влага под травянистым покровом топи, но бывает и так, что какая-нибудь из них крепко засядет в голове и долго будет мучить.

С чувством смутной неловкости Лыонг вспоминал о том, как в один из напряженнейших дней перехода их спецгруппы к месту подготовки операции, когда каждые сутки приходилось покрывать расстояние между тремя пунктами снабжения, разбросанными вдоль пути, он попросил у комполка разрешения завернуть на 34-й пункт, сказав, что ему необходимо передать письмо родственнику одного из своих разведчиков. Командир полка Нян, отвернув рукав, глянул на свои внушительные, со светящимся циферблатом часы и спросил:

— Сколько времени тебе для этого понадобится?

Лыонг ответил, что часа достаточно. Во взгляде Няна ему почудилась усмешка: «Знаю, что тебе надо». И это только усиливало его смущение.

Лыонг быстро нашел 34-й пункт, расположенный в стороне от дороги за грядой известняка, над которой разносилось журчание множества ручейков, заливавших окрестности. Поставив ногу на один из белевших у обочины мокрых камней, Лыонг вдруг остановился в нерешительности. Он был не в силах понять, что же с ним все-таки происходит: никогда еще он не вел себя так бессмысленно. В сердцах Лыонг уже хотел повернуть назад, но ноги будто сами несли его

вперед. Прыгая с камня на камень, Лыонг преодолел не один черневший среди белого известняка поток. Было четыре часа утра. Неожиданно разразился ливень. Лыонг перетянул ремень автомата, опустил его дулом вниз, набросил на плечи полиэтиленовую накидку, по которой сразу же забарабанили капли дождя.

Увязая в жидкой грязи и ежась от холодных капель, попадавших за шиворот с соломенной крыши, Лыонг довольно долго топтался, не решаясь войти, возле приоткрытой двери в кухню. Бамбуковый дымоход был запрятан под землей, как раз в том месте, где стоял Лыонг. Казалось, еще немного — и подошвы его матерчатых башмаков воспламенятся. Через приоткрытую дверь виднелась, вся в клубках пара, гора горячих белых рисовых лепешек, наваленных на высоком дощатом настиле. Пар закрывал лица сидевших вокруг девушек. Их было человек пять или шесть. Все они — и толстушки, и худышки, — не сводя глаз со своих красных, будто ошпаренных рук, катали из риса лепешки. Неумолкавшее хихиканье, то и дело сопровождавшееся взрывами смеха, свидетельствовало о том, что и этот девичник не обходился без непременно разговоров о парнях. Подслушивание претило Лыонгу, а тут он оказался невольным свидетелем озорных разговоров. Он настолько смутился, что хотел было ретироваться, но в эту минуту одна из девушек обернулась и бросилась к двери.

— Что вам, товарищ? — громко спросила она, подавая тем самым сигнал подругам, чтобы те попридержали языки.

— Вы Нэт? — растерянно пробормотал Лыонг. С первого взгляда девушка показалась ему очень хорошенькой, и теперь за сбегавшими с каски струйками дождя он старался получше рассмотреть ее покрасневшее лицо.

— Меня зовут по-другому, — улыбнулась девушка. — А вам нужна Нэт?

— Да, передать ей письмо от брата...

— Ой, а ведь ее перевели на пункт «Б-34»! Совсем недавно. Я слышала, будто послали учиться то ли на медсестру, то ли на

фельдшера. Так что наша Нэт теперь навсегда простилась с ложками и плошками и скоро будет на передовой вместе со всеми вами! Если хотите, можете оставить письмо. Мы передадим или на пункт «Б-34», или в школу медсестер.

— Не надо, — отрывисто сказал Лыонг и бросился вон.

— Кто это там приходил? Кто спрашивал Нэт? Какой он из себя? Почему не остался? — наперебой тараторили вслед звонкие голоса, и до самой гряды известняка Лыонг не мог отделаться от ощущения, что за ним, галдя, несется целое войско.

— Все в порядке? — спросил Нян, поджидая показавшегося на дороге Лыонга. От командира не укрылся его смущенный вид.

— Так точно!

Письмо Кхюэ все так же оттопыривало нагрудный карман гимнастерки, но Лыонг старался начисто вычеркнуть из памяти недавний эпизод. И хотя на пункте «Б-34» им пришлось заночевать, Лыонг запретил себе думать о том, что привело его недавно в такое смятение и только отняло время. Уходил он оттуда уверенным шагом, отбросив все сомнения и приняв для себя окончательное решение: он — солдат, его ждет передовая. От этих мыслей сразу сделалось легко и свободно, и он почувствовал себя птицей, вырвавшейся из клетки.

* * *

Через пять пунктов снабжения от «Б-34» находились фронтовые склады. Здесь все уже подчинялось непосредственно передовой. Спецгруппа вступила на тростниковый плетеный мостик, перекинутый через широкий ручей, бурлящий буровато-грязными водами. С другого берега доносились протяжный собачий лай и хруст обрубаемых тесаком сучьев. Там, по обе стороны тропы, бегущей вдоль ручья, белой пеной цвели дикие абрикосы. Нежные лепестки маленьких, как пуговики, цветов облетали от малейшего дуновения ветерка и бесшумно, словно крылья бабочек, ложились на землю.

— Красотища-то какая! Это что за цветы, ребята? — воскликнул высоченный парень, один из разведчиков Лыонга. Удивленно тараща глаза, парень даже остановился посреди скрипучего мостика.

— Абрикоса не видал?! Эй, Гусек, ты идти будешь?

— Это что же? Выходит, скоро Тэт{13}?

— Ты что застыл? Сдвинешься ты наконец с места или нет?

У них дома, в глубоком тылу, весной распускался только персик, и сейчас никто из солдат не мог оторвать замороженного взгляда от белого марева цветов. Но в этот момент они заметили, что через ручей по скользким камням, цепочкой выступавшим над водой, осторожно перебираются люди с заплечными корзинами.

— Смотрите! — крикнул кто-то из солдат, и только что улыбающиеся лица сразу помрачнели.

Их было немного, этих людей: старик в рубище с изборожденным глубокими морщинами лицом держал глиняную трубку в зубах; женщина с отвислыми, высохшими грудями несла на спине ребенка, закутанного в грязный лоскут разорванной гимнастерки (уцелевшие рукава гимнастерки были завязаны на исхудавшей шее женщины, а за ее спиной среди тряпок из стороны в сторону моталась надрывно кашлявшая маленькая, серая, вся в наростах головка, издали похожая на клубень какого-то растения); за ними, пугливо озираясь, шли две девушки, тощий пес да трое малышей, семенивших в хвосте, — один совсем голый, а двое других в старых гимнастерках, доходивших до пят.

Все они не отрывали пристального взгляда от солдат.

— Куда путь держите, товарищи? — крикнул Нян.

— Рис получать...

— Деревня ваша далеко ли?

— Пятнадцать дней ходу. Да что теперь о ней говорить?! От нее ничего не осталось...

Малыши приветливо махали руками, пяля любопытные черные глазенки. Старик, вынув изо рта трубку, поднял голову; поблекшие, воспаленные глаза его сверкнули гневом.

— Солдаты Хо Ши Мина, слушайте! Они убили всех. Вот все, что осталось от целой деревни!

— Отомстите! — вырвался истошный крик у женщины с ребенком. — Отомстите американцам!

Обе группы сошлись на тропинке, бегущей по берегу. Начинался дождь, первые косые капли оставляли на воде пузыри. В одно мгновение небо заволокли низкие темные тучи, замелькали над ручьем белые лепестки абрикоса, смолк треск цикад.

— Отец, ваша деревня была в партизанской зоне у дороги номер девять? — спросил Нянь, угощая старика щепоткой табаку.

— Там. — Старик заскорузлыми, растрескавшимися пальцами сгреб табак и набил им пустую трубку. Он говорил отрывисто. — Не по нутру нам брать солдатский рис. Вот и в прошлом году за рисом в Байха ходили. Это, почитай, на самый север. Что делать, если эти зверюги весь урожай с неба начисто губят?

— Распыляют отравляющие вещества?

— Да, их ядовитый белый порошок похуже всякого зверья! Только рисовый колос начнет в силу входить, так глядишь — летит, подлюга. Мало им людей губить, зерно и то не щадят!

— Винтовки у вас есть?

— Есть несколько...

— Не пробовали по самолетам стрелять?

— Как не пробовать? Не огрызнешься, так всех подчистую уничтожат, как в шестьдесят шестом. — Старик показал рукой на молчаливо бредущих сзади односельчан. — Мы все, как один, партизаны, у нас все американцев ненавидят!

Горянки украдкой поглядывали на солдат, прикрывая груди дочерна загоревшими голыми руками, которые так дрожали сейчас от холода, что больно было смотреть.

Пока подошли к складским сараям, по крышам которых плясали струи дождя, успели вымокнуть насквозь: свои плащи солдаты отдали детям. У самых сараев грязь стояла по щиколотку, на втоптаных в нее множеством ног камнях виднелась копоть.

— Давайте сюда, товарищи! — крикнул какой-то боец из складской команды, рубивший хворост у входа в пещеру, и, вскочив, показал: — Сюда, заходите сюда! Всем места хватит!

Солдаты, схватив на руки детей, бросились внутрь. Боец проворно нырнул куда-то в глубину каменного свода и тут же появился снова, неся в обеих руках по алюминиевой солдатской миске, полной риса и кукурузной каши с нарезанными в нее кусочками мяса. Протянув еду детям, сказал:

— Ешьте!

Самый веселый и говорливый в группе Лыонга парень вложил ложку в руку растерявшегося вихрастого мальчонки и приказал:

— Давай лопай! Я маленьким, бывало, дома крошки в рот не брал, все норовил у соседей, вкуснее казалось. Все уже знали: стоит только посуде где загреметь — я тут как тут!

Пещера была заставлена кулями из рогожи, от которых исходил тяжелый запах сушеной рыбы. Еще раньше сюда забрели несколько солдат из какой-то части. Сейчас они неторопливо попыхивали сигаретами и обменивались впечатлениями.

— Посмотришь, так местные горянки — сплошные уродины!

— Не скажи, разные есть. Конечно, жизнь здесь тяжелая...

— А вон, смотри-ка, настоящая красотка!

— Где? Вон та, с высокой прической?

— Покажи, где?

— Да вон, талон отдает у входа.

Все тот же боец из складской команды, очищая толстые сучья ножом, из-под которого резко белела обнаженная древесина, заметил:

— У нее муж есть. Может, скоро столкнетесь с ним на одной дорожке!..

— Солдат марионеточной армии?

— Десантник!

— Вот досада! Такая пригожая девка не могла себе вьетконговца{14} найти!

Лыонг вместе с двумя своими разведчиками выскочил под дождь и побежал к приземистому строению в конце складских помещений, крытому зелеными бамбуковыми бревнами и окруженному на манер стойла, как это делают в горах, толстыми слегами. Вдоль мокрых, блестящих слег стояла очередь из солдат и горцев, пришедших за рисом. Лыонг почувствовал знакомый по прежним временам запах горского самосада, от которого у него всегда першило в горле. Едва он поставил ногу на дощатую ступеньку, ведущую в землянку, как неожиданно встретился глазами с обернувшейся молодой женщиной, лицо которой показалось ему знакомым. «Привет! Привет!» — раздалось вдруг. «Надо же, попугай!» — воскликнул за спиной Лыонга один из пришедших с ним бойцов, показывая на попугая, который уже прятал ярко-красный блестящий клюв под красно-зеленое крыло. Попугай устроился прямо на столе главного распорядителя, настолько заваленном всевозможными бумагами и книгами, что поначалу Лыонгу показалось, будто птица сидит чуть ли не на дереве.

В полумраке, царившем в землянке, Лыонгу удалось рассмотреть лишь высокий узел волос на макушке да плотно схваченный черной материей стан только что оглянувшейся на него женщины.

— Почему вы не хотите брать очищенный рис? — спросил ее сидевший за столом распорядитель.

— Мне нужен неочищенный...

— Нести намного тяжелее будет, ведь путь неблизкий!

— Ничего, донесу...

Через каких-нибудь полчаса спецгруппа, наполнив кошелки рисом и получив по пяти банок мясных консервов на брата, тронулась в путь. Пока получали продовольствие, Лыонг обежал всю территорию, настойчиво выясняя, есть ли среди пришедших сюда горцев кто-нибудь из селения Тай.

Няну он пояснил:

— Там живет один замечательный старик. Он помог мне бежать из плена и спрятал у себя.

— Думаешь, он здесь?

— Его невестка была здесь, получала рис. Я не узнал ее сразу, а потом, когда ее окликнули по имени, вспомнил...

Тропы, по которой они только что пришли от ручья к складам, уже не было: на месте ее неслись бурные потоки. На черных, как сажа, покрытых крапинками тонких ветвях дикого абрикоса съежились, увянув, нежные лепестки. Солдаты, несмотря на увеличившуюся после посещения складов ношу, весело балагурили и быстро шагали вперед, обгоняя одну за другой группы горцев, бредущих вдоль дороги. Вода поднялась еще выше и затопила камни в ручье. Возле самого тростникового мостика солдаты нагнали горцев из Тая. Лыонг торопливо преградил дорогу молодой женщине в черном, шедшей впереди. Все невольно замолчали, пораженные яркой красотой горянки, с которой заговорил Лыонг. Мокрое от дождя лицо ее с огромными миндалевидными глазами было печально, веревка от заплечной корзины перерезала нежный, фарфоровой белизны лоб, спутанные мокрые пряди волос то и дело лезли в глаза.

— Вы невестка старого Фанга? — спросил Лыонг.

— Да, — убрав мокрую прядь, женщина подняла на Лыонга безучастный взгляд.

— Вас зовут Сием, да?

— Да. — Она без всякого удивления продолжала смотреть на Лыонга.

— Вы уже позабыли, видно, меня, а я был у вас после плена...

— Отчего ж, помню, только вот имя забыла.

Эта красивая женщина уже не казалась Лыонгу такой нереальной, какой запомнил он ее тогда у очага. Это была земная женщина, и он даже отметил, что у Сием большие, крепкие руки, которые по силе, возможно, не уступали даже его рукам.

— Как ваш свекор?

— Спасибо, здоров...

Медленно подбирая слова, как человек, который только учится говорить, она рассказала, что их прежний, когда-то так понравившийся Лыонгу красивый и просторный дом на сваях сгорел, что все население теперь перебралось к скалам. Лыонг обратил внимание на то, что ее заплечная корзина из потемневшего под дождем бамбукового лыка доверху наполнена падди^{15}.

— Почему вы не взяли очищенный рис? Его и нести легче, да и дома вам не пришлось бы лущить.

— Мне этот нужен, я его высею. Они сбрасывали ядовитый белый порошок, и весной нам нечего будет посадить в землю!

Лыонг зачерпнул в пригоршню падди, подбросил на ладони:

— Этот сорт хорош для равнины, примется ли он на горном поле?

— Примется. Любое зерно, посади его в землю, росток даст.

И лишь в последнюю минуту Лыонг отважился спросить ее о муже. Она ничего не ответила, но и не отвела взгляда — смотрела, будто немая.

* * *

Во время напряженного, безостановочного марша Лыонгу было некогда подумать о судьбе семьи старого Фанга, который спас его когда-то. В конце ноября спецгруппа под командованием Няна уже достигла пещер Фуной, находившихся в джунглях к югу от дороги № 9. Здесь группа разделилась на две части. В одну — ее возглавил командир полка — вошли все комбаты, несколько штабистов и командиров поддерживающих подразделений. Второй группой командовал Лыонг. В ней было пятнадцать разведчиков из его разведроты; им предстояло, разделившись на три подгруппы, продвигаться вперед. Каждая из подгрупп получила радиопередатчик на двухваттовых батареях, который позволял поддерживать шифрованную радиосвязь в радиусе десяти — пятнадцати километров. В задачу группы Лыонга входило разведать дорогу в северном направлении и в назначенном месте установить наблюдательный пункт. Задание было разработано в соответствии с общей целью, поставленной перед полком.

Здесь, в западной части Куангчи, стояла пора проливных дождей. Погода была промозглой: температура не поднималась выше десяти градусов. Девственные джунгли вокруг Кхесани не пересекала ни одна тропа, и могло показаться, будто здесь со дня сотворения мира единственным движением среди общего покоя и безмолвия был короткий плавный полет опадающих листьев.

Глубокая безмятежность природы, однако, настораживала. Лыонг постарался выбрать для временного лагеря одно из наиболее защищенных, глухих мест и строго приказал своим разведчикам соблюдать все меры предосторожности при каждом выходе на задание. По данным разведки, район от берега Сепона до пещер Фуной, Коан, Кпланг, Копан входил в радиус действия групп американских командос{16}. На северном участке дороги № 9 зона их действий простиралась до самой реки Бенхай. Командос обычно или рядились под крестьян, обматывая голову такими же, как у них,

клетчатыми шарфиками, или же переодевались в форму бойцов Освободительной армии. Группы командос пробирались сюда из Кхесани, часто их доставляли на вертолетах целыми ротами. Действуя самостоятельно и поддерживая постоянную радиосвязь, они оставались здесь иногда на неделю, а потом сходились в условленном месте, куда за ними прилетали вертолеты. Скрытность действий у них была чрезвычайно высокой, все они были хорошо обучены приемам ведения партизанской войны, и все же нашим разведчикам почти всегда удавалось обнаружить следы их пребывания в джунглях: то по затерявшемуся в высокой траве окурку сигареты, то по неясному, полустертому отпечатку резиновой подошвы на слежавшемся слое опавших листьев, то по облатке от жевательной резинки...

Десятки таких групп постоянно действовали в районе массива старых джунглей на северо-западе провинции Куангчи и служили своего рода «торпедным заслоном» корабля, бросившего здесь якорь. Американское агентство ЮСИС сообщало: «Кхесань — основа нашей линии обороны на западном направлении, и в этом заключается стратегическая важность данного пункта». Став на якорь среди девственных джунглей, этот корабль имел на борту шесть тысяч морских пехотинцев с серебряными якорями на беретах. Таково было число американцев в Кхесани до появления здесь разведчиков Освободительной армии. Но если учитывать находившиеся поблизости части марионеточной армии, то численность вражеской группировки достигала сорока пяти тысяч человек. Джонсон и Макнамара в США и генерал Уэстморленд в Сайгоне не спускали глаз с этого корабля. Морские пехотинцы, надежно замыкавшие участок электронной обороны дороги № 9, выполняли жизненно важную для Америки стратегическую задачу. По сообщениям их осведомителей, широкий массив нетронутых горных джунглей в этих местах был своего рода решетом, через которое просачивались на Юг основные военные силы Севера. А так как американская государственная граница, с точки зрения власть имущих в Америке, проходила по южному берегу реки Бенхай, то кхесаньская группировка и выступала в роли броненосца, на который возлагалась задача защищать священные рубежи Америки по другую сторону земного шара.

Долина Кхесань простиралась на десять километров в длину, примерно такой же была и ее ширина. Придавая огромное значение этой долине, американское командование позаботилось о создании системы мощной обороны, охватывавшей опорный пункт Такон, район населенного пункта Хыонгхоа и опорный пункт Лангвэй. С только что установленных на прилегающих высотах наблюдательных пунктов нашим разведчикам открывался хороший обзор раскинувшейся в котловине долины, загроможденной фортификационными сооружениями, артиллерийскими батареями, вездеходами, радарными установками и самолетами. Дальше к северу виднелась база Такон длиной в два и шириной в один километр. Такон был сплошь покрыт блокгаузами, рвами, складами, радарами, паутиной проволочных заграждений. Личный состав базы насчитывал пять батальонов американских морских пехотинцев, несколько подразделений марионеточной армии, многочисленные артиллерийские, танковые, саперные и разведывательные подразделения, а также группы командос. В центре базы с севера на юг протянулась более чем километровая взлетная полоса с металлическим покрытием. Примерно в восьми километрах к югу от Такона находился лагерь частей спецназначения Лангвэй, где находилось около тысячи человек. Лангвэй служил своего рода ключом от парадного входа всей укрепленной зоны. На восток от Лангвэя, у дороги № 9, лежал поселок Хыонгхоа с тремя ротами марионеточных солдат под командованием американцев. В этом поселке размещались административно-тыловые подразделения. Высокие заборы казарменных зданий опутывала колючая проволока. Эти пункты располагались треугольником и были превращены в самый мощный район обороны на трассе дороги № 9, отделявшей Вьетнам от Лаоса. Это был козырь в игре генерала Уэстморленда.

К концу ноября, когда большая часть нашей армии находилась на марше, в районе кхесаньской группировки, и прежде всего в южном направлении, наряду с десантными группами противника действовали и наши многочисленные разведывательные и специальные группы. Вокруг Кхесани неоднократно происходили вооруженные столкновения. Наши разведчики, выполняя строгий приказ о соблюдении скрытности своих действий, тщательно уничтожали следы пребывания в джунглях. Членам спецгруппы 5-го полка, от ее

командира до связного, помимо оружия разрешалось брать с собой лишь большой кусок ткани да пояс-кошель с рисовыми лепешками, который обматывался вокруг бедер. Шли, сняв башмаки, в одних носках, независимо от того, приходилось ли шагать по траве или по колючкам. При переходе через ручей запрещалось ступать на торчавшие из воды камни, оставлять на земле хотя бы крупицу еды. Примятую после отдыха траву разравнивали или же имитировали след слона.

Не прошло и месяца, как все, кто входил в спецгруппу, сильно изменились внешне — побледнели, похудели. Из тридцати человек один только Лыонг, казалось, ничуть не изменился. Глядя на своего ротного, разведчики удивленно качали головами. Они души не чаяли в своем командире, но служба под его началом требовала больших физических усилий и напряжения воли. За Лыонгом никто не мог угнаться. Он отличался как решительностью, так и необыкновенной выносливостью и ловкостью. Спать он мог практически на чем угодно, мог по нескольку дней обходиться без еды и утолять жажду затхлой водой, скопившейся в следе слона; юркий, как ящерица, он умел пробираться сквозь ряды заграждений из колючей проволоки, легко брал любой ров. Ему достаточно было беглого взгляда, чтобы определить, есть ли впереди неприятель. Командос он чуял издали по едва уловимому запаху сигарет. Уже через два дня после прибытия в пещеры Фуной Лыонг во главе небольшой группы разведчиков разведал дорогу в северном направлении и установил основной наблюдательный пункт полка.

Коан, высоту с отметкой 656, закрывала плотная облачность. Ее вершина массивной глыбой нависала над окрестностями. Командос, не раз побывавшие здесь, оставили после себя подобие печурки, три одиночных окопа, куски сухого бензина, клочки разорванной открытки с обнаженной женщиной. С Коана, где Лыонг установил наблюдательный пункт, Кхесань просматривалась как на ладони: повсюду тут и там двигались фигурки американских солдат в светлой форме. Противник копал новые рвы, чинил проволочные заграждения.

Лыонг с новехоньким, обтянутым кожей биноклем на груди, искусно лавируя в колючих зарослях, вел Няна на наблюдательный пункт.

— Я выбрал такое местечко, что вы оттуда сможете посмотреть занятное цирковое представление! — шутливо сказал Лыонг командиру полка у подножия Коана.

Нян производил впечатление человека сдержанного, с хорошими манерами. Он никогда не повышал тона, и, хотя смеялся крайне редко, лицо его обычно сохраняло приветливое выражение. Деликатность внешнего облика, казалось бы, не соответствовала его, иногда даже чрезмерной, строгости и требовательности как командира. Зубоскальства Нян не признавал, и если бы такую шутку позволил себе в его присутствии кто-нибудь другой, а не Лыонг, то командир полка нахмурился бы и оборвал его, сказав что-нибудь вроде: «Эка, вы!» или «Что это вы, в самом деле?». Однако к Лыонгу у него всегда было особое отношение. Нян очень ценил этого человека и к тому же знал, что ротный обычно не склонен к зубоскальству.

Нян придавал большое значение штабной работе; даже на учениях он стремился подобрать себе способных штабистов, разведчиков и связистов. «Эти люди будут мне верной опорой в бою!» — любил говорить он.

«Значит, этому парню с таким непроницаемым, замкнутым лицом тоже не чужда шутка? Что же побудило его вдруг приоткрыть себя?» — подумал Нян и обернулся было к Лыонгу, чтобы спросить об этом, но обычная сдержанность взяла в нем верх, и он промолчал.

Они быстро оказались на месте. Здесь, под одним из деревьев, недавно был вырыт блиндаж наблюдательного пункта. Разведчики собрались вокруг рации. Брови и ресницы у всех побелели от инея. Сквозь разрывы в тающем холодном тумане, местами еще полосой наползавшем на горы, постепенно начала вырисовываться дорога № 9, перерезавшая здесь невысокую холмистую грядку. Нян в бинокль внимательно рассматривал рельеф долины на всю глубину вражеской обороны и видел, как противник продолжает наращивать заградительные укрепления.

— Сегодня рождественская ночь, не так ли? — спросил Нян.

— Да, сегодня рождество, — ответил Лыонг. — Что вы решили?

— Возьмете сухой паек, по восемь рисовых лепешек на каждого, и в шестнадцать тридцать выступим. Этой ночью нужно пересечь дорогу и выйти к кофейной роще по ту сторону заграждений. Напомните, чтобы паек взяли и на мою долю.

— Вы хотите идти с нами? — спросил Лыонг.

— Да, а что тут такого?

Только к шести вечера Няну, Лыонгу и еще четверем бойцам удалось, разбившись на две группы, выйти к ручью у отвесного, густо заросшего лианами склона. От восточной оконечности поселка Хыонгхоа ручей отделяло всего каких-нибудь семьсот — восемьсот метров. Внимательно изучая местность, Нян подумал: «Ручей изгибается хомутом. Если противник откроет встречный огонь из станковых и крупнокалиберных пулеметов, он может прижать наших солдат к склону, едва они выскочат из зарослей дикого сахарного тростника. Наверняка этот склон хорошо просматривается противником. Сколько же минут потребует роте для броска к населенному пункту?..» Нян поднялся и начал шаг за шагом продвигаться вперед, Лыонг прикрывал его широкой спиной. Опытный глаз командира полка замечал мельчайшие подробности рельефа, а в его голове роились новые предположения и вопросы.

Лыонг шел, пригнувшись, не спуская глаз с направления, где находился противник. Лыонг уже был у этого ручья, когда бежал из плена. Сейчас он мысленно анализировал предстоящий бросок через поселок: «От ручья к северному участку дороги можно пройти только через восточную окраину населенного пункта. Нян правильно решил воспользоваться рождественской ночью!» Лыонг, прищурившись, смотрел на узкие полоски света из окон караульного помещения, находившегося на краю улицы. В открытые окна виднелись силуэты людей. Один за другим разведчики под прикрытием росших вдоль улицы деревьев продвигались вперед. Первая группа, тщательно соблюдая правила ночного передвижения, незамеченной обогнула деревянную сторожевую вышку. Лыонг прополз буквально под носом у стоявшего наверху часового и залег, прикрывая следовавшего за ним командира полка. С вышки на дорогу, освещая лужайку по обе стороны от нее, падала бледная полоска света.

Через несколько минут фигурки разведчиков скрылись за темной вереницей домов.

Наступила полночь.

Протяжно зазвонил колокол протестантского собора. Нян и разведчики находились уже перед проволочными заграждениями, за которыми рядами росли кофейные деревья. По ту сторону заграждений хорошо была видна недавно выкопанная траншея с буграми свежевырытой земли.

— Пустая траншея! — шепнул подползший к Няну Льюнг.

— Может, место для ночной засады?

— Я тоже сначала так подумал, но — нет. Я смотрел внимательно — она пуста.

— И все же проверьте еще раз, — тихо сказал Нян. — Противник коварен, засада может оказаться где-нибудь поблизости.

Однако засады обнаружено не было, и Нян приказал продолжать продвижение вперед.

Через полчаса они были уже перед заграждениями Такона.

Такон предстал перед ними исполинским, грозно ревущим зверем: тут одновременно работало множество генераторов и радарных установок, то и дело двигались по взлетной полосе самолеты. Пучки прожекторов пядь за пядью обшаривали небо, бесчисленные цепочки электрических лампочек ярким светом заливали аэродром.

Холодная роса, пробираясь за шиворот, иголками колола тело. Нян чувствовал, как пересохло во рту, и с трудом подавлял острое желание закурить. Однако сердце переполняла радость: окончательно окрепла вера в успешное выполнение боевого задания. С южного направления приближался низко летевший самолет, из-под темневших прямоугольных крыльев один за другим сыпались букеты осветительных ракет.

Нян с усмешкой смотрел на эти букеты, разлетавшиеся, как пестрые снопы фейерверка, и сказал:

— Будет вам праздничек!

* * *

После этой удачной ночной вылазки Нян еще на некоторое время остался вместе с группой неподалеку от оборонительных заграждений противника. Разведчики крепко связали между собой несколько веток у вершины высокого дерева, и оттуда в бинокль открывался широкий обзор. Дни Нян проводил на наблюдательном пункте, а ночью вместе с Льюнгом пробирался к самой последней линии заграждений противника. К концу месяца была закончена разведка южной части группировки войск противника. Льюнг во многом помог командиру полка, проявив недюжинные способности и острое чутье разведчика. Правда, ротный не раз с трудом подавлял в себе раздражение, когда командир полка с присущей ему педантичностью стремился самым тщательным образом выверить все детали.

Однажды после нескольких таких вылазок Нян сказал, что хорошо было бы взять в помощники кого-нибудь из местных жителей, знавших окрестности как свои пять пальцев, и Льюнг вспомнил о Фанге.

В памяти сразу возник образ этого высокого, широкоплечего старика с прочно посаженной головой, могучей грудью и косолапящей походкой. Его внушительная сутуловатая фигура, облаченная в войлочную куртку, с охотничьим ружьем на плече, невольно внушала робость всем, кто встречался с ним в джунглях.

Со времени их знакомства минуло уже три года, и ровно месяц промелькнул с тех пор, как Льюнг встретил Сиём у складов. И вот теперь Льюнг увидел пепелище, оставшееся от Тая. Он постоял перед некогда просторным домом старого Фанга, на месте которого теперь торчали обуглившиеся, а раньше мощно подпиравшие его сваи. Полуобгоревшая коробка соседнего дома осела наземь, и пушистые рыжие белки деятельно сновали в поисках завалявшихся крошек среди рухнувших деревянных стен кухни. Жители деревни переселились в густые джунгли на высоких скалистых вершинах,

поставив там хибарки на сваях. С наблюдательного пункта на Коане селение не просматривалось; виднелась лишь густо-зеленая тонкая полоска, изредка проглядывавшая сквозь плотную пелену тумана.

Фанг и его невестка жили в маленьком, собранном из бамбука домике на сваях, тесном и темном, задней стеной притулившимся к голой скале. Кое-как прилаженная тростниковая лестница, тонкие, ненадежные опорные столбы, поднимавшие хибарку над землей на незначительную высоту, — вся убогость постройки свидетельствовала о том, что старик, рачительный хозяин, всегда любовно заботившийся о доме, теперь махнул на все рукой. Лыонг, поднимаясь к домику по пологим камням и оглядев это жалкое строение, почувствовал к старику глубокое сострадание. Старик все отдал, чтобы поставить на ноги единственного сына, сделать его человеком, а сын ушел к врагам. Зачем теперь старику дом?..

Много пережил старик из-за измены сына, но не очерствел сердцем. Фанг очень любил зверей, и теперь, как и когда-то в Тае, у него жили, несмотря на тесноту, диковинные зверушки: две голубые толстушки лори, полосатая летяга со складкой кожи, которая проходила вдоль брюшка между передними и задними лапами и распускалась веером, позволяя этой зверушке летать, и четыре малайских медвежонка, которым старик устроил логово внизу под домом. Медвежата, еще совсем крошечные, полуслепые, но уже страшно прожорливые, упорно тыкались мордочками в бамбуковую поилку с кумысом у лестницы, толкались, лезли друг на друга, так что самый проказливый в конце концов свалился прямо в кумыс.

Фанга дома не оказалось. Сиём в одиночестве сидела у очага и перебирала в корзине золотистые зерна падди. Она заметила Лыонга еще с лестницы, подняв голову на звук его шагов. Она узнала его, и во взгляде ее промелькнуло нечто, похожее на радостное удивление. При виде холодного очага и сумрака в доме Лыонгу стало как-то не по себе. Сиём разожгла огонь. Лыонгу она показалась моложе и красивее, чем месяц назад при встрече у складов. Она снова стала той Сиём, какой он ее запомнил когда-то. Лыонг не мог понять, почему она так холодна и негостеприимна: разожгла огонь и снова склонилась над корзинкой с падди, замкнутая, отчужденная, настороженная лесная отшельница.

— Сием, где старик? — спросил Лыонг, чтобы как-то нарушить затянувшееся молчание.

— Отец в поле, скоро вернется.

— Сием, — не отставал Лыонг, — я шел через Тай, там все сгорело... Жалко, красивый был у вас дом!

— А мне не жалко.

— Как не жалко?!

В этот момент от тяжелых шагов по лестнице ходуном заходил дом — это вернулся старик. Хибара показалась еще теснее и ниже: старик макушкой упирался в потолок. Обрадованный, он крепко сжал руку Лыонга чуть повыше локтя и по-стариковски, почти вплотную приблизил к нему свое лицо.

— Сием рассказывала, что встретила тебя у складов. Мне просто не верится, что ты к нам вернулся! — Наклонившись, он поднял за загривок обжору медвежонка и взял его на руки. — А я ходил рис теревить. Куда ни глянешь, одни сожженные деревни и заброшенные поля. Сколько мы от американца натерпелись! Гонят всех в «стратегические» деревни. Пойдешь — дадут и рис, и ружье, а нет — пощады не жди, лучше сразу забивайся в скалы и живи голодным и нищим. Но сердце горцев предано Хо Ши Мину. Горцы Хо Ши Мина не забыли, поэтому для нас праздник, когда вы здесь появляетесь.

— Люди не интересуются, зачем мы здесь?

— Видят, что вы пришли, и рады!

— А чему именно рады?

— Друг другу шепчут: мол, бойцы пришли, американца разобьют, народ освободят; значит, не сегодня-завтра можно будет в деревню вернуться, дома поставить и поля засеять. Я сказал нашим, — старик развел руки с растопыренными пальцами, — потерпите, ешьте кукурузу и клубни, а зерно, которое с солдатских складов дают, не трогайте, берегите. Освободят деревню — сразу рис посеем.

Старик предложил Лыонгу выпить вина, и тот, уступив, пригубил немного. Закусив кусочком темного сушеного мяса косули, Лыонг решил, что пора рассказать о цели своего прихода. Услышав, что военные нуждаются в его помощи, Фанг пристально взглянул на Лыонга и, залпом выпив свое вино, спросил:

— Вы, значит, до сих пор доверяете этому старикашке?

— Как же можно не доверять такому человеку, как вы?

— А тебе известно, что я за человек? Ты знаешь, кому вы хотите довериться?

— Вы человек, преданный революции, и я никогда не забуду, что вы для меня сделали...

— Я породил сына, который перешел к американцам! Про это ты знаешь? Своему командиру ты говорил об этом?

— Мы знаем, что Кием сам записался в солдаты...

— И вы не боитесь, что его отец заведет вас к американцам?

Фанг распался все больше, задавая эти больно ранившие его вопросы. Лыонг чувствовал себя не в своей тарелке, удивляясь, зачем старик так бессмысленно себя истязает. Лыонг видел, как горе надломило этого крепкого телом и духом человека, которым он всегда восхищался.

Фанг то и дело подливал себе вина. Глаза у него стали злыми, покраснели и угольками горели на побагровевшем от гнева лице.

Сиём хорошо понимала, что с ним происходит. Когда они еще жили внизу, в Тае, Сиём каждый день уходила в лес собирать грибы и молодые побеги бамбука. Однажды она заметила, что на тропинке за ней часто мелькает фигура свекра. Поначалу ей это показалось чистой случайностью: ведь и он тоже уходил в джунгли охотиться. Истинную причину она поняла позже. В тот раз, как только она сняла заплечную корзину и хотела войти в ручей умыться, за спиной послышались осторожные, крадущиеся шаги. Обернувшись, она

увидела Киема. Он, сгорбившись, стоял поодаль в тростниках, среди распутившихся пушистых белых метелок. Бросив по сторонам затравленный взгляд, Кием рванулся к ней. Сиём хотела было бежать, но он резко прикрикнул! «Стой! Не двигайся!» Она будто окаменела от страха. Он что-то говорил, до нее донеслось: «Я пришел за тобой. Собирайся, ночью уйдем, но помни: отцу пикнешь — убью!» Внезапно Киём дернулся и бросился в тростники. Не успев опомниться, она увидела за деревьями фигуру свекра. Старик, не сказав ни слова, судорожно сжимая ружье, пробежал мимо Сиём и бросился по следу в высокие, выше человеческого роста, тростники... Страшной была эта охота! Вот тогда-то Сиём вдруг поняла, что муж давно уже выслеживал ее на лесных тропах и свекор об этом знал.

Ночью она побоялась остаться дома и ушла к соседям. Киём, заглянув в дом, увидел только спящего у окна Фанга. Он тихо присел рядом. Светила полная луна. Отец и сын не спускали друг с друга глаз: один бодрствовал, другой притворялся спящим. Неожиданно Фанг резким движением приподнялся и попытался схватить сына за горло, но Киём вырвался, оставив в руке отца оторванный ворот цвета хаки. Старик вскинул ружье, но тут же опустил. Став коленями на подоконник и высунувшись из окна, он, не отрываясь, смотрел в спину сыну, который, обхватив руками сваю, съехал по ней вниз и бросился наутек. Рука отца не поднялась выстрелить. Потом дошли вести, что Киём участвовал в разорении деревень вдоль Сепона, что он расстреливал людей, поджигал дома, и старик пришел к окончательному решению: преступление не должно оставаться без возмездия.

Сколько раз замечала Сиём эту мрачную решимость на суровом, с горящими, как у тигра, глазами лице свекра. Сиём хорошо знала его характер: он никогда не отступал от намеченного.

Сейчас она молила в душе только о том, чтобы он не проговорился об этом вслух; она чувствовала, что старик готов признаться во всем Льюнгу.

Но Льюнг, конечно, не мог знать о том, что творится в душе старика.

— Завтра утром вы смогли бы с нами пойти? — спросил он.

— Куда?

— К моему командиру.

— Пойдем хоть сейчас. Но какой вам от меня прок?

— Вы хорошо знаете здешние края, и мы очень нуждаемся в вашей помощи. — Лыонг понимал, что старику нужно все объяснить, необходимо подбодрить, успокоить его. — А про сына не думайте. Он если не в Хуойшане, то в Лангвэе. Американцы далеко его не отправят, и, кто знает, может, мы его найдем. Вины на нем много, но наша политика — политика гуманизма, великодушия...

Лыонг не подозревал, что уговорами он лишь подливает масла в огонь.

— Жалеешь меня? — вскричал старик. — Не нуждаюсь я в жалости! Я сажал деревья и знаю: если в дереве завелись термиты — рубить его надо! Я не буду сидеть сложа руки и ждать, пока вы придете проявлять великодушие к моему сыну! Я все равно...

— Отец, вы пьяны, — тихо проговорила Сием, сидящая у догоравшего очага.

— И ты тоже. Ты мне больше не невестка, слышишь? Ищи себе другого мужа...

— Нет, нет, так нельзя! — вмешался Лыонг. — Кiem жив и...

— А я его убью! Я это твердо решил. Пулю специально берегу!

— Отец! — страдальческим голосом вскрикнула Сием. Наступило молчание. Старик сидел, погруженный в тяжелые думы, мрачно уставившись на вползавший в окно белый, как молоко, туман.

Было уже совсем темно. Будто очнувшись от долгого сна, Фанг поднялся, зажег коптилку и усталым охрипшим голосом сказал:

— Сием, дочка, приготовь Лыонгу постель...

22 декабря Лыонг, вернувшись с очередной вылазки — он ходил с группой на северный участок дороги № 9, — увидел у основного наблюдательного пункта замполита Киня и командира полка Няна. Они производили рекогносцировку на местности. Большая часть полка была на подходе к месту сосредоточения.

— Привет, старик! — обрадованно закричал Кинь, направляясь по выжженной лужайке навстречу рослой, крепкой фигуре Лыонга. Ткнув посохом с вырезанной вместо рукояти белкой в сторону одной из скалистых вершин, Кинь спросил: — Это здесь мы с тобой в тот раз схватились с ними?

— Нет, подальше, — ответил Лыонг.

— А где же та скалистая гряда проходит?

— Она еще дальше на северо-востоке, но в ясную погоду видна отсюда.

Кинь внимательным взглядом окинул его с головы до ног.

— А тебе все нипочем! Все такой же молодец!

— Ну до вас мне далеко!

Подошел Нян. Его глубоко запавшие глаза были устремлены вдаль.

— Поднимемся на наблюдательный пункт, — предложил он.

Через полчаса все трое были на месте. Нян и Лыонг помогли Киню забраться на хорошо замаскированную наблюдательную площадку, прилаженную на самых высоких толстых ветках. Нян остановился рядом с командиром отделения, отвечавшим за наблюдательный пункт, прищурил левый глаз, покрутил бинокль и, настроив, передал Киню.

— Хорошо видно?

— Очень хорошо, даже незрячий увидит! — пошутил Кинь. — И американцев, и Такон!

С помощью бинокля Кинь впервые рассматривал Такон, обозначенный на карте зеленой точкой. От горного селения, через которое когда-то проходил Кинь, не осталось и следа. Земля была вся изрыта, и среди красных ее холмов теперь лежал новый Такон, похожий на строившийся индустриальный центр. На фоне веселой зелени горы Донгчи мрачно выделялись взлетно-посадочная полоса аэродрома и метеовышка. Низкие мрачные тучи нависали над горной цепью, помеченной на карте цифрой 475. Хорошо просматривалась крыша завода листового железа, находившегося возле стратегической деревни. Небо над Таконом предвещало грозу.

Дорогу № 9 с центром Такона соединяла другая дорога, вымощенная неровным камнем. Вдоль нее низко летел транспортный самолет С-130. Он пролетел от Лангвэя к поселку и начал кружить над западным участком дороги — от реки Сепон до Хуойшана. Кинь, наблюдая за С-130, заметил, что самолет описывает круги над одним и тем же пологим холмом у подножия горной цепи 475, которая с наблюдательной вышки казалась гигантской черепахой.

— Как называется этот холм? — спросил Кинь, сразу оценив его чрезвычайную важность.

— На карте эта высота не обозначена, — доложил командир отделения. — Назовем ее пока Безымянной.

К полудню небо немного прояснилось, облачность стала рассеиваться. Над землей в нескольких местах поднимались клубы дыма. С севера время от времени долетали гулкие раскаты, не похожие ни на гром, ни на разрывы бомб, ни на отдаленный орудийный грохот. Из кофейной рощицы, примыкавшей к дороге № 9, поднялась стая аистов, растянувшись слепящей белой лентой до самого шпиля протестантского собора в центре поселка. Общая картина была такой безмятежной, будто кругом вообще ничего страшного не происходило и все оставалось на своих местах так, как было испокон веков.

Это удивительное спокойствие невольно вызвало у Киня волнующие воспоминания. Он прислушивался к голосу памяти, и перед ним отчетливо вставали иные картины. Кинь отличался некоторой

рассеянностью, но в одном отношении память его обладала удивительным свойством: всех, с кем он когда-либо встречался и с кем ему довелось участвовать хотя бы в одном бою, всех, живых и мертвых, она хранила до сих пор. Киню ничего не стоило также припомнить, например, как выглядел такой-то блиндаж, заграждение или укрепленный пункт, которые сровняли с землей еще в начале антифранцузского сопротивления. Он помнил число и время всех атак, в которые ходил; мог сказать, каким в тот день было небо — ясным или затянутым туманом, и даже каким был этот туман. Вот и сейчас, стоя на наблюдательной вышке, Кинь вдруг отчетливо вспомнил белесые туманы Тэйбака{17} и настойчивые, разносившиеся по джунглям удары кувалд, которыми бойцы мастерили крупорушки. В Дьенбьенфу{18} было так же безмятежно в те дни.

10 декабря 1953 года полк, где Кинь был замполитом одного из батальонов, выступил в северный район Дьенбьенфу. После совещания командиров, проведенного в спешном порядке прямо на марше, полк оставил дорогу № 41 и, резко свернув в сторону, углубился в девственные джунгли Тэйбака. Из всего полка лишь один человек, местный уроженец, знал дорогу, но и он скоро потерял ориентировку в глухой чащобе. Это было за несколько месяцев до начала операции, когда войска получили приказ немедленно занять укрепленный пост в Памлоте, чтобы оседлать пересечение двух дорог и предотвратить возможность отступления противника из Дьенбьенфу в Лаос. Сосредоточившиеся в джунглях подразделения получали тогда падди, и нужно было скорее превратить эти зерна в очищенный рис. Солдатам Киня после долгих мытарств наконец удалось наладить производство крупорушек. Один из его молодых бойцов стал даже настоящим мастером этого дела.

Кинь участвовал во всех боях, вошедших в историю как сражение при Дьенбьенфу. Когда оно закончилось, батальон Киня стал комендантским. В один из первых вечеров после победы Кинь вместе с молодым бойцом-связным стояли на вершине, которую французские солдаты называли именем какой-то прекрасной богини. Выступивший на поверхность краснозем окрасил вершину почти в пурпурный цвет. Связной в трофейном офицерском кителе, показав вниз на долину, удивленно воскликнул: «А почему же так тихо?..»

Действительно, почему спокойствие долины Кхесань сейчас так напоминает тогдашнее Дьенбьенфу? Значит, они похожи — тишина после бури и затишье перед бурей? Где теперь тот парнишка-связной, у которого получались лучшие в батальоне крупорушки? А что стало с другими бойцами? Где они сражаются сегодня? Кинь по собственному опыту знал, что самые спокойные дни выдаются накануне перемен, перед новыми боями. Он подумал, что вот уже более двадцати лет его народ ведет героическую славную борьбу, в которую включился каждый человек.

Перед Кинем вставляли картины отгремевших сражений, и он попытался представить себе предстоящий бой. «Как-то сейчас жена?» — невольно подумал он. В этот раз, уходя на боевое задание, Кинь не успел заскочить домой. Перед ним всплыло спокойное лицо жены. Сколько раз она провожала его! Теперь на фронте были оба — отец и сын.

— Так и есть, они продолжают укреплять оборону! — заметил вслух Кинь, продолжая наблюдать в бинокль за кружившимся в небе С-130. Белые фигурки американских солдат в Таконе устремились к только что сброшенным с самолета моткам колючей проволоки.

— Вы обратили внимание на пепельно-серые круглые, вращающиеся пластинки наверху?

— Радарная установка?

— Да! Вы ведь принимали участие в операции при Дьенбьенфу?

— Ну тогда у тэев{19} не было столько техники, сколько сейчас у этих!..

* * *

Нян одну за другой показывал Киню цели на всю глубину обороны противника, а затем стал знакомить с общим расположением оборонительных укреплений. Воспользовавшись тем, что оба командира заняты, Лыонг позвал появившегося в этот момент Кхюэ в блиндаж к радистам.

Кхюэ не сразу освоился с царившей в блиндаже темнотой. Поздоровавшись с работавшими в углу связистами, Кхюэ с горечью в голосе проговорил, обращаясь к Лыонгу:

— Я больше не в вашей роте! Когда вышли на марш, поступило распоряжение из штаба...

— Знаю, знаю... — несколько флегматично ответил Лыонг.

— Может, вы лично поговорите с Кинем? — с надеждой в голосе предложил Кхюэ.

— Ну кто так делает? Мы с Кинем давно знаем друг друга. Раз он тебя взял... Да и в кадрах давно уже об этом речь шла. Ничего, оставайся с ним. Ты вот что запомни: он всегда в самое пекло лезет, даже когда в этом нет никакой необходимости. Так что даже хорошо, что в эти дни при нем будет такой опытный и расторопный парень как ты. — Лыонг отошел к рации, продиктовал информацию для дивизии и снова вернулся к Кхюэ. — Как твоя поездка к родным? Удалось хоть немного дом подправить?

— Подправлять-то нечего, — устало ответил Кхюэ. — Бомба попала в пристройку, и от дома ничего не осталось. Когда я вернулся, уже и руины разобрали.

— Маме получше стало?

— Она умерла...

— Умерла?!

— Живот во многих местах был поражен осколками, так что ничего нельзя было поделывать...

— Сестра уже знает? — после долгого молчания спросил Лыонг.

— Я догадался, что вы не успели ее повидать. Когда мы проходили через пункт «Б-34», я оставил для нее письмо. Подруги передадут в школу медсестер. Написал, что мама и братишка погибли.

— Может, лучше было бы не писать?..

— Сначала я тоже так думал, но потом решил, что она человек взрослый. Рано или поздно, но все равно ей придется сообщить. Она, конечно, все глаза выплачет, но, может, учеба сейчас ей будет поддержкой? Она у меня такая старательная!..

И Кхюэ во второй раз после возвращения пришлось рассказать свою печальную историю. Впервые он поделился с Кинем как-то вечером, когда они уже улеглись спать. Больше никому из своих самых закадычных дружков-разведчиков, даже каптенармусу Дао, с которым он был очень близок, Кхюэ не хотелось рассказывать о том, что он видел дома.

Когда он приехал, все было кончено: на месте дома зияла воронка, а на кладбище появились две свежие могилки — матери и братишки. Отец совсем ослаб, вдобавок у него страшно распухли суставы, и он целые дни сидел, беспомощный, в окружении трех оставшихся маленьких детей. За пять дней, проведенных дома, Кхюэ ни часу не оставался без дела. Из соломы, глины и всяких остатков, которые натащили соседи, ему удалось соорудить небольшую хибарку; он разделил ее на три клетушки. На пятый день он подправил могилы, а затем вместе с парнями и девушками из ополчения вычистил и собрал три новенькие, только что присланные из уезда винтовки. Вечером он вскинул на плечо свой вещмешок и на прощание погладил по голове малышей. Его вышло провожать все село. Он обогнул зиявшую глубокую воронку и направился к железнодорожной станции. Тихая, безмолвная фигура отца поджидала Кхюэ на краю поля. «Иди, сынок, отомсти за мать и братишку, — прерывающимся слабым голосом сказал отец. — О нас не тужи, односельчане помогут мне поднять маленьких». Впервые за всю самостоятельную жизнь Кхюэ получал напутствие от отца. Слабый, болезненный и тихий человек, отец никогда не поднимал на детей руку, никогда не повышал голоса и единственную свою опору видел в жене. Немало повидавшее, огрубевшее сердце Кхюэ дрогнуло. Налетевший с поля ветер поднял пыль над гудевшими от приближавшегося поезда рельсами. Вдали уже показался окутанный клубами пара паровоз. Полу коричневой отцовской рубахи трепал ветер, в кармане у отца позвякивали табакерка и зажигалка. Кхюэ наскоро простился с отцом, рукавом гимнастерки смахнул непрошенные слезы и бросился к станции...

— Ты, кажется, ветеран пятого предприятия{20}? — спросил Лыонг, стараясь отвлечь Кхюэ от грустных мыслей. — Я здесь несколько раз встречался с их разведгруппами.

— На южном направлении какие подразделения стоят?

— Там полно народу. Только пехотных частей три или четыре, а артиллеристов и подразделений поддержки столько, что не упомнишь всех условных названий.

— Когда начнется операция?

— Я не в курсе, об этом повыше знают. Но, по-моему, еще не скоро начнут, так как нужно сделать запас боеприпасов и продовольствия.

* * *

На следующий день Кхюэ вместе с Кинем вернулись на КП полка.

5-й полк был уже полностью сосредоточен в нужном месте. Все — от штабистов до солдат боевых подразделений — получили задачу немедленно перебросить боеприпасы и продовольствие со складов в район предстоящих боевых действий.

Прежде узенькие, незаметные тропинки, проложенные в глухой, девственной чаще первыми пришедшими сюда подразделениями, теперь превратились в растоптанные, расхоженные дороги.

Появились и новые многочисленные тропы, на которых сухие сучья и кустарник то и дело норовили попасть в глаз. По всем дорогам и тропам взад и вперед сновали группы солдат. В одну сторону шли налегке, перекинув вещмешки через плечо, а в другую — тащили тяжелую ношу. Склады находились у Сепона. Туда возвращались уже знакомой дорогой, которую только что проделали на марше, а оттуда несли самое малое килограммов по тридцать на спине. Встречаясь на узких тропах, солдаты поворачивались боком, уступая дорогу друг другу и не упуская случая позубоскалить.

— Привет! — обрадованно кричал какой-нибудь боец, завидев ребят из 5-го полка с зажатыми в уголках рта сигаретами. — Шикуете с

дымком? Сразу видно, что недавно из тыла! Много курева осталось-то?

— Где там! — с сожалением вздыхал шедший следом за Кхюэ парень. — Уже на исходе, на каких-нибудь пару дней и хватит! А что это вы порожними идете? Может, на прогулку собрались?

— Тоже скажешь! За рисом да за снарядами... Что мы, хуже других, что ли? Поделились бы табачком, а? Не оставьте нас, бедных, неимущих, своей заботой.

— Бедный я, горбатый, узка для горба моего кровать... — горланил кто-то полюбившуюся солдатам шуточную песенку про бойцов-носильщиков, а другой, сгорая от нетерпения, сетовал:

— Уже на фронте, а еще ни одного американца в глаза не видел!

— Скоро увидишь!

— Эй, расступись! — перекрыл шум громкий крик. — Дорогу железным каскам!

Кхюэ, согнувшись под тяжестью сорокакилограммовой ноши на спине — огромный вещмешок с рисом и винтовочными патронами да два деревянных ящика, — торопливо пробирался вперед; маленькая юркая его фигура быстро мелькала среди тюков, ящиков и оружия, наваленных вдоль дороги.

Одно из подразделений снималось со стоянки, его место тут же занимало другое, только что подошедшее. У обоих в хозяйстве было по несколько свиней, и теперь они со связанными ногами и рылами, свирепо визжа, лежали вверх брюхом на прикрепленных вдоль спины дощечках у обочины дороги. Один из кашеваров попытался взвалить на спину самую крупную свинью, но путы на передних ее ногах ослабли, она вырвалась и бросилась наутек, взбрыкивая и яростно раскидывая уложенные в ряд вещмешки, корзины с подвесами и кули с сушеными овощами. Зацепив пулеметную ленту, свинья потащила ее за собой, рассыпав по грязи блестящую медь пуль. Под пронзительные крики «Держи ее, держи!» свинья выскочила к ручью прямо на голых, выходивших из воды солдат с большими,

тяжеленными вещмешками на голове. Разъяренное рыло с оскаленными клыками ткнулось прямо в какого-то парня, оторопевшего от неожиданности и пронзительного свинячьего визга. Раздался оглушительный хохот множества глоток.

Кхюэ выбрался из ручья на берег и начал одеваться. Вдруг он услышал возглас:

— Кхюэ, дружище, ты ли это?

Поодаль одевался какой-то уже немолодой мужчина. Отвернувшись к кустам, он подпрыгивал на одной, еще голой, ноге, а другой пытался попасть в брючину.

— Сколько же мы не виделись? — обернулся он к Кхюэ, справившись наконец со своими вымокшими брюками. — Подожди меня чуток, сейчас я подойду.

Спустя минуту оба уже сидели рядом на своих вещмешках. Это был политрук того батальона 5-й дивизии, в котором раньше служил Кхюэ. Политруку было уже под сорок. Обветренное лицо, крупный нос, жесткая щетина щек и подбородка — все это придавало ему мужественный, волевой вид. Они когда-то были друзьями, и Кхюэ сейчас даже раскраснелся от радости.

— Ты теперь где? — спросил политрук, протягивая Кхюэ кiset с махоркой.

— Четвертое предприятие, — ответил Кхюэ, принимая кiset. Глядя на густую щетину своего бывшего политрука, Кхюэ заметил: — Что-то вы постарели, или, может, это так кажется из-за того, что обросли?..

— Я сейчас в группе подготовки операции. Мы здесь уже полтора месяца. На щетину не удивляйся. У меня за одну ночь такая отрастает, что никакой маскировки не надо! Послушай, парень! В апреле прошлого года после боя за высоту 31 я отправил твои документы вместе с наградным листом в отдел кадров госпиталя. А твоя личная карточка до сих пор хранится в батальоне, и считается, что ты находишься на излечении...

— Рана долго гноилась, — объяснил Кхюэ. — Меня несколько раз резали. А когда наконец выписали, вы все уже были на фронте. Штабу фронта требовались конвоиры сопровождать в тыл пленных. Вот и взяли меня. Освободился я только через два месяца, стал проситься на фронт, но кадровики ответили, что четвертое предприятие запросило командира отделения с боевым опытом для обучения новобранцев, и меня отправили к ним. Сначала сказали — временно, а потом оставили насовсем.

— Ну и что же ты теперь делаешь?

— Был отделенным в разведроте, а сейчас ординарец у замполита.

— Не хотел бы вернуться к нам?

— Я старых друзей не забываю, но и здесь, сказать по правде, привык. Как командование решит, мне все равно. А вы что, хотите взять меня обратно?

— Да, будем просить. Наши намерены собрать всех ветеранов. Нужно хранить боевые традиции своей дивизии. Кстати, ты, наверное, не знаешь, что командование еще в прошлом году назначило тебя взводным и собиралось оставить в твоей же роте?..

Эта неожиданная встреча произошла накануне долго готовившейся операции. Слова бывшего его политрука заставили Кхюэ задуматься. Нельзя сказать, чтобы он мысленно не сравнивал свое нынешнее положение с положением взводного, но не это для него было главным. Перед глазами один за другим проходили боевые эпизоды, особенно — он будто вновь сейчас переживал их — заключительные дни прошлогодней операции. Тогда его отделение — восемь бойцов, всю одежду которых составляли только белые трусы, потому что кругом лежали ослепительно белые, до боли в глазах, пески, — отправилось на помощь взводу, взятому в кольцо на высоте 31. Бомбы и снаряды противника беспрестанно месили пески, будто стараясь измельчить их в пудру. Вокруг, сколько ни напрягай зрение, стеной стояла сплошная белая завеса. Кхюэ, определив направление, с которого доносились винтовочные выстрелы и автоматные очереди, повел отделение на только что высадившийся с вертолета

американский десант. Первого же бросившегося на него американца, высоченного детину, Кхюэ проколол штыком. Кхюэ запомнились его свирепо выпученные серые глаза под светлыми бровями и яростно скособоченный рот. Схватка с озверевшими головорезами, поначалу воинственно вывалившимися из своего вертолета, а теперь один за другим падавшими на трупы своих товарищей, была жестокой и молниеносной — через пять минут все было кончено.

* * *

В тот же день, после неожиданной встречи у ручья со своим первым политруком, Кхюэ по дороге познакомился и разговорился с одним из однополчан, бойцом 1-го батальона, раньше служившим в роте носильщиков, которая подчинялась непосредственно штабу. О том, что он был носильщиком, свидетельствовали его сутулая, сгорбленная спина, мелкий ровный шаг и привычка ходить без головного убора. Новый знакомый, порывшись в карманах, протянул Кхюэ крохотный пакетик.

— Что это? — спросил Кхюэ.

— Обжаренная соль. Время от времени надо съедать по кристаллику, тогда не будет мучить жажда.

— Есть такая соль? — удивился Кхюэ.

— Ну да! Погрызи, увидишь. Да ты бери, пригодится. Говорят, нам еще таскать не перетаскать! У нас, носильщиков, правило: в пути не пить, только потеть будешь, а от пота — слабость, чуть пройдешь, отдохнуть тянет. Обида какая, — неожиданно пожаловался он, — я думал, переведут в боевое подразделение. Штык к винтовке приставил и — сразу в бой! А тут на тебе!

Всю дорогу он не закрывал рта, рассказывая Кхюэ о своих товарищах-носильщиках. Кхюэ узнал, например, что все они сколько угодно готовы переносить любые грузы и тяжести, лишь бы только не подбирать на поле боя убитых и раненых товарищей.

— Ты дома успел побывать? — спросил вдруг боец.

— Успел.

— У вас там сильно бомбят?

— Сильно.

— А с твоим домом как, ничего?

— Ничего...

— У меня тоже пока все в порядке. Наше село несколько раз бомбили. Когда я на побывке был, сбросили шариковые бомбы на школу в соседнем селе. Сколько там погибло детишек! Знаешь, у всех убитых детей глаза были открыты... Нет, американца мало уничтожить, мало!.. В роще железных деревьев (лимов) у горной речушки Азией расположилась на привал группа бойцов. Кхюэ и его новый товарищ присоединились к ним и отдали свой харч в общий котел. После первых же расспросов выяснилось, что все они — однополчане, или, как сказал один из бойцов, «солдаты старины Киня». Во время общего оживленного разговора сидевший рядом с Кхюэ боец спросил:

— Ты встречался когда-нибудь с американцем в бронезилете?

— Было... — машинально ответил Кхюэ, думая совсем о другом. Он вдруг увидел устремленные на него недоумевающие глаза погибшего братишки. «Знаешь, у всех убитых детей глаза были открыты...» Кхюэ показалось, что не только глаза братишки, а простодушно-наивные глазенки всех погибших детей обращены к нему с немым вопросом: что он собирается делать?

Прервав свои мысли и возвращаясь к беседе, он рассказал о схватке с американцами в песках в районе высоты 31.

— Вот это да! — выслушав, воскликнул его новый приятель с нескрываемым восхищением. — Сколько же ты тогда их уложил?

— Не так уж много. Помню только самого последнего, которого взял в плен. Совсем еще молокосос, обрит наголо, руки и ноги нескладные, длинные... Он так ревел!.. Такие сопли распустил, и страх собачий в глазах. Я почувствовал, что не смогу его прикончить. Знаками я велел

ему снять обувь и повесить на шею, а потом махнул своим ребятам, чтобы увели. А он все норовил упасть на колени и соскребал приставшую к штанам чужую кровь. Но едва мы поднялись на высоту, как всю жалость к этому сопляку будто рукой сняло: наших-то раненых они прикончили, зверски распоров им животы!

— Чтоб им! Я тоже такое много раз видел, когда ходил за ранеными, — сказал боец-носильщик. — Американцы и солдаты Пак Чжон Хи все время таким способом добивают раненых, а бывает, что и над мертвыми так глумятся.

— Как же вы после с пленным решили? — спросил у Кхюэ один из бойцов, бережно прикрывая банановым листом миску с рисом от накапывавшего дождя.

— Нам и решать ничего не пришлось, — ответил Кхюэ, — потому что тут же налетели два «фантома» и сбросили на склон зажигательные бомбы. Огонь сожрал всех убитых, а заодно прибрал и пленного. Это их обычная манера... Меня тогда ранило...

— На носилках отнесли или сам дополз?

— Дополз. Тело будто чужое было, тяжелое. Наверное, тяжелее, чем два таких мешка, — пошутил Кхюэ, вдевая руки в лямки вещмешка, и, поднимаясь, сказал: — Ну пошли, ребята, по дороге договорим.

Новый приятель помог Кхюэ, забрав у него один ящик с патронами и контейнер с запалами. После дождя пахло грибами и прелью. Неподалеку прокричала какая-то птица. Крик напоминал хрюканье свиньи. Тихо журчал бегущий мимо ручей. Над головами с воем проносились самолеты. Цепочка солдат с тяжелыми вещмешками и ящиками на спинах вышла из зарослей и уже приготовилась подниматься по склону, как вдруг на одной из боковых троп зашелестели раздвигаемые ветки и кто-то громко спросил:

— Товарищи бойцы, вы не из тринадцатого хозяйства?

— Какого предприятия ваше хозяйство?

— Тринадцатое хозяйство значит тринадцатое хозяйство! — рявкнул голос.

— Нет, мы не оттуда. Да что вы кричите-то?!

А еще через несколько минут они увидели помощника начальника штаба их полка. (Его только недавно перевели к ним, и Кхюэ не знал его имени.) Он спешил к ним с пистолетом на боку и связкой гранат у пояса.

— Товарищи бойцы, вы из пятого хозяйства?

— Так точно!

— Побыстрее возвращайтесь в расположение части! Сегодня ночью выступаем! Быстрее, товарищи!

Лица солдат озарились радостью: только вчера им говорили, что переброска грузов может продлиться около месяца.

Кхюэ похлопал по плечу своего нового приятеля:

— Видишь, а ты ныл!

— Повезло, значит! — Тот крепко пожал ему кисть, — Эй, ребята, ноги в руки, живей вперед!

Возбужденные, радостные, они с удвоенной энергией зашагали дальше, а помощник начальника штаба отправился на поиски других групп, еще тянувшихся с грузами где-то позади.

* * *

Кхюэ нагнал Киня на одном из участков дороги, проложенной саперами несколько недель назад. Дороги, по которым шло наступление, паучьими лапами охватывали окрестности, ведя из леса, где были сосредоточены войска, к населенному пункту Кхесань и дороге № 9; чем ближе к дороге № 9, тем уже и незаметнее они становились и наконец терялись в сухой траве. Несколько дней подряд продолжались бомбардировки самолетами Б-52. Поваленные, вывороченные деревья перекрыли ручьи, а уцелевшие были

искорежены осколками. К тяжелым запахам пороха и поднятого со дна ила примешивался трупный смрад. В три часа пополудни небо казалось свинцовым. То и дело со свистом проносились вражеские самолеты. Два разведывательных самолета проделали пару кругов и исчезли. Следом прилетели другие.

Выступил 1-й батальон 5-го полка.

На дорогу, обливаясь потом, то и дело выбегали запыхавшиеся солдаты. Оставляя у обочины огромные, тяжелые вещмешки, они сразу же получали у стоявших наготове работников интендантской службы винтовку, скатку, сверток с рисовыми колобками и вливались в колонну. Политработники и командиры на ходу разъясняли план операции и боевую задачу. Батальон выдвигался для прорыва вражеской обороны. Впереди шли подрывники с взрывчаткой, следом одна за другой двигались штурмовые группы и группы прикрытия. Бойцы затянули пояса, взяли предельно облегченное снаряжение (только оружие и необходимый запас патронов). У тех, кто только что вернулся с переброски грузов, ныли плечи, спины были мокрыми от пота. Шутки слышались редко. У всех были сосредоточенные лица — каждый думал о начинавшейся операции.

Кинь, которому все это было не внове, поначалу, однако, и сам испытывал некоторое волнение. Сейчас причины недавнего беспокойства как будто отпали: 1-й батальон был собран почти полностью. Приказ командования фронта говорил о немедленном выступлении (причину этой незамедлительности в полку пока что не знали), и, поскольку командир полка Нянь находился еще в Таконе, Киню пришлось взять на себя руководство 1-м батальоном, единственным подразделением 5-го полка, принимавшим непосредственное участие в операции. Вместе с Сыонгом, командиром 1-го батальона, ему удалось всю необходимую подготовку, на которую в обычных условиях понадобилось бы несколько дней, провести за полдня.

Сейчас все было уже позади; то, что не успели закончить на месте, завершали прямо на марше. Кинь, шагая рядом со своими солдатами, остро ощущал охватившее всех волнение перед боем, видел на лицах бойцов решимость сразиться с врагом. Такая же решимость вела их

на маршах вдоль всего Чыонгшона, когда они шагали и в зной, и под проливным дождем, испытывая всевозможные лишения.

Задержавшись у обочины, Кинь вдруг увидел Кхюэ с тяжелым вещмешком на спине. Подойдя к нему, Кинь спросил:

— Запалы есть?

— Только один комплект.

— Пока достаточно! — решил Кинь и обрадованно крикнул комбату: — Сыонг, запалы поднесли!

Кинь и Кхюэ, обгоняя идущих солдат, вышли в голову колонны. Рядом сразу же вынырнула фигура Сыонга.

— Быстрее нельзя? — спросил у комбата Кинь. — Впереди — пересохший ручей, этот рубеж нужно миновать без задержек.

— Так точно! — отрапортовал Сыонг. — Я уже отдал приказ подрывникам пройти его как можно быстрее.

Передние резко прибавили шаг. Остальные, группа за группой, почти бежали, нагоняя их. Трое бойцов (один из них, сильно косивший, тащил на себе ручной пулемет) На бегу вслух повторяли боевую задачу.

— Какова задача нашей роты? — спрашивал один из этой тройки, командир отделения.

— Задача нашей роты — отведать мясца недожаренного козла! — весело взглянув на командира, бойко ответил сильно косивший боец, поправляя на плече ручной пулемет и ремень новенькой, только что полученной винтовки.

— Прекратить болтовню!

— Нам поставлена задача прикрыть правый фланг штурмовой группы, которая будет проделывать проход в центре лагеря марионеток.

— Какая задача стоит перед нашим взводом?

— Наш взвод должен двигаться по большаку...

— Ребята, а как ночью точно выйти к вражеским позициям?.. Говорят, в Кхесане одни только марионетки.

— Как же быть? Я ведь обязался в эту ночь уничтожить нескольких американцев...

Кинь, шедший рядом с молодым командиром отделения, отметил про себя его горячность и спросил:

— Во многих боях довелось побывать?

— Никак нет, товарищ командир! Можно вопрос? Почему командование не поручило нашему полку главную задачу?

— Разве то, что поручено нам, не ответственно?

— Понимаю, товарищ замполит, но...

Кинь хотел было о чем-то спросить командира отделения, но вдруг замер и прислушался. Нервы в одно мгновение натянулись как струна: среди гомона голосов, топота бегущих ног и бряцания оружия Кинь различил вой бомб, прорезавший хмурое, туманное небо.

— Ложись! — долетел от головы колонны приказ комбата.

— Воздух! Соблюдать спокойствие! — крикнул Кинь.

— Воздух! — вторил приказу замполита Кхюэ.

Земля задрожала от взрывов. После первого налета изрытую, вздыбленную землю заволокло огнем и черным, как деготь, дымом. Не обращая внимания на вой и разрывы бомб, Кхюэ стал подниматься и неожиданно стукнулся о чью-то большую, обутую в резиновую сандалию ногу. Сквозь густой, удушливый дым он с радостью различил фигуру замполита, который уже давно стоял во весь рост.

— Кхюэ! Давай-ка, старина, за мной! — сказал Кинь, сплевывая набившийся в рот песок. Кинь мельком глянул на ординарца, в его карих глазах вспыхнул огонек. Исход предстоящей операции сейчас

решался здесь, и именно он, Кинь, был тем человеком, от которого во многом зависел ее успех.

Они побежали вперед, перепрыгнули через поваленное, охваченное языками пламени дерево, и тут перед ними из-за стены дыма возникла фигура комбата.

— Товарищ замполит, — в голосе Сыонга звучали настойчивые нотки, — немедленно покиньте опасную зону! Через несколько минут они снова начнут бомбардировку.

— Продолжайте движение! — крикнул ему в самое ухо Кинь и, притянув его за рукав, назвал нескольких человек, кто должен был остаться с ним в зоне бомбардировки.

— Вы — замполит, и я предлагаю во избежание... — настаивал Сыонг.

— Лучше позаботьтесь о том, чтобы солдаты продолжили марш. Выполняйте приказ!

Подошедшим замполитам батальона и группе санитаров Кинь посоветовал, как лучше защищаться от бомбардировки и оказывать в таких условиях помощь раненым.

Вражеские самолеты продолжили бомбардировку участка, по которому только что прошла 6-я рота. Пять человек погибло, около десяти было ранено. Кинь и Кхюэ залегли в одной из воронок. Не дожидаясь прекращения бомбардировки, Кинь закатал брюки и, прячась за камнями, принялся переносить раненых...

Спустились сумерки. Стали отчетливее языки пламени, лизавшие стволы железных деревьев.

Наверху непрерывно описывали круги самолеты-разведчики. По склону холма вытянулась в две шеренги 6-я рота. Кинь в разорванной гимнастерке стоял перед солдатами. В сумерках лицо его показалось постаревшим, но голос, поначалу глухой, уже через минуту зазвучал громко, и, несмотря на гул самолетов-разведчиков и свист то и дело проносившихся в небе реактивных самолетов, каждое слово замполита было отчетливо слышно.

— Врагу не удастся нас остановить, — медленно начал Кинь. —
Времени у нас в обрез. Напомню только одно: это первое сражение, в
котором принимает участие наш полк. Задание, возложенное на
первый батальон, свидетельствует о том, что командование верит
нам, товарищи. Сейчас на нас с надеждой смотрит весь полк. Какими
бы ни были трудности, мы должны, не останавливаясь, идти вперед
на врага и одержать победу! Такова наша задача, задача
революционной армии!

В эту минуту Киню хотелось обнять каждого бойца. Солдаты стояли
перед ним в две шеренги. У многих из них — на голове, на руках, на
груди — белели свежие, только что наложенные повязки, сквозь
которые проступали пятна крови. Кинь обвел всех взглядом и после
минутного молчания продолжал:

— Погибшие зовут нас к отмщению! Мы скорбим о них, но мы не
должны падать духом и приходить в уныние. Клянемся отомстить за
них!

— Клянемся! Клянемся! — раскатами прокатилось по рядам, и над
головами взметнулись автоматы, винтовки, ручные пулеметы. —
Уничтожим американских захватчиков! — в едином порыве вырвался
громовой клич сотен сердец, охваченных жаждой борьбы.

6-я рота ускоренным маршем догоняла свой батальон. Небо над
Кхесанью, сплошь затянутое облаками, казалось странно притихшим.
В движущейся колонне перед Кхюэ мелькнуло разгоряченное, будто
захмелевшее лицо молодого командира отделения из 6-й роты;
голова бойца была обмотана толстым слоем марлевой повязки, на
бинтах нелепо сидела панамы. Рядом шагал, на ходу укорачивая
ремень переброшенной на грудь винтовки, сильно косивший боец; с
непокрытой головы на косые, сердито вытаращенные глаза падал
растрепанный чуб. «Привет!» — услышал Кхюэ и, обернувшись,
увидел своего недавнего знакомого — бойца-носильщика, которого
теперь перевели в пехоту; он высоко поднимал руку, держа в ней
винтовку с примкнутым штыком.

— Все в порядке? — спросил его Кхюэ.

— А как же! Уж и задам же я теперь им перцу!

— Не хвастай раньше времени! — оборвал его чей-то голос.

Кинь стоял у обочины. Глядя на проходившую колонну бойцов, он, как никогда раньше, испытывал чувство уверенности и спокойствия: перед ним шли солдаты, полные решимости сразиться и победить. Они надвигались, как тучи перед бурей, готовые вот-вот громом и молниями обрушиться на врага.

3

Операция началась. Ожесточенно прозвучали первые залпы орудий. Здесь, на полоске земли, примыкавшей к границе, сосредоточились значительные силы. С нашей стороны в операции участвовали несколько регулярных полков и дивизий. Подготовку к действиям в районе дороги № 9 и Кхесани вели самые испытанные наши дивизии.

Сложившаяся к этому моменту в ходе освободительной войны ситуация требовала согласованных действий на всех фронтах. Войска под Кхесанью должны были начать боевые действия за десять дней до всеобщего наступления, чтобы отвлечь на себя часть вражеских сил. Поскольку приказ об этом был отдан в экстренном порядке, времени на подготовку операции оставалось очень мало, и теперь не хватало боеприпасов и продовольствия. Рисом успели обеспечить только подразделения, принимавшие непосредственное участие в боевых действиях, и то лишь на три дня. У наших войск, наносивших удар в районе Кхесани, не осталось времени и для проведения тщательной разведки. Накануне, 24 декабря, враг обнаружил передвижение наших сил, стягиваемых к долине Кхесань, и начал бомбардировать их. В результате наряду с потерями в живой силе была разбита и часть дорог, проложенных нашими саперами. Однако ничто не могло поколебать решимости наших солдат и командиров: стратегическое значение операции в Кхесани как для Севера, так и для Юга, а также для всеобщего наступления хорошо понимал каждый.

На первом этапе операция разворачивалась стремительно. Зимней ночью, незадолго до Тэта, на американцев обрушился молниеносный

удар с севера — наши войска впервые атаковали населенный пункт Кхесань, а всего через полмесяца этот населенный пункт оказался в наших руках. Через два дня после его захвата силы Патет Лао в Лаосе атаковали и уничтожили пост Хуойшан на дороге № 9; пятьсот солдат противника, оставив Хуойшан, бежали через джунгли к Лангвэю. После Тэта наши войска продолжили наступление и за одну ночь взяли Лангвэй — надежную ключевую позицию вражеской группировки численностью более тысячи солдат.

Тем временем мощный вал всеобщего весеннего наступления обрушился на более чем миллионную армию американцев и марионеток. Наши войска атаковали все крупные города и населенные пункты. Положение в Кхесани прибавило хлопот американскому командованию: наша операция проводилась чрезвычайно успешно. С НП нашим солдатам уже открывался вид на Такон, где подставляли солнцу голые спины шесть тысяч американских солдат. Противник, испытывавший большие затруднения на всех фронтах, вынужден был держать вокруг своего узла обороны приведенные в состояние боевой готовности большие резервы. Однако американцы все еще не могли разгадать, развернется ли здесь главное сражение или же это просто уловка вьетконговцев. В середине весны Такон был уже в котле, и с каждым днем наши солдаты продвигались все дальше в глубь вражеской обороны. Вся сосредоточенная здесь авиация и артиллерия не смогла разорвать кольца окружения. Такон превратился в огромное кладбище заживо погребенных здесь американских солдат. Морские пехотинцы, которым никогда не приходилось прятаться в подземных укрытиях, теперь боялись дневного света и отсиживались в блиндажах.

Однако жизнь на военной базе неизбежно вынуждала к наземной деятельности: между разбитыми траншеями бегали фигуры, подбирая убитых и принимая сброшенную с самолетов помощь; на аэродром садились и тут же торопливо взмывали самолеты, увозившие раненых. И все это мельтешение накрывали налетавшие огненные смерчи, когда говорили наши орудия. Артобстрел не прекращался, и несмолкавший вой снарядов приводил в панику американских солдат. Завеса из пыли и дыма постоянно висела в воздухе, ночью опрокидываясь над землей огромным светящимся куполом, из-под

которого несся бешеный рев самолетов и громкоговорителей, кричавших на вьетнамском, лаосском и тайском попеременно с английским.

* * *

В 5-м полку потерь почти не было; хотя с начала операции прошло уже больше чем полмесяца, только один его батальон, приданный для усиления, принимал участие во взятии населенного пункта и одержал победу. Когда весь полк готовился занять позиции на травянистых холмах к югу от дороги № 9, был получен приказ выступить к Такону. Сразу после заседания парткома Кинь и Нян повели два батальона, еще не принимавших участие в боях, на север вдоль дороги № 9. По прибытии в новый район бойцы немедленно приступили к рытью траншей и окопов. В конце дождливого января, когда другие пехотные полки вели боевые действия, солдаты 5-го полка совершенствовали свою оборону, подвергаясь налетам стратегических бомбардировщиков Б-52.

Лыонг в это время вместе с разведгруппой находился на южных ключевых позициях. Щели разведчиков — в каждой помещалось по два человека — были вырыты сразу за траншеями. Позиции боевого охранения подходили вплотную к обороне врага. Этот кусочек земли постоянно переходил из рук в руки: ночью наши пехотинцы, стоявшие сзади, осторожно пробирались сюда и рыли подкоп, днем же противник разбрасывал здесь мины и опутывал все колючей проволокой, а то и устраивал в сумерках засаду.

Разведгруппа пополнилась новым бойцом. Его звали Фан. Он был из разведки фронта. Поначалу Фан показался всем слишком заносчивым.

— Слабаки, — заявил он, — сколько дней здесь валяетесь и ни одного американца в плен не взяли.

— Заткнись, генерал, — оборвал его один из разведчиков, который, устроившись на лоскуте белого парашютного шелка, бережно держал в грязных пальцах измятые, вырванные из книги странички. — Можно

было сколько угодно взять, да только в окоп не успеваешь загнать: дохнут от своих же зажигалок.

— И вам это настолько безразлично, что даже книжечки почитываете?

— Ну и что? Послушай-ка радио, тогда узнаешь, что западные журналисты недавно с риском для жизни сели в Таконе только для того, чтобы понять, как держат себя в таких условиях они и как мы...

— Ты что читаешь?

— Повесть «Непреклонные»{21}.

Однако вскоре Фан покорила всех своими познаниями жизни и психологии американских летчиков — это «сливки общества» экспедиционного корпуса, их еще прозвали «палата лордов». Фан закончил курсы иностранных языков и в первые годы войны был переводчиком в одном из лагерей для пленных американских летчиков.

— Слышь, ребята, — начинал он после очередного возвращения с НП, усаживаясь поудобнее у стенки и принимаясь за чистку автомата, — там зенитки дуло вверх задирают, чтобы американца с неба стащить, а мы тут целыми днями выжидаем, пока эти гады из-под земли нос высунут. Все наоборот! Смехота, да и только!

— Говорят, наши там даже полковников сбивали? — поинтересовался бритый наголо боец, старательно приклеивая вырезанный из американского иллюстрированного журнала портрет Джонсона к тыльной стороне саперной лопаты.

— Всяких сбивали. Их пилоты все богачи, из состоятельных семей. А посмотрели бы вы, как они себя в лагере ведут! За каждую сигарету унижаться готовы, а разговоры-то, что у лейтенанта, что у полковника, все лишь об одном — о жалованье да о наградных. Большинство из них пошло в авиацию только из-за высокого жалованья, да еще из-за того, что руки «чистыми» остаются.

Бритый наголо боец стряхнул приставшую к портрету Джонсона землю на лопатке:

— Ишь, чистюли, а вот президент-то их не уберется, измарался! Ребята, знаете, скольких мы с Лыонгом вчера уложили? Четверых! Я нацепил на лопатку каску, выставил из окопа, будто «папаша Джонсон» на фронт прибыл, и сижу спокойненько. А они как давай стрелять, точно с ума посходили, слепые курицы. Вот тогда Лыонг — вот кто здорово стреляет! — и снял четверых за бруствером. А когда мы уже возвращались назад по траншее, видим — у одного из брустверов юбка цвета хаки мелькает. Я поначалу подумал, что это кусок брезента, которым ящики со снарядами накрывают. Потом разглядел — завитая, к груди пластмассовую бутылку прижимает: то ли водка, то ли вода. Она шла в один из блиндажей. Вдруг вижу: споткнулась, выронила разлетевшуюся вдребезги бутылку. «Промахнулся», — говорю я Лыонгу, а он отвечает: «Если уж я стреляю, то без промаха». А она тем временем приподнялась и, плача, поползла в блиндаж, точно гадюка какая в гнездо уползла. Лыонг покраснел и заметил: «На сегодня с нее хватит, а еще раз сунет сюда нос — покалечу!»

— Так промахнулся наш ротный или это он нарочно ей острастку дал?

— Промахнулся? Соображаешь, что говоришь-то?! С нашим ротным даже в снайперском взводе никто сравниться не может. Ни одному американцу еще не подфартило, чтобы наш ротный промашку дал! А эту просто попугал...

На следующий день Лыонг передал по телефону на КП полка, что противник, видимо, намерен предпринять попытку прорвать кольцо окружения.

— На чем основано ваше предположение? — спросил Нян.

— У нас есть разведчик, знающий английский язык. Замечено, что всякий раз перед вылазками их радиопередачи на английском становятся особенно агрессивными.

— Подогревают себя, что ли?

— Вроде этого. А еще в последние дни на позициях у американцев появились девки из публичных домов; помимо всего прочего они разносят вино и фруктовую воду.

Обменявшись с Лыонгом и помощником командира пехотной роты замечаниями относительно плана дальнейших действий, Нян напомнил:

— Я приказал бойцам усилить огонь, когда неприятель подбирает сброшенную с самолетов помощь.

Как Лыонг и предполагал, через два дня на рассвете враг предпринял попытку атаковать наши южные ключевые позиции. В 4.30 утра пехотное отделение боевого охранения, заступившее на дежурство в рощице обгоревших кофейных деревьев, заметило роту американских солдат в касках и противопульных бронежилетах, двигавшуюся вместе с двумя взводами марионеточных солдат по усыпанной щебенкой дороге, по которой раньше танки из Такона попадали на дорогу № 9. Пехотное отделение боевого охранения выждало, пока неприятель подойдет к нашим позициям, а затем оседлало дорогу и тем самым отрезало ему путь к отступлению.

В это время прямо перед траншеей боевого охранения, где находились разведчики, появились два американских солдата. Вырвавшись из этой схватки, они, по-видимому, заблудились и теперь безуспешно пытались пролезть под рядами проволочных заграждений и вернуться к своим. Уже светало, со стороны дороги доносились редкие залпы. Озаряемый сполохами выстрелов, над землей еще держался белесый туман. Между рядами заграждений упал осветительный снаряд. Лыонг, прищурившись, пригляделся и показал сидевшему рядом Фану две высвеченные снарядом неподвижные фигуры. Американцы лежали ничком посреди изрытой минометным огнем площадки и казались убитыми. Разведчики вскочили, но едва Фан ступил на бруствер, как сквозь завесу тумана увидел конвульсивно вздрогнувшую, будто хвост раздавленной змеи, руку. Она отчетливо белела над двумя распластавшимися голова к голове телами. Фан дернул Лыонга за полу брезентовой накидки, призывая высокого ротного припасть к земле.

— В чем дело? — раздраженно спросил Лыонг.

— Эти двое...

Фан не успел договорить, как «убитые» вскочили. Один из них, выпустив по разведчикам автоматную очередь, бросился бежать. Пули просвистели над самой головой. У первого же ряда заграждений беглеца настигла автоматная очередь ротного.

Второй американец, судя по всему, был неопытным новичком, хотя и выглядел старше. Попытавшись вскочить, он зацепился за ремень автомата. В этот момент Фан рванулся вперед, и ледяное дуло автомата уперлось в затылок оплошавшего американца. Пленный поднялся на нетвердых ногах, опираясь на приклад. До этого его уже ранило в бедро, на брючине алела свежая кровь, левая нога была без ботинка, в одном носке.

Льонг мельком глянул на убитого и подошел к пленному. Американца била нервная дрожь, лицо и руки его были исцарапаны о колючую проволоку, на рыжей волосатой груди запеклась кровь.

Над головами уже кружил самолет-разведчик. Льонгу и Фану стоило больших трудов спустить пленного в окоп: со стороны вражеской позиции раздавались отдельные минометные выстрелы. Когда же огонь прекратился, пленный никак не хотел вылезать обратно.

— Ну и труслив! И как только такой ухитрился со страху с ума не сойти!

Туман постепенно рассеивался, и теперь ряды траншей и брустверов противника оказались совсем близко. «Может, пленный ждет новой вылазки, чтобы удрать? — мелькнула у Льонга мысль. — Вероятность не исключена». Льонг приказал Фану завязать пленному глаза и руки.

— Зачем? — робко спросил Фан.

— Здесь война! — рассердился Льонг. — Скажи-ка ему, что здесь война и что дело может кончиться даже расстрелом. Если он сейчас же не поднимется и не пойдет за нами, накинь ему веревку и волоки за собой.

Фан и Льонг привели пленного для допроса на позицию пехотинцев. К этому времени здесь все было усеяно трупами вражеских солдат.

Фан запер пленного в одном из пустых блиндажей, где раньше хранились снаряды, и вместе с Лыонгом отправился собирать карты и другие ценные материалы у убитых американцев. Неожиданно над позициями появился вражеский самолет. Из-под веерообразных крыльев его посыпался дождь белых, как известь, зерен. Еще один такой же самолет обрушил вниз огонь из своих пушек, и сразу все вокруг охватило огнем и клубами дыма.

Лыонг и Фан успели спрятаться в блиндаже помощника командира пехотной роты. Авиация, группа за группой, начала бомбить позиции. Охваченная пламенем земля содрогалась от взрывов.

Вокруг распространился удушливый запах бензина. Язык пламени уже лизал порог блиндажа.

— Что это они разбрасывают? — недоуменно спросил Фан.

— Сухой бензин, уничтожают трупы своих, — пояснил Лыонг. — Разве не видишь, как горит?

— Наверное, они больше из своих окопов носа не высунут! Черт бы их побрал! — с сожалением констатировал помощник командира пехотной роты.

Когда бомбардировка прекратилась, Фан бросился к блиндажу, где оставил пленного. Вокруг еще все пылало и дымилось, в воздухе стоял тяжелый, тошнотворный запах горелого мяса.

Фан повел пленного к Лыонгу. Вокруг валялось множество скорчившихся в самых разнообразных позах трупов американских солдат. Пленный, бледный, без кровинки в лице, охваченный животным страхом, то и дело вскрикивал, поспешно крестился и отворачивался, платком зажимая рот.

— Не подоспей я вовремя, он бы задохнулся, — сказал Фан Лыонгу. — Кому-то пришло в голову сложить в этом блиндаже груды трофейного американского оружия. Все уже загорелось. Хорошо еще, не было боеприпасов.

— Ты уже спрашивал его о чем-нибудь? — Покрасневшими от усталости и бессонницы глазами Лыонг пристально взглянул на пленного.

— Нет, он сам пытался подхалимничать и говорил какую-то чушь. Я велел ему заткнуться.

— Что именно он сказал?

— Эти бравые вояки страсть как суеверны! Сказал, будто наперед знал, что на войне его не убьют, а только ранят в ногу: в детстве, мол, старший брат во время игры всадил ему стрелу в пятку.

— Черт с ним! Спроси-ка, что им сообщили перед вылазкой! Что ему известно о двадцать шестой бригаде?

Пленный, обняв руками колени, сидел на полу в углу блиндажа и всем своим видом выражал раскаяние. Фан, который повидал уже немало пленных воздушных пиратов, вот так же сидевших перед ним, внимательно разглядывал американца. Полоса света из узкого отверстия в потолке блиндажа освещала лишь половину продолговатого, тонкого, будто фарфорового лица, другая половина терялась в темноте. Пленный время от времени натужно кашлял, и тогда полосы света и тени менялись местами. Американец, нервно потирая руки, говорил минут пятнадцать. Слушая пленного, Фан чувствовал, что его все больше и больше охватывает разочарование. Растерянно ероша волосы, он повернулся к Лыонгу и с обидой и раздражением в голосе сказал:

— Зазря только время потеряли. Поймали кретина на свою голову!

— Что он говорит?

— Да он, оказывается, ни черта не знает! Он не солдат, а портной.

— Проверь-ка, не ломает ли он комедию? Вспомни, как он упирался, не хотел идти сюда. Что-то здесь не так, не может быть, чтобы он совсем ничего не знал.

— Я его уже спрашивал, почему он так упирался. Говорит: боялся, что расстреляем. Сдается, что он не врет. Я раньше с их пилотами имел дело, так те намного хитрее и упрямее, но ни один из них не пытался устраивать представление.

Лыонг, после того как пленному задали еще несколько вопросов, тоже поверил в его искренность. Кроме некоторых незначительных сведений о солдатах и офицерах, находившихся сейчас в окружении, пленный ничего не знал из того, что интересовало Лыонга.

Американец то вытягивал дрожащие руки перед собой, то складывал их на груди и умоляюще смотрел на Лыонга, изо всех сил стараясь, чтобы ему поверили. Пленный сообщил, что его зовут Том, что он — сержант интендантской службы в бригаде, всегда сидит в блиндаже и не контактирует с остальными солдатами. Эта вылазка для него первая, обычно же он занимается одним и тем же: шьет флаги, ремонтирует бригадные знамена и штандарты (в Таконе он отвечал за целый склад американских флагов и знамен). «Меня не интересует, сколько ты там этих знамен хранил. Тоже мне вояка, ни черта не знает», — раздраженно думал Лыонг, продолжая вслушиваться в монотонный, как на проповеди, голос пленного.

— ...Каждое утро морские пехотинцы отдают честь национальному флагу, — рассказывал тот. — Вернее, так было раньше. Флагшток в Таконе высотой одиннадцать метров. Когда ваша артиллерия начала регулярный обстрел, флаг стали лишь приподнимать над землей, для проформы, без надлежащего церемониала. Но вашим артиллеристам все равно удавалось ежедневно лишать американцев одного полотнища...

— А ничего говорит, — рассмеялся Лыонг. — Скажи ему, пусть продолжает.

— Хорошо, — ответил пленный, — только, если можно, дайте сигарету. То, что я видел сегодня, ужасно. Все эти мертвецы... Среди них я увидел знакомого, я узнал его по монетке, висевшей на шее. Да, я понимаю, я у вас в плену и здесь фронт, но, клянусь, я ничего не знаю, кроме склада знамен и флагов в блиндаже. Что я знаю об армии? Знаю, что американская армия разделяется на пять военных зон. Я принадлежу к той, которая действует в Азии, прибыл сюда в

прошлом году. Могу засвидетельствовать, что еще ни в одной точке земного шара не было стольких продырявленных американских знамен и флагов. Вы бы ужаснулись, если б узнали, какой объем работы мне приходилось выполнять. Я давно уже ничего не шью — нет материи. Мы с напарником только и знаем, что сидим в блиндаже за швейными машинками и с утра до ночи латаем рваные полотнища, придавая им более или менее пристойный вид. Может, вам неинтересно?

— Пусть говорит, — сказал Лыонг. — Дай ему еще одну сигарету.

Американец как будто немного успокоился. Разминая сигарету, он осторожно поглядывал на Лыонга.

— Когда я проходил мимо трупа своего знакомого, то невольно отвернулся. Не мог иначе. Его темные ухоженные усы, отличная военная выправка, его отец, стрелочник на железной дороге, — все это в одно мгновение перестало для меня существовать, перестало иметь хоть какое-нибудь значение! Здесь, на базе, мы, солдаты Соединенных Штатов, каждый день должны были отдавать честь национальному флагу, пусть даже рваному. И каждый убитый американский солдат, после того как его положат в нейлоновый мешок, купленный в Токио, достаивался чести быть обернутым в наш флаг, хотя и рваный... Что поделаешь? Ведь ваша артиллерия не замолкает ни на один день. Я бы не посмел от вас ничего скрыть, но я и в самом деле, кроме этого, ничего не знаю, потому что изо дня в день только и делал, что сидел в блиндаже и латал, латал, латал...

— Будете еще допрашивать? — спросил Фан.

Лыонг встал и сказал:

— Переведи ему, что всю свою оставшуюся жизнь пусть благодарит Освободительную армию. Если бы сегодня утром мы не схватили его, сейчас он сгорел бы, как паршивый пес; нечего было бы и флагом прикрыть. Разве он сам-то не понимает этого, что ли?

* * *

Дао все считали одним из самых заботливых в полку каптенармусов. Каждый день он доставлял еду разведчикам прямо на боевые позиции. Ему уже было за сорок. Невысокий, лысый, всегда спокойный и неторопливый, этот человек не расставался с потертой кожаной планшеткой, висевшей на боку. И сколько было бомбежек и обстрелов (бывало, сгорало все — и одежда, и вещи), только с планшеткой ничего не случилось! В ларчике, как солдаты окрестили его планшетку, неизменно хранились баночка с солью, сверток с приправами и ножницы, которыми Дао стриг солдат. Кухня разведроты находилась на склоне одного из холмов, как раз напротив КП полка. Изо дня в день Дао спускался к ручью, чтобы набрать воды для огромного котла, в котором готовилась пища. Это место всегда подвергалось бомбардировке авиации и обстрелу вражеской артиллерии из Такона. Но Дао трудился как пчела и не обращал на это никакого внимания. Он умудрялся подходить к самой линии заграждений, чтобы поймать забредшую туда козу, пробирался в пустовавший завод кровельного железа, подбирая оставленные там мешки риса, ему удавалось раздобывать зелень, трофейные канистры с постным маслом и многое другое.

В годы борьбы с французами Дао сражался в батальоне, состоявшем из вьетнамских эмигрантов, выходцев из бедных семей, чьи предки когда-то в поисках заработка разъехались по Лаосу, Камбодже, Таиланду. Этот батальон, сформированный в Таиланде, участвовал во многих боях на землях Центрального и Южного Лаоса. После установления мира его бойцы и командиры получили возможность вернуться во Вьетнам. Трудно было представить, что добродушный Дао почти половину своей жизни провел в чужих краях и прошел буквально через все: искал рыбацкое счастье на Меконге, был парикмахером, чинил велосипеды и жил в предместьях, населенных циркачами, переписчиками казенных бумаг, уличными зубо врачей и мелкими лоточниками. Вся разведрота привыкла называть его отцом. Этот добрый, искренний человек давно привык к незлобивым шуткам бойцов.

— Отец, опять велют социальное происхождение проверить! Ты сейчас как назовешься?

— Как назывался, так и назовусь. Солдат революции, вот и все. Понял?

— Отец, так ты ведь у нас доброволец-интернационалист!

— Отец, а вот свернем американцу шею, как тогда станет разворачиваться революция в Лаосе, Камбодже и Таиланде?

— Отец, сегодня вечером, как понесешь в окопы ужин, не забудь заглянуть к нам, покажем кое-что интересное.

— Что такое?

— Да там, недалеко от наших позиций, американское «кладбище».

— Вот балбесы! Мало я мертвых американцев видел, что ли!

В один из вечеров Дао понес еду своим семи разведчикам, находившимся на высоте с отметкой 585. Едва начали сгущаться сумерки, как на участках, где были повреждены боевые позиции, появились группы бойцов с винтовками, лопатами и бревнами на плечах, с прицепленными к широким поясам мотками колючей проволоки. После дня напряженных боев им предстояло немало сделать: вновь оборудовать склад боеприпасов и оружия, поправить окопы, эвакуировать в тыл раненых и захоронить погибших.

Наконец, после двухкилометрового пути, Дао добрался до Лыонга и Фана, которые еще оставались на позициях пехотинцев.

— Слышал, вы взяли нескольких американцев? — спросил Дао, передавая Фану две рисовые лепешки и мешочек с зеленью.

— Иди к Лыонгу, отец, — засмеялся Фан, — принимай у него трофеи!

— Сегодня утром взяли нескольких пленных, — сказал Лыонг. — Они там, в соседнем блиндаже. Ты, отец, их накорми и отведи к нашим.

— Мне еще надо отнести еду нашим товарищам, которые сидят у линии заграждений.

Пленных было трое: портной Том, какой-то длинный, нескладный верзила и спесивый лысоватый солдат в очках, похваставшийся тем, что его отец и дядя — совладельцы известной сталепрокатной компании, а он сам студент-этнограф. Когда этот этнограф во время допроса заявил, что он здесь защищает свободу и независимость вьетнамцев, Лыонг едва сдержался, чтобы не залепить ему пощечину.

Дао дал каждому пленному по рисовой лепешке. Пока они ели, стал обходить все вокруг и вскоре нашел трофейную канистру с подсолнечным маслом. Американцы уплетали лепешки, студент-этнограф сидел, повернувшись спиной к своим собратям, словно боялся, что у него отнимут его долю.

— Как бы эти вояки, — заметил Фан, — не стали брыкаться по дороге, особенно если налетит авиация. Трусоваты больно. В прошлый раз пришлось связать одного такого и тащить на себе. Потом все болело!

Дао привязал себе на спину канистру, на зеленой боковой стенке которой изображалось американско-вьетнамское рукопожатие. Дао щелкнул затвором и сердито глянул на этнографа.

— Помни, отец, — сказал Лыонг, — за этим очкариком глаз да глаз нужен...

— Пригляжу, не бойся, — со смешком ответил Дао. — Нужно бы ему, пожалуй, урок преподать... А то, чего доброго, вернется в свою Америку и опять станет кричать, что он сражался за независимость Вьетнама. Нет, непременно ему нужен хороший урок.

— Что ты хочешь с ним сделать? — подозрительно спросил Лыонг. — Помни, ты за него отвечаешь головой. Сегодня же ночью он должен быть доставлен в полк. Никакого нарушения дисциплины, а то взыскание наложу!

— Не бойся! Просто маленькая туристическая прогулочка, только и всего! В полк он успеет попасть!

Дао повел пленных мимо пылавших участков, подожженных напалмовыми и фосфорными бомбами; здесь же неподалеку лежали убитые в сегодняшнем бою американские солдаты. Бледно-зеленые

языки огня пламени еще облизывали тела погибших. Студент долго смотрел на эти обезображенные трупы и вдруг, закрыв лицо руками, зарыдал, повторяя слова молитвы. Двое других пленных сыпали проклятия в адрес собственного президента и пилотов, сбрасывающих фосфорные и напалмовые бомбы.

Вдруг этнограф как помешанный бросился бежать. Дао и Фан рванулись за ним, но задержать его не удалось, и все трое свалились в глубокую воронку. Дао потерял свою канистру с подсолнечным маслом и принялся ругаться. Шаря по глубокому и еще горячему дну воронки, Дао наткнулся на пленного. Студент лежал ничком и плакал. С большим трудом удалось выволочь его наверх. Прямо перед ними, уткнувшись лицом в землю, лежали еще четыре трупа. В глаза бросился блеск гвоздей на каблуках ботинок.

— Черт бы вас побрал! Сколько вы этой дрянью нашей земли истоптали! — крикнул Дао прямо в ухо этнографу, ткнув пальцем в головки гвоздей, сверкавшие в отблесках пламени.

Каптенармус не успокоился, пока не провел пленных по всему «кладбищу». На утро студент-этнограф не смог встать. Он заболел, и Дао велел двум другим приглядывать за ним. На допросе этнограф сказал, что эту ночь он запомнит на всю жизнь. Гвозди, блестевшие на ботинках убитых солдат, напомнили ему плакат, который обычно расклеивали на всех американских вокзалах: ноги в солдатских ботинках и американский флаг со множеством белых звездочек. Двое других пленных с гневом заявили: «Позор Америке! Во Вьетнаме каблуками американских солдат растоптан наш национальный флаг!»

Первые же залпы, прозвучавшие в Кхесани, всполошили округу. Развернулись длительные бои, которые обещали быть нелегкими. Никто не замечал наступившей весны, потому что впереди стояли американские войска и на них сейчас были направлены все наши орудия.

Старому Фангу и Сием никогда не забыть первых дней освобождения. Всю ночь в этом горном уголке Кхесани, рядом с лаосской границей, ослепительные сполохи озаряли небо и землю, не смолкал грохот орудий. Утром, выглянув за порог, все увидели, что над горами — от

вражеских заграждений и дальше, до самых лесов на юго-западе, за рекой Сепон, — белеют парашюты осветительных бомб.

Улицы в городе Кхесань были запружены разбросанными повсюду американскими товарами, одеждой, всевозможными вещами. Бомбежке подвергся самый центр. Сгорели все кладовые и склады магазинов и лавок, готовившихся к торговле в дни Тэта. Бойцы подбирали военные трофеи и расчищали позиции для противовоздушной обороны. В одном из подвалов обнаружили высокую, по грудь, цистерну со спиртом и, пробив ее ударом автомата, теперь подставляли головы под бегущую из цистерны струю с тяжелым пьянящим запахом.

Жители городка, спасаясь от бомбежки, бежали, бросив просторные дома. В подполах и подвалах находили ящики с винтовочными патронами и пулеметными лентами. Повсюду валялись открытки с обнаженными красотками и фотографии марионеточных солдат-горцев, они все, как один, позировали перед объективом, горделиво выпрямившись и широко расставив ноги, все были в черных очках. У забора грудями валялось брошенное солдатское обмундирование.

Тем временем в окрестностях сквозь древние джунгли и тростники двигались навстречу друг другу два потока: в одном — солдаты 5-го полка вместе с другими подразделениями спешили к позициям в северной части фронта; в другом — крестьяне возвращались из «стратегических» деревень домой, в освобожденную зону. Войска шли плотной колонной. Связисты тянули провода, легкая артиллерия спешила за пехотой, и среди них прокладывали себе дорогу группы санитаров с носилками. Время от времени все вокруг застилал густой дым от разорвавшейся бомбы; едва дым рассеивался, как вновь становились видны два нескончаемых, непрерывно движущихся потока.

Группами, по две-три семьи, попыхивая сигаретами и не выпуская из рук больших зеленых веток для маскировки, шли горцы, возвращавшиеся из «стратегических» деревень в освобожденные села. Растерянно и робко отвечали они на вопросы солдат, несмело принимали предложенную помощь. Те, кто связал себя с врагом, ушли к Такону. Здесь же шагали те, кто твердо решил встать на сторону сил

освобождения, кто хотел бороться за светлое будущее. То и дело несколько человек, срезая путь, сворачивали с дороги в чашу на едва приметные тропинки, которые угадывались лишь по сохранившимся группкам широколистных бананов или по торчавшим среди зелени обгорелым столбам. Эти тропинки вели к родным пепелищам. Солдаты торопили население, потому что над головами по-прежнему кружили самолеты, сбрасывая бомбы, которые оставляли на земле красные зияющие раны.

Каждому не терпелось взглянуть на родное село: одни долгое время провели на партизанских базах, другие возвращались из «стратегических» деревень. Здесь, на дороге, часто происходили радостные встречи после долгой разлуки. Рушилась прежняя жизнь, на смену ей шла новая, наполняя сердца радостью, зарубцовывая старые раны. Радость пришла в каждый дом — радость освобождения.

После первых же залпов, возвестивших о наступлении нашей армии, многие марионеточные солдаты, уроженцы здешних мест, дезертировали целыми группами и, выйдя лесными тропами к дороге, по которой шли на юг их родные и близкие, вливались в общий поток. А те, кто остался в марионеточной армии, теперь, как бродячие псы, кружили в районе Лангвэя. Еще до падения Лангвэя, сразу после разгрома Хуойшана, остатки разбитых марионеточных частей бросились к этому лагерю, но американское командование, не доверяя потерпевшим поражение воякам, велело закрыть ворота Лангвэя, который и так уже был забит до отказа...

Старый Фанг упорно пытался узнать что-нибудь о своем сыне, который, по всей видимости, находился сейчас где-то среди этих недобитых остатков. Высокую фигуру старика можно было увидеть или среди передвигавшихся воинских подразделений, или в густой толпе возвращавшихся горцев. Время от времени старик останавливался перед кем-нибудь из бывших марионеточных солдат, бредущих среди горцев. Они отвечали, опустив глаза, да и сам Фанг теперь скорбно и устало сутулился.

— Никого не знаешь по имени Киём? — спросил он как-то рябого солдата, прятавшегося вместе с ним от обстрела под мощной кроной дерева.

— Киём? Из Хуойшана? А вы ему кем приходитесь, не отцом ли? — в свою очередь спросил рябой, с любопытством и состраданием глядя на старика.

— Он убит? — спросил Фанг.

— Кто вы ему? Отец?

— Да. Он погиб? — настаивал старик.

— Когда мы оставили Хуойшан, он был жив. Он ушел к Лангвэю вместе с женой. А раньше мы с ним вместе были у американцев в Лаосе. Я очень его боялся, да и его красоту тоже...

Старику удалось найти еще нескольких человек, которые знали его сына. По всему выходило, что Киём был жив. Сиём тоже пыталась узнать что-нибудь, в один из дезертиров рассказал ей, какие страшные минуты пережили они вместе с Киёмом в Лангвэе. Ночью, когда Освободительная армия брала лагерь, они вдвоем спрятались среди трупов, а когда выстрелы стихли, пробрались по оврагу к дороге № 9. Там они расстались, разошлись в разные стороны. Киём решил идти через рощу кофейных деревьев — искать дорогу на Такон. Они разошлись молча, не сказав друг другу ни слова.

Сиём сообщила эту новость старику. При этом у нее было такое же бесстрастное лицо, как тогда, когда она еще раньше узнала, что муж ее взял себе другую жену. Киём был теперь в окружении, значит, он не мог причинить ей вреда. Может, он уже погиб в Таконе? А если нет, то все равно прячется, как все там. Важно, что он уже ей не опасен. Зверь попал в капкан, и Сиём пока ничто не угрожает. А ведь сколько раз за эти годы, с тех пор как он подался в солдаты, муж подстерегал ее на лесных тропах! Он смертельно боялся отца и не рисковал подойти к дому, но и не хотел отказаться от мысли увести с собой жену; даже потом, когда Киём нашел себе другую, он не мог забыть Сиём. Она никому не рассказала о том, как однажды он подстерег ее в джунглях и овладел ею. Долго потом, даже когда она носила под

сердцем ребенка, Сием не могла отделаться от настойчиво преследовавшего ее запаха сигарет и одеколona, его хриплого, звериного дыхания, обжигавшего лицо. Ребенок родился уродом и сразу же умер. В то время старый Фанг обычно надолго уходил на охоту. Как-то среди бела дня опять появился Кiem. Схватив жену, он приволок ее к лестнице на кухне, прикрутил за тяжелые длинные волосы к одной из ступенек и, засунув кляп в рот, зверски избил двумя кнутами: не уберегла ребенка, вот и расплачивайся. Такой и нашел ее вернувшийся к вечеру старик: истерзанной, с кляпом во рту, с волосами, прикрученными к лестнице. Рядом валялись остатки кнута.

Израненная земля, оживая под дыханием весны, встречала солдат Освободительной армии.

В южной части долины Кхесань живого места не осталось после бомбардировок: вывороченные с корнем деревья, заваленные землей ручьи, вместо горных полей чернели пепелища. Казалось, все живое здесь погибло под бомбами и снарядами, однако трава долголетия, как прозвали ее бойцы, едва наступила весна, невзирая ни на что, снова пустила стрелы с желтыми цветами.

Льонг и не предполагал, сколько надежд он посеял в душе Сием в ту встречу у складов несколько месяцев назад. Впервые он предстал перед ней обритый наголо, с огромным синяком у виска, в серой тюремной одежде, босой. Свекор не скрыл от Сием, что Льонг из Освободительной армии. Таким он и запап ей в душу, мелькнув в их доме, как огонек далекой надежды. Случайно увидев его на армейских складах возле ручья, Сием сразу узнала его, но сдержалась, стараясь не показать своей радости. А когда позже Льонг зашел к Фангу по какому-то делу, Сием охватило предчувствие, что в ее жизни вот-вот должно произойти что-то очень важное. Близящееся освобождение — а в нем она была твердо уверена — несло с собой большие перемены, и для нее лично тоже означало конец всем страданиям. Она не задумывалась над тем, когда именно родилась у нее любовь к Льонгу, просто он ей стал бесконечно дорогим человеком, тем более что он был солдатом Освободительной армии, той самой, которую так страстно, с нетерпением ждала сейчас ее родина...

«Сколько лет Кием и воспоминания о нем оковами давили на меня!.. Понимаешь ли ты, как много значит для меня и для других освобождение? Из ваших солдат я знаю только тебя одного, знаю давно, хотя мы почти не говорили с тобой... Сколько раз я сжимала в руке ядовитые листья нгона и не отравилась лишь только потому, что меня согревал лучик надежды — ты. И я ждала тебя! Немало горя хлебнула я в этих лесах, и ты для меня как тепло очага, как надежные горы за домом, как зерна риса, что я высеваю в поле...»

Молитвой и заклинанием прозвучали эти слова Сием. Не выдержав, она во всем призналась Лыонгу, когда он зашел к ним перед наступлением, и расплакалась. И хотя Лыонг был совершенно неискушенным в сердечных делах, он остро почувствовал, как тянется к нему, как верит в него молодая женщина. И Лыонг растерялся. Он не пасовал ни перед колючими заграждениями, ни перед дулами винтовок, но перед плачущей женщиной, доверившей ему свою боль, он оказался впервые.

Лыонг по-прежнему находился на передовой около аэродрома Такон. В этом месте наши окопы почти вплотную подходили к позициям противника. Разведчики слышали, как по ту сторону переговариваются марионеточные солдаты, был слышен даже стук упавшей ложки или патронов. Бомбардировки продолжались. Бомбы с каждым днем ложились все ближе и ближе к линии заграждений, и одна из них как-то разорвалась рядом с блиндажом Лыонга. Блиндаж не пострадал, но находившиеся в нем были оглушены ударной волной. По распоряжению Няна Лыонга на несколько дней отправили в тыл на отдых.

Грудь и плечо ныли так, будто на них навалили тяжелый камень. Лыонг в каске и с автоматом на плече подошел к тому участку дороги, который до начала операции был всего лишь незаметной, проложенной саперами тропой, и остановился, пораженный происшедшими здесь переменами. Группы носильщиков с огромными заплечными корзинами, полными патронов, направлялись к складам, недавно размещенным вдоль дороги № 9. Среди носильщиков были женщины, дети и несколько молодых парней в форме марионеточной армии. В городке Кхесань от частых бомбежек в домах вылетели все двери и окна. У дороги в траве валялся перевернувшийся ярко-

красный автобус. На крытых брезентом ЗИЛах ехали в городок за рисом солдаты. Брезент на машинах был сплошь укрыт густыми зелеными ветками. Самолеты-разведчики развешивали над городком «фонари», которые таинственно и зловеще мерцали в опускавшихся сумерках. На перекрестке в одном из домов через дверной проем была видна горящая керосиновая лампа, обернутая в красную бумагу.

Как-то вечером после совещания на НП 1-го батальона (батальон как раз получил несколько дней отдыха) Лыонг пошел вдоль скалистой гряды к дому старого Фанга.

У подножия скалистой гряды темнели пещеры. Возле нескольких приземистых хижин на сваях виднелись заново возделанные делянки. На одних рис уже золотился, на других только наливались колосья. Лыонг провел в окопах у Такона всего лишь немногим больше месяца, но сейчас перед ним лежало совсем другое, новое село. Самолеты по-прежнему с грозным гулом летали над скалистой грядой. Лыонг прошел мимо ребяташек, столпившихся у крыльца одной из хижин на сваях и оживленно деливших жареную маниоку. Какой-то совсем голый карапуз крепко прижимал куклу с растрепанными льняными волосами и удивленно вытаращенными голубыми глазищами.

В доме старого Фанга никого не было. Лыонг, положив автомат на колени, спокойно сел возле кухни и стал дожидаться хозяев. Лыонг вспомнил, что старик держал у себя зверушек, но, осмотрев домик в уже сгущавшихся сумерках, никого не обнаружил: не было ни белки-летяги, ни симпатичного обжоры медвежонка.

Через некоторое время на лесенке, ведущей в дом, показалась Сием с тяжелой корзиной за плечами. Лыонг привстал и смущенно поздоровался.

— Ой, Лыонг! — вскрикнула Сием.

— Пришел навестить старика... — окончательно растерялся ротный.

— Его долго не будет. — Сием сняла заплечную корзину и пошла взять хворосту для очага. — Он сейчас в волости работает, там и ночует. Очень занят, редко-редко домой приходит.

Лыонг взял у нее из рук хворост и стал подкладывать в разгоревшийся огонь. Снаружи, отражаясь от скалистого склона, доносился гул самолетов; сквозь густую листву проникали блики света от висевших над Таконом осветительных ракет. Давно уже Лыонг не сидел вот так, под крышей, у теплого очага. Пляшущие языки пламени, казалось, сулили ему какую-то тревожную, беспокойную радость. Он украдкой взглянул на Сием: ровный пробор делил длинные волосы над белорозовым лицом, Лыонгу вспомнилось, как он на передовой мечтал посидеть вот так, рядом с Сием, полюбоваться на нее, послушать ее голос. Нечего было кривить душой: он любил ее, и теперь сам себе признавался в этом.

Сиём взяла из аккуратно сплетенной тростниковой корзинки несколько клубней маниоки и начала их чистить. Проворно мелькал в руках нож, спиралью падали измазанные землей очистки, обнажая белизну клубней. Сиём подняла голову, глубокие черные глаза глянули на Лыонга.

— Как вы похудели, Лыонг...

Лыонг, потирая руки над потрескивавшим огнем, вдруг, сам не зная почему, спросил:

— О нем есть какие-нибудь известия?

— О ком?

— О Киеме...

— Не надо, не говорите о нем!

— Старик ничего не удалось узнать?

— Старик ушел, и сегодня мы с вами здесь одни. Лучше расскажите, как вы воюете там, у Такона...

Лыонг стал рассказывать. Говорил он много и, как ему казалось, неинтересно, но Сиём ловила каждое его слово.

— Знаете, — неожиданно прервала она, — я видела сон, будто вас убили. Я так плакала. Хотя... Мне было очень жаль вас, но я не буду

больше говорить об этом. Ведь вы, наверное, как все люди с равнины, считаете, что говорить о смерти — значит накликать ее...

— Откуда вы знаете про эти предрассудки?

— Я в детстве тоже жила на равнине... Лыонг, когда разобьете американцев, вы где будете?

— Это командованию виднее, а я не знаю. Слышали небось, как солдаты поют? «Мы идем туда, где враг» — слова в песне такие...

— У вас какое-нибудь дело к старику? Вы поэтому пришли?

— Да нет, пара дней свободных выдалась, вот и решил навестить его... и вас.

— Вы откуда родом?

— Издалека. У нас большинство — издалека.

— Я знаю. Помните, как вы появились у нас в первый раз? Я уже тогда знала, что вы из Освободительной армии и что вы издалека...

«Я нравлюсь ей, она, наверное, любит меня!» Привыкший только к окопам, Лыонг рванулся было встать и уйти, но не хватило духу расстаться вот так, сразу, и пришлось излишне внимательно разглядывать висевшее на стене охотничье ружье Фанга, а потом опустить взгляд на плясавшее в очаге пламя.

4

Тхай Ван часто вспоминал ту ночь, когда он простился с замполитом Кинем и вслед за Лы и Каном отправился в артполк «Кау». Привязав свертки с одеждой к вещмешкам, которые они взяли на голову, все трое вплавь переправились через реку Себангхиенг. Студеная вода острым ножом резала тело. На середине реки они услышали, как по ту сторону, в разрушенном лаосском селе, громко запел петух, приняв осветительные ракеты за пробуждающую зарю.

Лы с удовольствием наблюдал за проворными и точными, как у заправского солдата, движениями Тхай Вана, когда тот плыл —

оказалось, что плавает он очень хорошо, — и когда одевался, и когда проверял личное оружие уже на берегу. Имя Тхай Вана хорошо было известно солдатам, и весть о том, что Тхай Ван находится сейчас в действующей армии, разнеслась молниеносно. О встречах с ним солдаты с жаром рассказывали друг другу, припоминая мельчайшие подробности. Один описывал, как встретил Тхай Вана у ручья неподалеку от перевала; какой-то совсем юный боец со смехом рассказывал, как Тхай Ван в очках переплывал реку; кто-то припомнил, как слушал его стихи еще во время войны против французских колонизаторов. Тут же читали стихи Тхай Вана, учили их наизусть, а те, кто сам пробовал сочинять стихи или хотя бы частушки, вообще говорили о нем не иначе, как почтительно-приглушенными голосами.

Каждый солдат, пусть это даже самый обычный каптенармус, готов поговорить на любую тему. Солдаты — удивительно осведомленный народ. Кажется, нет ничего, чего бы они не знали. Посидите с кем-нибудь из них, послушайте их разговоры. Чего вы только не услышите! Они знают и то, где стоит такой-то полк или такая-то дивизия, и какие операции недавно закончились, и куда к кому приехал сейчас ансамбль, и у какой из его солисток сел голос, а какая схватила простуду, и кто из командиров горяч, а кто сдержан... На фронте знакомства завязываются легко и просто, а новости распространяются с ошеломляющей скоростью. Для этого подходящ любой случай: смена подразделений на передовой; встреча на складах, куда приходят за пайком; пройденный вместе участок дороги; ночевка на марше в одном гамаке; обед в джунглях; вылазка в разведку и тому подобное. Добавьте еще свойственные молодости любознательность, тягу к общению и затаенную мечту выглядеть бывалым солдатом. На фронте все чувства до предела обострены, каждый, как губка, впитывает все происходящее: у всех навсегда остается в памяти первый бой или первая вылазка к неприятельскому посту, впервые увиденное «кладбище» американских солдат или первый пленный солдат марионеточной армии...

Со всем этим сейчас как раз и столкнулся Тхай Ван. Больше всего его восхищало то, что у каждого бойца в вещмешке рядом со сменой белья и разной необходимой мелочью обязательно лежала записная

книжка. В этих маленьких книжицах, аккуратно обернутых в полиэтилен и густо исписанных разноцветными чернилами и пастой, а то и просто карандашом, бойцы вели подробные дневники. Некоторые из таких дневников Тхай Вану удалось прочитать. И всякий раз он вспоминал то время, когда сам был таким же молодым солдатом, как те, кого он встречал сегодня. Солдаты революции в те годы умели держать в руках только винтовку и плуг. Тех, кто любил все записывать, в шутку называли тогда буржуями, самого Тхай Вана тоже так звали. Тхай Ван вспомнил Ву, командира батальона, у которого Тхай Ван был тогда замполитом. Этот замечательный, прославленный командир, в котором бойцы души не чаяли, а имя которого наводило страх на врага, начал учиться грамоте только в армии. Бойцами в их батальоне были тогда многодетные крестьяне.

«У каждого поколения солдат свой облик, каждое по-своему прекрасно», — думал Тхай Ван.

Вместе с Лы и Каном Тхай Ван нагнал арtpолк «Кау». Место его стоянки казалось совсем глухим. Вокруг были высокие, густо заросшие склоны. Не успел Лы снять с плеч вещмешок, как получил приказ выступить с группой топографов в направлении Такона. Уходя, он передал Тхай Вану на хранение кое-какие завернутые в накомарник вещи и общую тетрадь, бережно обернутую в полиэтилен. Тхай Ван пролистал несколько страниц, густо исписанных неровным, торопливым почерком, и тут же спросил:

— Можно прочитать?

— Пожалуй, можно, — ответил Лы после некоторого раздумья.

Тхай Ван нашел укромное место, где никто не мог помешать ему, и открыл первую страницу дневника Лы.

«**27 сентября.** Вышли на берег реки «Б». Полдень, жарко. Неужели это та самая река, про которую мы говорили на уроках литературы и во время политзанятий? Стремительный поток несется меж израненных каменистых берегов. Вдоль берега разбросаны закопченные камни. Густой мох в расселинах, какие-то деревца с узкими длинными темными листьями, тыльная сторона которых, будто

припудренная, покрыта беловатым налетом, — все это в копоти от непрерывных бомбежек. Грязь и тина, поднятые со дна взрывами бомб, густыми лепешками лежат на ветках. Оба берега — и склоны холмов, и каменистые, поросшие редкими деревцами полосы земли, — будто язвами, испещрены следами разрывов бомб. Судьба реки тесно переплелась с судьбой страны.

Перед тем как закатать брюки и войти в воду, я несколько минут молча смотрел на противоположный берег. По телу пробежала дрожь, сердце гулко билось, меня вдруг точно огнем обожгло, слезы застилали глаза — по ту сторону лежала другая половина моей страны, горящая половина моего дома, половина моего сердца, которую топтали американские солдаты. Друг за другом, держась, как за трос, за перекинутые с берега на берег две прочно связанные крупные лианы, мы начали переходить реку вброд. «Трос» уже стал блестящим от прикосновения множества цеплявшихся за него рук. Товарищ, шедший следом за мной, зачерпнул в панаму воды и с жадностью принялся пить. Другие наполняли фляжки. Мы невольно обратили на себя внимание солдат из транспортной роты, которым река была уже знакомой: они проезжали здесь по два раза в день. Раздевшись, они прыгнули в воду и принялись плескаться и плавать, перебрасываясь шутками.

Мы были уже на середине, когда появилась большая группа девушек, вьетнамок и горянок. Они были фронтовыми носильщиками и шли на северный берег за грузами. Солдаты из транспортной роты, слышав женские голоса и смех, поспешили одеться. Наша рота и группа девушек-носильщиков встретились лицом к лицу. Крепкие горячие девичьи руки, перебиравшие трос, невольно задевали руки солдат. Одежда девушек была по грудь мокрой. Одна из них вдруг сдернула с моей головы фуражку, крикнула: «Поменяемся на память!» — и нахлобучила на меня свою мокрую, с зелеными нейлоновыми листиками панаму. Я не успел даже как следует рассмотреть ее лицо, потому что сразу же над рекой под радостные крики и смех взлетели вверх панамы, фуражки, каски, платки. Одной девушке с непокрытой головой наш разведчик протягивал свою каску. «Мне нечем с тобой поменяться», — покрасневшись, сказала она. «Бери так! И от солнца, и от пуль защитит. Когда объединим страну — отдашь». — «Где же я

стану тебя искать?» — «Придешь сюда, только получше запомни мое лицо!»

«Отставить! — раздался голос нашего командира. — Всем сохранять строй!..»

1 октября. Подошли к первому пункту связи «К». Обстановка изменилась, и мы получили приказ вернуться на северный берег. Мне с Каном дали задание получить на тыловых складах новую аппаратуру, поскольку в пункте «К» не было соответствующей рации. На складах пришлось прождать около недели. Наконец мы получили все необходимое и сразу же пошли догонять своих. Когда мы снова оказались на северном берегу реки «Б», на месте первой переправы начался ливень. На этот раз река казалась хмурой и неприветливой. Вода поднялась, затопив все камни вдоль берега. Небо было затянуто тяжелыми тучами. В листве деревьев завывал ветер. Над головами друг за другом проносились самолеты. Среди бела дня, высвечивая каждую пядь реки, в небе висели осветительные ракеты. С западного направления доносились взрывы бомб самолетов Б-52...

Реку преодолевали со спасательными кругами. Мы с Каном пристроились к группе командования из подразделения «Нинь»; они помогли нам переправить часть аппаратуры. Свист ветра, вой самолетов и бомб — все слилось в один сплошной рев. Когда пролетели два самолета, мы впятером, держась за один круг, вошли в воду. Предварительно, передавая из рук в руки баночку с тигровой мазью, каждый из нас, чтобы согреться (от холода зуб на зуб не попадал!), взял щепотку в рот. Двух таких переправ через реку «Б» оказалось вполне достаточно для того, чтобы я окончательно почувствовал себя взрослым.

13 октября. Моя панама была крепко привязана к поясу, и все же ее сорвало, когда мы переправлялись через реку «Б». Наверное, ее поднял кто-нибудь, кто переходил реку следом. Мне теперь придется идти с непокрытой головой. Здесь это модно. По одежде и по тому, как ее носят, можно сразу составить представление о солдате или даже о целом подразделении. Те подразделения, которые идут при полной амуниции, в незакатанных брюках, фуражках и с набитыми вещмешками, — это новобранцы. Те же, кто уже давно на фронте,

идут обычно в майках и шортах, с пустыми вещмешками и непокрытой головой...

5 ноября. У меня нечаянная радость: вчера встретил отца. Он сильно постарел, но все такой же непоседливый и горячий, как юноша. Всякий раз, когда вспоминаю о доме, в первую очередь вспоминаю отца. Почему, сам не знаю. Сначала думаю об отце, а потом о матери и сестренке. О старшем брате — редко. Когда-то слово «отец» олицетворяло для меня силу и строгость, оно же было неиссякаемым источником, откуда мать то и дело черпала поучительные примеры. Однажды, когда я еще учился в школе, в старшем классе, мать, поглядев на мои длинные волосы, спросила: «Это ты так постригся?» — «А что?» — «Постригись покороче, как отец». Я огрызнулся: «Все как отец! Отец — одно, а я — другое!» — «Откуда ты набрался всего этого, Лы? Плох тот сын, который не старается походить на отца». Я понимаю, что нагрубил матери, хотя и не сразу признался в этом. Наши отцы сделали великое дело: они отстояли, защитили страну и указали нам путь, трудный, но славный. Мы благодарны им и хотим быть достойны их.

Отец, эти строки обращены к тебе. Всю жизнь ты отдал армии. Ты принял свой первый бой еще тогда, когда меня не было на свете. И я горжусь тобой. Мне хочется во всем походить на тебя. В тебе я люблю все, хотя ты и не имел возможности, как другие отцы, быть всегда возле своих детей и наставляя их. Я люблю и маму, как красоту речки возле нашего дома, к которой я привык с детства. Я люблю тебя, как Красные горы за нашим домом, которые увидел, когда мама впервые вынесла меня на руках за порог. Мама и соседи часто рассказывали о том, как в День народных советов, в память о революционерах, расстрелянных в Красных горах, один юноша, простой крестьянин, ночью водрузил на вершине горы алое знамя с серпом и молотом. Его было видно даже в селах по ту сторону реки. Этим юношей был ты, отец. Потом тебя арестовали, но сколько тебя ни били, ты не стал на колени перед правителем уезда. Я как наяву вижу это красное, с серпом и молотом знамя, осветившее ночь бесправия, окутавшую тогда нашу страну. Я знаю, ты ждешь меня, и я обещаю тебе, что заслужу право стать членом партии. Верь, отец, ведь я — твой сын».

* * *

В середине января группа разведчиков, в которую входил Лы, заступила на боевое дежурство. Они должны были вести наблюдение за тем, чтобы противник внезапно не высадил воздушный десант и не нанес удара по флангу наших войск.

НП располагался на Чыонгшоне. Прямо перед разведчиками вырисовывались силуэты высоких гор, вершины которых — по ним как раз и проходила граница с Лаосом — всегда были закрыты облаками. Редкие деревья на склонах, белокорые стройные сайги, в результате того, что самолеты противника не раз разбрасывали здесь отравляющие вещества, теперь стояли голые, без листьев. Вдали раздавался гул орудий нашей артиллерии, обстреливавшей американскую базу в долине Кхесань. Небо, затянутое пороховым дымом, низко нависало над землей. Ночью его то и дело прорезали сверкающими полосками трассирующие снаряды.

До того как прибыть сюда, Лы около недели провел с топографами. Вместе с ними он успел побывать у заграждений Такона. В одну из вылазок они лицом к лицу встретились с противником: нашим топографам нужно было сделать привязку к местности в южном направлении от линии обороны, а группа солдат марионеточной армии, человек десять, как раз устанавливала там дополнительные ряды заграждений. В бой, однако, ни те, ни другие вступать не стали.

В полдень, когда и наши топографы, и вражеские солдаты отошли к своим, Лы получил приказ остаться и вести наблюдение. Неожиданно он натолкнулся на солдата марионеточной армии. Совсем еще мальчишка, с изможденным и бледным, как у наркомана, лицом, он сидел на корточках и справлял нужду. На коленях у него лежал, как показалось Лы, пустой рукав куртки. Лы подумал про себя, что у парня нет руки, и очень удивился, когда, подняв солдата, обнаружил, что у того обе руки целы и невредимы. Солдат оказался безоружным. Прежде чем поднять руки, он долго возился с новенькой медной пряжкой на поясе. Лы приставил дуло автомата к его затылку, заросшему лохмами длинных, падавших на воротник куртки волос.

— Где оружие? — крикнул Лы.

— Честное слово, у меня ничего нет!

— Врешь. Говори, куда спрятал!

— Мы устанавливали заграждения, я его оставил там...

— Где это «там»?

— Там, где я работал...

— Вернись и принеси!

Дуло автомата, зажатого в руках Лы, покачивалось у самого лица пленного.

Пленный, прихрамывая, медленно двинулся с места.

— Что у тебя с ногой? — спросил Лы.

— Наступил на колючую проволоку...

— Кончай придуриваться, хуже будет!

— Но я правда поранился об колючую проволоку!

Лы подвел пленного к заграждениям. Тот проскользнул под ослабевшим первым рядом, быстро отполз за грудой приготовленных здесь новых мотков проволоки и, поднявшись во весь рост, вдруг крикнул Лы, хлопнув себя по заду:

— Вот мое оружие!

Пули, выпущенные Лы, попали в мотки проволоки. С перекошенным от страха лицом, солдат выругался и, спотыкаясь, бросился бежать по травянистому проходу между рядами проволочных заграждений. У Лы горели лицо и уши. Руки, сжимавшие автомат, дрожали от ярости. Он выпустил целую очередь, но безрезультатно.

Пленный удрал. Дождем посыпались мины и пули. Лы, прижимая голову к земле, залег перед заграждением, проклиная и себя, и пленного.

Вернувшись к своим, он не посчитал нужным ничего скрывать и чистосердечно обо всем рассказал. В роте все долго покатывались со

смеху. Но сам Лы расценил случившееся как тягчайший позор в своей жизни и поклялся как можно быстрее смыть его.

Изо дня в день, принимая все меры предосторожности, чтобы ничем не выдать своего присутствия, бойцы продолжали вести наблюдение. Время от времени кто-нибудь из них отправлялся ловить белок или собирать лесные травы и клубни. Здесь, вдали от своих, бойцы быстро сблизились. В свободное от дежурства время они многое рассказывали друг другу, доверяя самые сокровенные мысли, и уже через несколько дней о каждом стало известно все.

Как-то в один из дней Дан, очень веселый по натуре парень, пришедший на фронт добровольцем (прежде он был школьным учителем), поднял голову от индикатора рации, который он прикручивал плоскогубцами, зажатыми в перепачканных смазкой пальцах, и спросил Лы:

— И что только ты думал тогда внизу, в Кхесани, когда отпускал пленного?

Лы не опустил глаз под насмешливым взглядом Дана, и, хотя самолюбие его было задето, он ничего не ответил, но про себя подумал: «Весел старик, не упустит случая поддеть!..»

— Ты, наверное, думал, — не унимался Дан, — что взять пленного безоружным — небольшая заслуга. Так?

— Давай поговорим лучше о чем-нибудь другом, — стараясь сохранять спокойствие, ответил Лы.

— Судя по рассказу Лы, — вмешался боец, сидевший на камне скрестив ноги, — этот марионетка — хорошая проныра, но ты, старик, конечно, дал маху. Тоже мудрец, чего уж там говорить! Мало ему, что взял в плен, так он еще и заставляет за оружием возвращаться!

Боец по имени Кхой, взглянув вверх, задумчиво сказал:

— Сколько в здешних горах диковинных растений! Посмотрите-ка вон на то дерево на самой вершине. Похоже на фикус, за одни камни корни цепляются, а ведь растет!

— Деревьев тут полно! Людей вот мало, а те, кто здесь живет, больно неразговорчивы. Не люблю я джунгли, то ли дело море! — заметил Дан.

— Неразговорчивы, говоришь, горцы? Зато надежный народ. Сам знаешь, сколько у нас здесь опорных баз!

— А ты что, думаешь, в приморье врага не бьют? Там тоже народ верный и в отличие от здешних приветливый... Кто-нибудь из вас выходил в море с рыбаками? Эх, вот край! Зря хвалиться не хочу, но около села, где я раньше учительствовал, только в воду войдешь, как рыба сама в руки идет!

— Не понимаю и как это тебе только доверили детей воспитывать? — нахмутив густые брови, спросил боец, сидевший рядом с Лы.

— Ничего, не волнуйся, меня там очень даже любили!

— Хватит тебе заливать! Ты только это и делаешь!

— Это ты про меня?

— Про тебя, про тебя, про кого же еще! Где это видано, чтоб только в воду войти и уже полные корзины рыбы? Он детям втолковывал, что на дне морском живет хозяйка вод! Сам же рассказывал, не помнишь разве?

Дан между тем уже успел починить индикатор и, довольный, проверял контакт, приговаривая:

— Хорошо, очень хорошо!

— У нас в деревне, — заметил один из бойцов, — свой такой специалист был, как Дан. Все, что касалось техники, в один миг исправить мог. А уж какой краснойбай был! Пошел в армию, попал в зенитчики и каждую неделю по письму обязательно присылал, и все разным девушкам. Мальчишки собрали все его письма, полный комплект, и перечитывали взахлеб. Правда, нашим девушкам он не нравился!

— И что же в этих письмах было? — с любопытством спросил кто-то.

— Да так, брехня одна! Он сочинять горазд!

— Ну я-то ведь не сочиняю! — обиделся Дан. — В наших краях, между прочим, очень многие по мне сохли. Девчонок у нас хоть отбавляй! Я, еще когда в педагогическом учился, приехал как-то к матери, пошли в гости — одни девчонки вокруг. Так неловко я себя чувствовал, только со стариками и разговаривал. Познакомился там с одной... Правда, потом и думать о ней забыл, когда получил распределение. А когда снова приехал туда — джонки, море, волны. Такой простор, не до девчонок! Бывало, нет уроков, сразу прыгну в джонку и махну в море с рыбаками! Сколько раз в шторм попадали, от акул отбивались! Летом мои коллеги учителя кто куда уезжали, а я оставался и рыбачил с бригадой. Там у нас даже пятнадцатилетние школьницы рыбачат. А уж старшеклассники, как правило, все каникулы на промысле проводят. Они часто просили меня уговорить родителей, чтобы их отпустили. Одна вот такая старшеклассница упрашивала-упрашивала и рубашку на мне порвала. «Ой, простите, — говорит, — завтра нитку с иголкой принесу, вашу рубашку обязательно зашью!..»

— Ну и как, зашила?

— Куда там! Явилась ее матушка и стала просить к ним зайти: репродуктор, мол, у них чего-то хрипит, не починю ли. Ну я и пошел, а меня там чуть зятем не сделали, еле вырвался, право слово... Эта девица в школу высшей ступени готовилась. Экзамены все уже выдержала, а потом раздумала учиться и стала бригадиром по разделке рыбы. А у нас там тогда что творилось! Бомбежка за бомбежкой, кругом — груды битого кирпича и черепицы, все вдоль и поперек изрыто траншеями, самолеты за самолетами летают. Наши бойцы много их сбивали. Всякие нужные детали от разбитых самолетов я на пляже подбирал, а потом чинил всем репродукторы. Вот матушка девицы и воспользовалась этим. Пока я им радио чинил, отец, золотой человек, слова не проронил: сидел в сторонке и латал сети. Зато матушка трещала как сорока, все события пятидесятилетней давности пересказала: и как с мужем своим познакомилась, и как они поженились и так далее. Затем стала приставать, не нравится ли мне ее дочка. А я смотрю и думаю: и как только у такого крокодила могло такое хорошенькое дитя уродиться? Девчонка-то у нас первой красавицей была. Когда я уже в армию

уходил, эта тетка всеми правдами и неправдами зазвала меня. Посидели мы с ее дочкой на дюнах. Девчонка притихла, молчит, хотя вообще говоруньей была. Молчала-молчала, потом наконец не выдержала и спросила: «Учитель... он уже говорит?» — «Кто «он»?» — «Наш репродуктор». «Говорит», — отвечаю. «А отец с мамой вам что-нибудь сказали?» «Нет», — тоже удивился я. И знаете, что она мне приподнесла? «Разве они не сказали, что хотят меня за вас выдать?» Я промолчал, а она сразу отодвинулась. «От меня, — говорит, — ньюкмамом пахнет... (Американцы в это время из ракет обстреляли цех по производству ньюкмама, и он сгорел.) Не хочу, чтобы на вас запах перешел, он долго не выветривается...» Дан замолчал и задумался; казалось, он вспоминает песчаный берег, дюны и ту девушку.

— Ну, а что же дальше-то было?

— Выходит, море тебе больше нравилось, чем ученица?..

— А я, — сказал Лы, — помню, читал в одной книге такую фразу: «Ньюкмам — это кровь морская!..»

* * *

Они находились здесь уже почти целую неделю. Начиналась весна, но в горах все еще шли затяжные дожди. Как-то вечером Лы и Дан вместе с Каном спустились вниз. Там, под самой наблюдательной вышкой, была вырыта землянка, в которой готовили пищу.

Прорвавшийся ручей разрушил землянку, и ее надо было поправить.

Дан поправлял деревянные крепления свода землянки, заполненной жидкой грязью. Разбушевавшийся поток принес сюда и прошлогодние листья. Кан и Лы заново прокладывали дымоход. Все трое трудились не покладая рук. Скоро стало совсем темно.

Дан вдруг почувствовал, что у него вот-вот начнется очередной приступ малярии, но не подал виду и продолжал, как всегда, балагурить. На этот раз главной своей темой он избрал способы приготовления пищи на рыбачьих джонках в открытом море. Дан настолько увлекательно говорил, что даже добросовестный Кан несколько раз прерывал работу, чтобы лучше слышать. Малярия

упорно преследовала Дана. Когда они пришли сюда, в эти высокие горы, Дан был, что называется, кровь с молоком, но после первых же нескольких приступов щеки его ввалились, резко обозначились заострившиеся скулы.

Землянку наконец поправили. Дан вернулся наверх, на вышку НП, а Кан и Лы остались ночевать внизу.

На рассвете они проснулись и стали готовить пищу. Небо было еще совсем темным. Со стороны Лаоса изредка доносилось пение петухов, где-то уныло свистела какая-то птица, да раздавались время от времени странные настораживающие звуки: «ток... ток...» Лы выглянул наружу — по ту сторону ручья чернели горы, едва виднелись росшие на берегу белокорые санги.

— Эта гора наша или лаосская? — спросил Лы, показывая Кану на вершину прямо перед ними.

— Не знаю, может, и наша.

— Кан, я слышал, что травы на границе клонятся в сторону той страны, на земле которой они растут. Это правда? — Лы обращался к Кану на «вы», так как тот, по его мнению, был намного старше и опытнее.

Кан посветил карманным фонариком и попробовал приготовленную из листьев лота похлебку:

— Ну и солона! Ты, парень, совсем соль не бережешь. Сразу видно, не знаешь ей цену. Кто тебе сказал про травы? — Кан рассмеялся. — Небось хочешь записать в свою книжечку про такую диковинку?

— Не сидеть же нам так до самого рассвета! Расскажите что-нибудь, Кан!

— Я говорить не мастер...

— Расскажите о доме.

— Если ты и это собираешься заносить в свою книжицу, то не стану!

- Сколько вам в этом году исполнилось?
- Догадайся!
- Двадцать четыре — двадцать пять?
- Может, больше, а может, меньше!
- Не понимаю, как это?
- Бабки в деревне по-разному говорят, а родители мои умерли, когда я совсем еще несмышленишем был.
- Вы давно в партии?
- Дома еще вступил.
- Кан, как вы думаете, какой я?
- Хороший!
- А почему один парень, обращаясь к вам, называл вас Катом?
- Это мое настоящее имя, так меня дома звали. А когда в армию пошел, опечатка, видно, в списках была, вот и стали звать Каном.
- Почему же вы не сказали, что это ошибка?
- Зачем? Кат или Кан — какая разница, все равно я — это я.
- А правда, что вы раньше в пагоде жили?
- Вот чертенок! Ты что, анкету на меня заполняешь, что ли?
- Я слышал, жизнь у вас была не из легких.
- Кто тебе сказал?
- Сам догадался! У меня вот в жизни ничего интересного не было... В детстве рос с родителями, потом учился... Думал, что все теперь знаю, а оказалось — не знаю ничего... Здесь, в армии, мне все внове!

— Повезло тебе, что ты учился, еще как повезло! Я страшно завидовал мальчишкам с учебниками. Будь спокоен: если хочешь, обязательно всему научишься. Вообще, раз уж ты родился человеком, значит, должен все уметь и знать. В лодку садишься — должен уметь грести; на дорогу выходишь — должен знать, куда она приведет; трудности встретишь — умей с ними справиться; американца встретишь — моментально определи расстояние между ним и собой и какое у него оружие... И все это делай не мешкая, без паники, тогда и бояться будет нечего. Я по опыту знаю, те, кто поддается панике и больше всего дрожит за свою шкуру, скорее погибают!..

Пока Лы и Кан коротали в землянке время, дожидаясь рассвета, противник высадил десант на лаосский склон хребта. Десант — несколько партий — доставили вертолетами, выбрав место для посадки в расселине между скал и подлетев к ней на предельно низкой высоте. Вот почему с вершины горы звук винтов не был слышен. Однако Кан, будто почувствовав что-то, вдруг приложил ухо к земле, прислушался и тут же вскочил.

— Вертолеты! Слышен шум винтов, летят очень низко!

— Десант высадить хотят?

— Уже высадили! Думаю, на той стороне склона!

— Пошли проверим?

— Возвращайся к нашим!..

Лы, забрав котелки с рисом и бидон с похлебкой из листьев лота, поспешил на НП. Едва он ушел, Кан схватил автомат и, пригнувшись, побежал вперед, туда, где, как он подозревал, высадился десант. На ходу Кан снял автомат с предохранителя. Примерно через полчаса он был уже на месте и спрятался в густом кустарнике. Сюда из-за белокорых санг долетал даже запах табачного дыма. Напрягая зрение, Кан заметил в темноте несколько передвигавшихся фигур. Он решил открыть огонь и тем самым подать знак ребятам на НП. В ответ на его стрельбу из-за деревьев тут же раздалась пулеметная очередь. «Так, — думал, прижимаясь к земле, Кан. — Так, заставил я вас открыть рот!» Двигаясь короткими перебежками к лесу, он задел за

что-то мягкое. Оказалось — рука сидящего человека. Вспышка сигареты на мгновение осветила лицо под широкой каской, сонные, удивленные глаза. Потом раздалось невнятное бормотание. Кан моментально оценил всю серьезность ситуации: десант состоял из одних американских солдат. Кан присмотрелся: железных касок вокруг было видимо-невидимо. Американец, которого он только что неосторожно задел, поднялся на ноги, за спиной у него болтался вещмешок, похожий на холщовую котомку. Кан, призвав на помощь все свое самообладание, прижал автомат к животу, быстро опустился на землю и, сонно всхрапнув, притворился спящим. Американец посмотрел на неясную темную фигуру, с сонным видом оглянулся вокруг, нахлобучил поплотнее каску и, зажав ногами автомат, а руками прижимая к груди подсумок, привалился спиной к стволу дерева. Склонив голову набок, он снова заснул.

Кан, боясь пошевелинуться, сидел среди американского десанта. Сон на рассвете был самым сладким. Все крепко спали, и многие не слышали даже только что прозвучавших коротких выстрелов. Пахло сигаретами и потом. Слева, совсем близко от Кана, сидел солдат, от которого сильно разило потом. Обняв обеими руками вещмешок на коленях, американец спал, широко раскрыв рот. Сзади тоже раздавалось негромкое похрапывание. Мушка чьего-то автомата с клацаньем задела за ствол автомата Кана, и Кан поспешно отстранился. «Видать, устали сильно. На рассвете, наверное, должны собраться все вместе, — думал Кан. — Здесь их примерно около роты. У каждого — скорострельные автоматы, ножи и гранаты. У меня — четыре гранаты, автомат с пятьюдесятью патронами и нож. Что же, обойдемся...» В голове Кана промелькнул четкий план. Теперь все будет зависеть от того, как станут развиваться события. Главное сейчас — немедленно захватить инициативу в свои руки.

Кан еще раз повторил про себя все, что намерен был сейчас предпринять, и, зажав автомат под мышкой, начал потихоньку подниматься...

* * *

Первая очередь, выпущенная Каном, прозвучала как сигнал тревоги. Двое дежурных бойцов разбудили остальных. Все торопливо хватали автоматы и подсумки.

Лы, проглотив немного еще горячего риса, срочно зашифровывал текст сообщения. Кхой, приставив к губам микрофон, поднял глаза к потолку и срывающимся от волнения голосом повторял:

— На поле группы три распустились цветы. Приготовиться к сбору...
На поле группы три распустились цветы...

Со стороны пограничного леса донеслись автоматные очереди и разрывы гранат. Лы настороженно вглядывался в редющую темноту. Он очень волновался за Кана: только что они сидели вместе, и он задавал Кану бесчисленные вопросы, а сейчас Кан один на один с десантом. Что там сейчас происходит, никому не известно. И зачем только он, Лы, послушался Кана и вернулся на НП? Надо было идти с ним. Мало ли что случится... Никто не знает, какой там десант. Наверняка много. И почему они открыли такой огонь, будто против целой роты?

Уже стало светать, и можно было различить лица сидевших бойцов. Выстрелы на границе постепенно затихли. Десант — почти целый батальон американских солдат — был уже в полном сборе. С НП хорошо просматривались серые фигуры в касках, передвигавшиеся по склону горы примерно в километре отсюда. Послышался гул самолетов. Землянка с рацией, где сидели Лы и Кхой, задрожала от близких взрывов. Черный дым расстилался по горному склону. Определив координаты скопления десанта, командир группы отдал приказ вызвать огонь.

Через несколько минут там стали ложиться первые наши снаряды, а еще через некоторое время все пространство, занятое десантом, гигантской огненной шапкой накрыли взрывы.

Где-то к полудню противник предпринял попытку высадить дополнительный десант. С НП заметили, как на склоне справа замелькали фигурки в американской форме. Над ними медленно кружил вертолет, и от ветра, поднятого винтом, с верхушек деревьев

посыпались последние сухие листья. Один из вертолетов, по-видимому командира десантной группы, неожиданно резко взмыл вверх.

Наши орудия начали второй артналет. Скорректированный огонь разметал большую группу вражеских солдат. Одни из них залегли на месте, другие бросились через ручей к землянке, где разведчики готовили себе пищу.

На НП было слышно, как кричат внизу американцы. Стараясь укрыться от снарядов, они прижимались к склону горы, на вершине которой находился НП. Лы сменил Кхоя и, сидя в землянке, заполнившейся густым дымом, передавал координаты целей, которые называл командир.

— Цветы распустились рядом с полем девушки Нам. Цветы распустились рядом с полем девушки Нам! — торопливо кричал Лы, прижимая ко рту микрофон, и называл ряд цифр. Через несколько минут снаряды засвистели над головами американцев, скопившихся внизу, под НП. Снаряды теперь рвались лишь в нескольких десятках метров от разведчиков. Один из снарядов разорвался рядом с землянкой, где сидел Лы. Землянку заволокло дымом. Лы различил через щель в потолке конвульсивно вздрагивавшую в предсмертной судороге фигуру американца.

Второй артналет продолжался около десяти минут. В небе появились два самолета-разведчика и с пронзительным гулом стали описывать круги. Командир группы приказал Лы и Кхою прервать радиосвязь и поменять место. Лы, взвалив рацию на плечи, поспешно выбрался из землянки.

Дан вместе с другими разведчиками должен был обеспечить безопасность радистов и аппаратуры. У него еще не прошел приступ малярии. Когда он появился в дверях землянки, плечи его дрожали, лоб был весь в поту, руки, державшие автомат, тряслись, лицо налилось кровью, посеревшие губы были крепко закушены. Один из бойцов передал ему брезентовый подсумок. Дан хотел взять его, но не мог — дрожали руки.

— У тебя еще не кончился приступ! — воскликнул Лы и начал уговаривать Дана остаться, но тот и слушать не хотел.

Наклонившись, он вытянул вперед длинную шею и, смеясь, сказал:

— Вешай-ка сюда эту штуку!

Впятером они двинулись в восточном направлении, пробираясь по густо растущему колючему кустарнику и высоким травам. Самолеты продолжали кружиться над районом высадки десанта. Пройдя метров пятьсот, бойцы услышали сильный взрыв — прямым попаданием бомбы НП был разрушен. Вскоре показались три вертолета, летевшие в хвост друг другу. Лы то и дело оглядывался. Он хорошо видел цеплявшихся за спущенную веревочную лестницу американских солдат в расстегнутых куртках, с автоматами в руках. Едва успев коснуться земли, американцы открывали огонь.

Подойдя к одной из глубоких расселин, где предполагалось укрыться первоначально, бойцы наткнулись на взвод только что высадившегося здесь американского десанта. В завязавшейся перестрелке Лы совсем не ощущал тяжести рации за спиной. Вдруг в высокой траве Лы заметил притаившегося американца. Вражеский солдат поднес к плечу приклад и стал поворачивать ствол ружья огнемета в сторону Лы. Радист похолодел, сообразив, что у американца хороший ориентир — рация, возвышавшаяся на его, Лы, спине. «Ведь это он в меня целится!» — пронеслась мысль, но Лы уже взял на прицел огнеметчика. «Ну, гад, молись своему богу!» — с ненавистью произнес Лы и, задержав дыхание, двойным движением, как делал это на тренировках, нажал на спусковой крючок. Американец опоздал всего на какие-то доли секунды. Однако, падая навзничь, он все же успел нажать на спусковой крючок. Из огнемета вылетел в небо сноп ослепительного огня, и все — американец, кустарник, высокие травы вокруг — разом потонуло в черном дыму. Это был первый на счету Лы американец. Веснушчатое лицо, беспрерывно жующий рот, прямоугольные очертания ранца огнемета за спиной, рука, насаживающая наконечник, — все это навсегда врезалось в память Лы.

Перестрелка становилась все ожесточеннее. Бойцы вели огонь, разбившись на две группы. Лы заметил, что Дан, у которого уже прошел приступ малярии, все время старается держаться рядом с ним. Прямо на них бежали трое вражеских солдат, средним в тройке был высокий вьетнамец. Широко раскрыв золотозубую пасть, он яростно орал:

— Живьем бери этого, с рацией!

Дан бросился им наперерез. Подпустив врага шагов на десять, он выстрелил. Из-за его приподнятого правого плеча Лы увидел, как упал, захлебнувшись, золотозубый, а двое других повернули назад.

Десант между тем продолжал прибывать. Повсюду виднелись фигуры вражеских солдат. Недалеко от Лы один из бойцов в забрызганной грязью гимнастерке уже бросился в рукопашную схватку с врагом, а в следующее мгновение Лы сам обхватил туловище какого-то налетевшего на него американца. Не обнаружив у себя на боку штыка, Лы изо всех сил вцепился зубами в шею американского солдата. Враг, оскалившись от боли, замахнулся зажатой в руке гранатой, чеку которой не успел выдернуть, и сильно ударил Лы по плечу. В этот момент подскочил Дан. Лы успел заметить окровавленное лицо своего товарища и услышал глухой удар, после которого американец разжал руки и, обмякнув, упал. У Лы страшно болело плечо, рот был полон крови. Лы видел почти целое отделение вражеских солдат, стремившихся взять живым вьетконговца с рацией.

— Беги, Лы! — услышал он крик Дана и спешно стал шарить за поясом, ища гранату, но все гранаты уже кончились. Лы присел на корточки, поднял с земли несколько больших камней и швырнул их в бегущих к нему солдат. Воспользовавшись секундной заминкой, он побежал вперед, стараясь во что бы то ни стало сохранить рацию. А Дан, спасая Лы, с гранатой в каждой руке бросился в самую гущу вражеских солдат.

* * *

Что было потом, Лы не помнил. Он потерял сознание и пролежал так около двух часов. Когда он очнулся, вокруг никого не было.

Постепенно приходя в себя, Лы попробовал пошевелиться. Со дна расселины до него донеслось какое-то жужжание, похожее на пчелиный рой. К жужжанию иногда присоединялось осторожное негромкое посвистывание, раздававшееся сверху, где-то почти над головой. Лы подумал: «Может, кто-то подает сигнал?» Потом ему стали мерещиться какие-то звуки, и он никак не мог определить, то ли это людские голоса, то ли крик птицы. Казалось, он совершенно утратил ощущение времени. Где он и что с ним происходит? «Может, я уже умер?» — подумалось ему, и Лы совершенно отчетливо понял, что остался жив. Какая нелепость думать, что он, который так любит жизнь и полон горячих стремлений и надежд, может погибнуть в эти весенние дни, когда ему только-только исполнилось двадцать. Он вдруг вспомнил, как в детстве ему однажды приснилось, будто он умер. Обуреваемый странными, пришедшими к нему во сне ощущениями, он разбил тогда термос с кипятком, стоявший на табуретке у кровати.

Все это молниеносно пронеслось у него в голове. Воспоминания о доме еще раз подтверждали, что он жив. Он чуть не заплакал от радости, когда понял, что камень, навалившийся ему на грудь, — это рация. Сколько же прошло времени? Он попробовал пошевелить рукой, прижатой к выступающей части индикатора: пальцы были точно деревянные и долго не сгибались. Перед ним вдруг, будто высеченное из камня, всплыло лицо Дана.

Маленький круглый зеленый глазок индикатора осветил скользкий мох, большой камень у самых ног и густую темно-зеленую листву. Так вот он каков, мир вокруг, — сплошное зеленое царство. Лы включил рацию. Послышался равномерный шум. Аппарат работал, но в эфире царило молчание. Лы снова услышал негромкий свист птицы. Казалось, она свистит прямо над ухом. Лы мучила жажда. Он попытался привстать и поползти, но ощутил во всем теле острую боль. Напрягая память, он постарался припомнить все детали недавней схватки. Хорошо, что с рацией ничего не случилось. Наверху, наверное, уже нет вражеских солдат. Они убрались восвояси. Выстрелов не слышно. Лы сделал новую попытку повернуться на бок и нащупал фляжку. Она оказалась сплющенной, и воды в ней оставалось несколько капель. Высунув язык, он вылил на

него эти оставшиеся капли и сразу почувствовал себя бодрее. Собрав все силы, Лы взвалил на плечи рацию. Надо было выбираться наверх, возвращаться к своим. Ему удалось подползти к густо заросшему склону, но все попытки подняться наверх ни к чему не привели: в изнеможении, весь в поту, он снова и снова соскальзывал вниз. Кожаный ремень от радиации больно врезался в плечи, стискивал грудь. И все же, несмотря на эту боль, Лы испытывал радость: что бы там ни было, а он сохранил рацию.

* * *

Таких людей, как Кан, людей мужественных и никогда не теряющих самообладания, сломить трудно, а ведь любой солдат противника, окажись он на месте Кана в то утро, сложил бы оружие и поднял руки вверх. Позже наши разведчики обнаружили на опушке леса, там, где Кан бросился на преследовавших его американских солдат, несколько вражеских трупов, брошенное в панике оружие, фляги с водой и другое снаряжение.

Только к полудню Кан вернулся к своим. Бой к тому времени уже закончился, и разведчики обшаривали местность в поисках Лы. Кан, относившийся к Лы как к младшему брату, сразу же включился в эти поиски. Проверая каждый кустик, он пошел вдоль расселины, то и дело охрипшим голосом окликавая Лы. В густых зарослях на краю склона, круто обрывавшегося книзу, Кан наткнулся на следы недавней схватки и, цепляясь за ветки и корни, стал спускаться вниз. Там он нашел Лы, который лежал ничком, в полном забытьи, крепко сжимая руками наклонившийся тоненький ствол небольшого деревца. Кан приподнял Лы и, положив его голову к себе на колени, освободил плечи от тяжелой радиации, а затем вылил полную флягу фруктовой воды на бледное лицо паренька. Лы очнулся и тотчас узнал коренастую, крупную фигуру, склонившуюся над ним. Лы охватило такое же ощущение счастья и покоя, какое он испытывал в далеком детстве, когда рядом оказывалась мать. Лы, неожиданно для самого себя, одной рукой обнял Кана и слабым голосом спросил:

— Как ты нашел меня?

— Да мы с ребятами уж обыскались тебя! — Кан вкратце рассказал обо всем, что с ним приключилось.

— Я уж думал, что ты не вернешься!.. — проговорил Лы.

— Ну... вот тебя нашел! — Кан пошарил в подсумке и протянул Лы коробочку трофейного паштета: — Поешь, парень!

Быстро съев весь паштет, Лы понял, как он был голоден, но его тут же вырвало.

— Ты что? — удивился Кан.

— Подумал только, и сразу такое отвращение...

— К чему, к паштету?

— Да нет... К американцу...

По дороге к своим Лы пытался припомнить, как выглядел американец, с которым он схватился в рукопашной. «Я больше не школьник, — рассуждал он, как бы глядя на себя со стороны, — который только и знает, что книжки читать. Я научился держать винтовку, а когда нужно, могу действовать решительно, как и все». В разорванной гимнастерке, с рацией на спине, он гордо шел по земле мимо валявшихся вокруг трупов американских солдат. Взгляд Лы невольно наткнулся на убитого им американского огнеметчика. Левый глаз мертвеца был зажмурен, будто он до сих пор еще прицеливался; правый, с застывшим зрачком, чуть приоткрыт. Лы на секунду задержался, глядя на ровное, точно пробуровленное пулевое отверстие в груди американца. Вокруг раны запеклась черная кровь.

Перешагивая через труп американца, Лы своим рваным матерчатым ботинком, из которого выглядывал ободранный палец, задел откинутую в сторону, уже начавшую приобретать землисто-серый оттенок застывшую руку мертвеца и непроизвольно, будто его обожгло током, дернулся всем телом, ощутив на мгновение какой-то панический страх перед этой рукой. Однако тут же в нем из глубины души поднялась жгучая ненависть к этому оккупанту. Они, эти люди, принесли на его родную землю смерть, страдания, разруху. У Лы

сердце сжалось от боли. Американские агрессоры, используя новейшие достижения военной техники, обрушили на его народ неисчислимыя беды. Вот почему он убил этого захватчика...

* * *

Так случилось, что именно там, на дне расселины, Лы впервые заметил краски наступившей весны — свежую зелень трав и листьев, и жизнь как будто приобрела для него новый смысл.

На обширных склонах гор, обращенных к Вьетнаму, вплоть до самой лаосской границы, лес погиб от распыленных здесь отравляющих веществ. Вокруг, куда ни Кинь взгляд, стояли мертвые деревья, а над ними нависало свинцово-серое небо. Обнажились все тропы и ручьи, и лишь кое-где еще виднелись на деревьях засохшие желтые листья, упорно не желавшие опадать вот уже который сезон. Бойцы на НП даже за полмесяца, проведенные здесь, не могли привыкнуть к этим щемящим картинам мертвого леса. Густая зелень радовала глаз только в глубоких расселинах. Их обрывистые каменистые склоны уходили далеко вниз. Там всегда было сыро и прохладно, и там в изобилии росли деревья и кустарники, тесно сплетая кроны и ветви. Сейчас там распускались многочисленные цветы, скромные, как счастье простых людей.

В один из первых весенних дней разведчики получили приказ вернуться в полк для выполнения новой задачи. После прошедших боев рассветы на границе вновь стали тихими и туманными. Стоя на посту среди этого безбрежного спокойствия, Лы слышал неясный, доносившийся снизу мерный шум ручьев, и ему казалось, что где-то внизу, у подножия этих величественных девственных гор, плещется море.

Рано утром бойцы разведгруппы нарезали цветов диких бананов и принесли их на могилы двух своих товарищей, которые с гранатами в руках бросились в гущу вражеских солдат, спасая Лы и рацию. Лы достал из расселины два огромных, поросших мхом камня и положил их на каждую могилу. Лы понимал, что теперь он в вечном долгу перед этими людьми. Разбирая вещмешок погибшего Дана, он, к своему удивлению, не мог найти ни одного его письма или фотографии.

Неужели среди бесчисленных историй, рассказанных Даном, не было ни одной, которая оказалась бы не выдуманной? Неужели, кроме смены белья, трубочки с желтыми таблетками хинина и тоненькой записной книжки, листки которой хозяин использовал на закрутку для махорки, он ничего не сможет найти о своем всегда таком веселом и жизнерадостном однополчанине? На первых страницах записной книжки сохранилось лишь несколько адресов полевой почты и стихотворение, видимо написанное самим Даном:

Маршем по Чыонгшону идем,
Под солнцем, под ливнем,
Под знаменем алым...

Лы прощался со здешними местами. Тускло желтели вокруг массивы погибших лесов. Не было слышно в них пения птиц, раздавался лишь рокот вертолетов, с которых спускались направлявшиеся к границе солдаты десантно-диверсионных групп — командос. А на западе все также высились темно-зеленые, окутанные туманом горы.

5

Тот, кому пришлось издали наблюдать за Кхесанью в эти напряженные месяцы весны, не мог забыть стоявшей над полем боя сплошной пелены тумана, сквозь которую прорывались грохот наших орудий и взрывы вражеских бомб.

Ливни небывалой силы к февралю стали постепенно стихать, но последние, запоздалые дожди торопились пролиться над джунглями к западу от Кхесани. В результате земля, небо, траншеи и опорные пункты противника на целую неделю оказались упрятыми под гигантский купол, сплетенный из водяных струй.

Едва кончились дожди, как всю долину окутал туман. Лишь изредка в просветах проглядывала небесная синь, туман обычно немного рассеивался лишь к полудню, а в три-четыре часа дня Такон и боевые позиции с рядами проволочных заграждений, дорога № 9 и окрестные леса вновь пропадали под рыхлым одеялом белесой влаги. То плотный, как молоко, то стремительно несущийся клочьями, обдававшими лицо холодным, колючим, как иней, дыханием, то

оседавший облаками на вершинах холмов, туман, озаряемый огненными вспышками, приобретал зловеще-красноватый оттенок, и на этом фоне темнели обуглившиеся стволы кофейных деревьев со срезанными снарядами верхушками да фигурки бойцов, редкими группами передвигавшиеся вдоль траншей. Безбрежный океан мглы заполнил весь западный край, включая и долину Кхесань.

Прошло уже почти два месяца с тех пор, как 5-й полк принимал участие в операции. За это время у Киня среди бойцов появилось много закадычных друзей. Нельзя сказать, что у него была какая-то необыкновенная способность быстро сходитья с людьми, просто он был славным, внушающим доверие человеком и хорошим товарищем. Кинь был уже далеко не молод, однако обладал юношеской горячностью и постоянно стремился быть в гуще людей. У него всегда находилось, о чем поговорить с бойцами; он умел внимательно слушать, умел вовремя дружески пожуричь или, наоборот, похвалить, и все это он делал с огоньком, от чистого сердца. Едва он появлялся среди бойцов, как они усаживались в кружок, и на замполита устремлялись десятки пар внимательных глаз. А он начинал объяснять стоявшие перед ними задачи, разбирал по косточкам действия того или иного подразделения или рассказывал о подвигах солдат на фронте и самоотверженном труде в тылу. Одним словом, солдаты многое могли почерпнуть для себя из этих бесед.

В начале февраля перед 5-м полком поставили новую, очень серьезную задачу: ему предстояло сменить часть сил соседней дивизии, действовавшей в северо-западном и восточном направлении от Такона. Занимаемые им позиции на юге и юго-западе по-прежнему сохраняли важное значение.

Рано утром Кинь, начальник штаба и еще два офицера собрались на совещание у командира полка Няна, чтобы обсудить создавшуюся обстановку.

На обшитых досками стенах и потолке просторного, надежного командирского блиндажа еще виднелись непросохшие грязно-желтые потеки воды, попавшей в щели во время недавнего ливня. На полках вдоль стен громоздились вещмешки и мотки телефонного кабеля. Здесь же лежали пистолеты, парашютная ткань, трофейные

штандарты с изображением зверей. В глубине блиндажа у телефонных аппаратов дежурили связисты.

Желтый огонек коптилки, сделанной из консервной банки, освещал спокойное лицо Киня. Замполит устроился на груди парашютного шелка, не выпуская из рук маленькой трубки, которую он смастерил из бензопровода американского самолета. Позади Киня стоял санинструктор и промывал ему рану на предплечье. Кинь получил ранение совершенно неожиданно. Сколько раз до этого он поднимался на ключевую высоту полкового участка обороны! Бывало, бомбы рвались совсем неподалеку, но все всегда кончалось благополучно. А несколько дней назад он шел утром с полотенцем к ручью и на минутку задержался у КП, чтобы поговорить с бойцами, возвращавшимися после рытья подкопа. В этот момент поблизости разорвалась бомба, и осколок величиной с палец вонзился Киню в плечо.

— Вам не больно? — спросил санинструктор, наклонившись к Киню.

Кинь что-то пробормотал, искоса глянув на обнаженное плечо, и продолжал сосредоточенно обдумывать план предстоящих в ближайшие дни боевых действий. Они с Няном уже обговорили все детали, но теперь предстояло доложить план начальству. Кинь внимательно прислушивался к разговору, который вел по телефону командир колка с Лыонгом.

Весь вчерашний день Нян провел на совещании в дивизии и вернулся в часть вместе со связным только к часу ночи. Опершись о край стола, сбитого из двух снарядных ящиков, Нян морщил лоб, то и дело стучал пальцем по трубке: связь все время прерывалась.

В короткие минуты затишья голос Лыонга на том конце провода слышался довольно ясно, но потом опять тонул в шуме помех и грохоте взрывов.

— По каким участкам вели ночью огонь наши артиллеристы? — спокойным тоном задавал вопрос за вопросом Нян.

— По тем же объектам связи и по северо-восточному участку аэродрома, — донесся наконец ответ Лыонга. — Там все горит. Разве вам оттуда не видно?

— Ничего не видно, слишком густой туман!

Сообщение Лыонга о работе его разведгруппы, по-видимому, успокоило Няна. Он провел ладонью по заросшему щетиной подбородку и на мгновение задумался.

— Лыонг, — сказал он, — обратите внимание вот еще на что: арtpолку «Кау», ведущему огонь по Такону, теперь вменяется в обязанность непосредственно поддерживать пехоту. Они будут вести огонь и самостоятельно, и по нашим указаниям... Где сейчас их разведчики?

— Находятся на высоте 475.

— На каком участке?

— На участке «Б». Как я уже докладывал, он самый незащищенный.

— Ваша группа должна установить с ними самую тесную связь. Это дело первостепенной важности! Как ты считаешь, если подбросим тебе еще один телефонный аппарат, можно протянуть связь от твоего НП к участку «Б»?

— Протянуть-то нетрудно, — отвечал Лыонг. — Сложнее будет обеспечивать связь: пространство между мной и высотой 475 сильно простреливается. Высылайте аппарат и кабель!

Нян перешел к другому телефону. Возле него клевал носом связист, но, когда подошел Нян, он вскочил и подал ему аппарат.

На том конце провода раздался неторопливый хрипловатый голос командира 3-го батальона Выонга. Нян зажег давно потухшую трубку и сунул ее в рот.

— Это ты, Выонг? — спросил Нян, но в этот момент фитиль стоявшей на снаряжном ящике коптилки провалился внутрь консервной банки и, вспыхнув в последний раз, погас. В блиндаже воцарилась кромешная тьма. Полоска подернутого туманом неба, белевшая над приоткрытой

дверью, сделалась вдруг ярко-красной, перекрытия блиндажа заходили ходуном.

Сегодня это была первая бомбежка, которую вели Б-52. Кинь, казалось, не обращал никакого внимания на оглушительные взрывы и продолжал сидеть молча. Санинструктор перевязал его и помог натянуть гимнастерку. Снаружи донесся голос начальника штаба:

— Бомбят Выонга! Хотя нет, немного восточнее!

Кинь повернулся к двери — перед блиндажом кружились листья, освещенные зловещим заревом. Он набил трубку табаком, поднес спичку. Огонек запрыгал в ладонях. Кинь поплотнее сжал руки, чтобы не дать ему погаснуть, долго и пристально смотрел на пламя. Затем, повернувшись к столу, он на ощупь нашел лампу и зажег ее. Блиндаж осветился, струйка едкого дыма поплыла к потолку. Кинь встал, не торопясь, застегнул гимнастерку и, обратившись к Няну, сказал:

— Иди-ка отдохни немного. А с Выонгом я поговорю, узнаю, как там у них.

Телефонная линия бездействовала всего лишь несколько минут. Нянь передал трубку Киню, а сам, заложив руки за спину, принялся расхаживать по блиндажу, видимо все же решив послушать беседу замполита с Выонгом, чтобы самому быть в курсе дела.

— ...Вы помните указания Няня на вчерашнем совещании? — спрашивал Кинь.

— Разрешите доложить, товарищ замполит, мы не из тех, кто боится умереть! — В тишине блиндажа слова Выонга, сказанные им на том конце провода спокойным, уверенным тоном, прозвучали неожиданно громко и отчетливо.

— Речь идет совсем не о том, чтобы умереть, — торжественно и сурово, взвешивая каждое слово, заговорил Кинь. Забыв о ране, он взмахнул рукой и поморщился от боли. — Само собой разумеется, каждый наш боец должен быть мужественным и готовым без колебаний отдать жизнь за Родину. Однако партия требует от нас гораздо большего, чем просто пожертвовать жизнью... Слышишь,

Нян? Они опять забросали минами наш новый подкоп, — расстроенным голосом сказал Кинь, кладя трубку.

— Какие же принимаются меры предосторожности? — спросил Нян, продолжая расхаживать. — Ты не поинтересовался, до какого места был прорыт подкоп за вчерашнюю ночь?

— Как только что доложил Выонг, они продвинулись дальше душевой с железной крышей.

— Сколько человек сегодня ночью вели подкоп?

— Сто двадцать.

— Необходимо обеспечить их безопасность.

— Выонг хорошо отражает атаки противника, однако он недостаточно четко выполняет твои указания относительно организации земляных работ и соблюдения мер предосторожности. Необходимо, чтобы рядом находился кто-нибудь из командования.

— Самому, что ли, выбраться к ним сегодня вечером и посмотреть, как там дела? — проговорил Нян, прикидывая что-то в уме.

— У тебя и здесь забот полон рот. Давай лучше я схожу.

— А ты сможешь?

— Конечно, — заверил Кинь. — Это необходимо. Разговоры — это одно, а личные встречи и беседы — совсем другое.

Кинь встал, вынул изо рта трубку и, дружески хлопнув Няна по плечу, сказал:

— Тебе не мешало бы чуток соснуть. — Он засмеялся: — Полюбуйтесь-ка, какая щетина выросла у нашего командира!

Оба вышли из блиндажа. Приотстав немного, Нян заметил, что вихор на затылке у замполита выгорел на солнце и стал совсем седым. Неужели так много времени прошло с тех пор, как они находились в тылу? Когда же Кинь успел поседеть?

Кинь был старше Няна лет на десять. Окончив среднюю школу, Нян посвятил себя армии, где прошел путь от бойца отряда самообороны до командира полка. В середине 1946 года, когда вся страна бурлила, как кипящий котел, Кинь был уже руководителем уездной организации Вьетминя{22}, а Нян только-только распрощался со школьной скамьей и вступил в отряд самообороны, действовавший на Юге. «Выстрелы наших винтовок прогремят над просторами Юга!..» Нян до сих пор помнит слова этой песни, которую распевали они, молодые ребята, на вокзале перед отправкой на Юг. Нян пережил горечь поражения в боях при Нячанге, долгие месяцы сидел на овощной похлебке в военной зоне Барен, пережил огненные дни операции Биньчитхиен. Жизнь военного научила Няна быть предельно строгим и требовательным как к себе, так и к людям. По его мнению, командир обязан был все тщательно продумывать и готовить, быть человеком умным и проницательным; только в этом случае можно добиться победы. Его девизом стали слова Хо Ши Мина, обращенные к военным: «Страна наша невелика, и у вас есть только одно право — бороться и победить!» Во время войны Сопротивления против французов Нян был помощником начальника штаба полка. Их командир полка всегда был в отличной боевой форме. У него Нян научился действовать инициативно и в то же время осторожно. Наблюдая за своим командиром, Нян восхищался, как он, если надо, умел, будто ящерица, сливаться с землей и незаметно подкрадываться чуть ли не к самым ногам вражеского часового. И все же однажды этот инициативный, осторожный и всегда выдержанный человек допустил серьезный промах. Собираясь нанести противнику удар из засады, он решил, что у того нет танков, а когда на совершенно открытом участке дороги танки все-таки появились, командир, не удержавшись, выскочил из укрытия, чтобы удобнее было руководить боем. Вражеский снаряд сразил командира полка на месте, и его гибель роковым образом повлияла на исход боя. Печальный случай с этим, бесспорно талантливым, боевым командиром привел Няна к выводу: командир не имеет права упускать из виду ни одной, даже самой мелкой, детали ни при планировании боя, ни во время самих боевых действий.

Нян рука об руку со многими политработниками и командирами участвовал в боях, вместе с ними делил и радость, и горе, вместе с ними за все нес ответственность. Нян и Кинь познакомились совсем недавно, оказавшись в одной части, которой надлежало участвовать в нынешнем сражении. Нян сразу же угадал в своем замполите человека высоких моральных и деловых качеств и проникся к нему большим уважением. И с того дня, когда полк начал свой долгий марш, они вдвоем несли бремя множества забот и серьезной ответственности.

В свою очередь Кинь тоже высоко ценил отличную профессиональную подготовку, смелость и решительность своего командира и считал, что именно такими качествами и достоинствами должен обладать каждый офицер. Еще в тылу Кинь всегда старался, чтобы между командирами и политработниками полка сразу устанавливались хорошие деловые отношения, и в этом проявлялся его огромный партийный опыт.

В ту ночь, перед тем как получить приказ об отправке на фронт, Нян и Кинь вместе с другими командирами частей и соединений были вызваны на специальное совещание. Столпившись вокруг длинного, сколоченного из бамбука стола, прибывшие командиры оживленно переговаривались между собой. Нян был самым молодым, но многообещающим командиром. Начальник политуправления фронта, который долгое время работал в подполье и сидел в тюрьме у французов, обратившись к Няну, спросил:

— Если б не было двух войн Сопротивления, чем бы вы занимались?

— Не знаю, — искренне признался Нян. — До сорок пятого я учился в школе и не думал об этом.

— А я, — сказал стоявший рядом заместитель начальника штаба дивизии, — тогда плотничал, ходил на заработки.

— Я был учителем, — проговорил кто-то еще.

— А я пахал землю! — гордо произнес Кинь, затягиваясь трубкой и выпуская облако густого дыма. — Кто бы мог подумать тогда, что я стану политработником в армии?

— Что вообще значит быть политработником? — неожиданно задал вопрос кто-то из присутствующих.

Начальник политуправления фронта улыбнулся:

— Да, мы привыкли говорить, что тот товарищ обладает качествами политработника, а этот — нет. Как же определить это понятие — «качество политработника»?..

Беседа была прервана: началось совещание. После доклада об оперативной обстановке и уточнения задач командир перешли к вопросам политического обеспечения предстоящей операции. В своем выступлении начальник политуправления фронта вновь вернулся к незаконченному разговору.

— Во время первой войны Соппротивления я был замполитом полка и всегда думал, что если руководитель правильно понимает свои задачи и свою ответственность, то результаты его работы должны быть высокими, — поглаживая худой рукой свои седые волосы, неторопливо говорил он. — А вот сегодня кто-то из боевых командиров спросил, что такое политработник. Главная обязанность политработника — воспитывать у личного состава высокие моральные качества. Дело революции — дело каждого. Способность к политическому руководству включает в себе немало аспектов и различных проблем; политработник прежде всего должен быть воспитателем, уметь развивать и направлять энергию и волю людей. Если я, к примеру, замполит полка, то я должен добиваться высокого уровня политической сознательности личного состава своей части и тем самым содействовать повышению боевой выучки и воинского мастерства подчиненных, умело помогать командиру полка подбирать на командные должности достойных и опытных людей, всеми силами оберегать и укреплять авторитет своего командира. Вот что значит быть политработником. Правильно я говорю, товарищи?

— Правильно! — раздались в ответ голоса участников совещания.

Наша артиллерия открыла ураганный огонь по Такону. В расположении разведроты несколько бойцов, в одних трусах и майках,

выскочили на бруствер окопов и, наблюдая за разрывами снарядов, спокойно перебрасывались замечаниями.

— Вот дают жару америкашкам наши артиллеристы!

— Да, весело там сейчас. Смотрите-ка, прямо как из ведра сталью поливают!

— Погодите, то ли еще будет! — подытожил один из парней, помахивая лопатой.

Кинь, которого всегда тянуло поговорить с солдатами, задержался и тоже стал смотреть в ту сторону.

Еще одна группа солдат, с винтовками и лопатками, в перепачканных землей брюках, проходила мимо блиндажа у самого подножия склона, где разместилась кухня разведроты. Высунувшись из блиндажа, низкорослый боец заорал во всю глотку:

— Как там, не видно, их генералы не разбегаются?

— Ого, каким воякой наш Дао нынче заделался!

— Разрешите обратиться, многоуважаемый товарищ каптенармус, позвольте глоток воды!

— Кто хочет пить — заходите, — смягчился Дао. — Не можете без подковырок. Для вас дать языкам отдых — все равно что с жизнью распрощаться!

Завидев проходившего мимо Киня, бойцы приветливо заулыбались:

— Здравствуйте, товарищ командир!

— Здравствуйте, герои! — помахал им раненой рукой Кинь и приказал разойтись по своим подразделениям.

Возле блиндажа кашеваров на минуту задержался лишь один боец. Держа в руке закопченную жестяную кружку, он залпом выпил всю воду, зажмурился от удовольствия, стряхнул ладонью капли с гимнастерки и помчался догонять товарищей.

Киню он невольно врезался в память. Замполит не разглядел, молод или стар был этот боец. Он увидел лишь заляпанное грязью лицо, перепачканные в земле руки, ноги, одежду и лопату. «Этот человек воюет сейчас с врагом, — подумал Кинь. — Перемазался и устал, как раньше, когда работал в поле. Так же, наверное, он останавливался передохнуть, когда внутри у него горело все от жажды...»

Прежде чем войти в свой блиндаж, Кинь подозвал ординарца:

— Сегодня ночью нам предстоит важное дело. Есть у нас что-нибудь для бойцов?

Ординарец, временно заменявший Кхюэ, тоже был хорошим парнем. Поправив висевшую на боку сумку с рисом и тщательно заткнув за ворот гимнастерки конец шарфа, он, запинаясь, ответил:

— Да вроде ничего не осталось, товарищ командир.

— Это правда? — строго спросил Кинь.

— Разрешите доложить... Вообще-то есть несколько банок мясных консервов и еще банка ананасов...

— Ну вот и хорошо! А «лекарство» есть?

— Тонизирующий напиток с витамином «Б-прим», но товарищ Кхюэ наказал его беречь для вас.

— Для меня?

— Так точно! Он сказал: «Старик заботится о солдатах, как мать родная, а это ни к чему».

Кинь громко захохотал, откинув голову назад: «заботится о солдатах, как мать родная!..» А ведь это правда. Всякий раз накануне операции Кинь что-нибудь доставал бойцам — то женьшеневую настойку, то тонизирующий напиток, то витамины, то мясные консервы... Солдаты все почти были молодыми ребятами. Им приходилось, что называется, «руками валить слона»: терпеть и голод и жажду, мокнуть под дождем и жариться на солнце. Так разве лишним было для них подкрепиться? Из тонизирующих средств, которые удавалось достать,

Киню больше всего нравился спиртовой раствор витамина «Б-прим» — густая темная жидкость, от глотка которой начинало гореть лицо. Содержимое таких бутылочек с особой бережливостью разливалось в крышки фляг.

* * *

В тот день после обеда Кинь присутствовал на заседании партбюро 3-го батальона, которым командовал Выонг. Командный пункт 3-го батальона находился среди обгоревших стволов кофейных деревьев. Вокруг зияли воронки от бомб и снарядов. Комбата Выонга, который был и секретарем партячейки, по телефону предупредили о приходе замполита полка.

Выонг, большеголовый, с полузакрытыми, будто припухшими веками, сидел в углу блиндажа, поставив локти на колени, и с отсутствующим видом поглядывал на собравшихся. У бойцов 3-го батальона он пользовался большим уважением. Ребята говорили, что, попади бомба прямо в блиндаж, Выонг не только не шелохнется, но даже и глазом не моргнет. Как-то раз Выонг сидел в блиндаже боевого охранения и рассматривал в бинокль вражеские позиции возле аэродрома. В это время противник сбросил несколько бомб прямо перед заграждениями, и одна из них завалила блиндаж. Группа бойцов тут же примчалась с лопатами выручать комбата. Вскоре они прорыли небольшое отверстие. Из него высунулась голова Выонга. Он тяжело дышал, рот его был забит землей и травой, из носа текла кровь, но первыми его словами были: «Как там, не рассеялся туман?» «Рассеялся», — ответили ему. «Тогда живо по блиндажам! — закричал он. — Нечего прохлаждаться!.. А мне принесите другой бинокль и несколько гранат!»

Выонга дважды призывали в армию. В период между двумя войнами он работал строителем. И всегда, рассматривал ли он чертеж дома или укладывал кирпич на слой раствора, у него был все тот же бесстрастный, отрешенный вид. Веселым и смешливым девушкам — штукатурам и конторщицам — он казался до того неприветливым, что они не решались заговорить с ним.

Рядом с Выонгом сейчас в полном составе сидели члены партбюро 3-го батальона. Здесь же присутствовали и приглашенные командиры и политработники из подразделений батальона. Присев на корточки и неловким движением сбросив сумку с противогазом, Выонг достал трофейную металлическую коробочку и вынул таблетку для обеззараживания воды. Политрук с перебинтованной головой, совсем молодой парень, встряхнул фляжку с водой из ручья и, блеснув в улыбке золотым зубом, обратился к Выонгу:

— Замполит полка в гости идет, а у нас такое скромное угощение.

Выонг смущенно улыбнулся, и суровые черты его лица смягчились.

— Да, плохо дело, весь чай вышел.

— Ничего, попьем бесцветного чайку! — смеясь, сказал кто-то. С некоторых пор бойцы и командиры с легкой руки Киня стали называть воду из ручья с разведенной в ней обеззараживающей таблеткой бесцветным чаем.

Все, кто сидел в блиндаже, пользуясь свободной минутой, дремали — мучительно хотелось спать после долгих бессонных ночей.

* * *

Кинь пришел в 3-й батальон с одной четкой мыслью: совместно с командирами и политработниками этого подразделения проанализировать работу партбюро и дать ей правильную оценку. Как всегда, он вошел в блиндаж с веселой шуткой. Кинь пожал всем руки, с каждым обменялся несколькими словами и сразу же заявил:

— Ну давайте начинать!

Совещание сразу приняло деловой характер. Коммунисты решали многие вопросы: хорошо ли выполняет свои функции партбюро? почему противнику до сих пор удается забрасывать нас минами? почему подкоп ведется все еще недостаточно организованно? почему транспортные самолеты и вертолеты противника время от времени все же садятся на аэродром?

Мнения разошлись. Политрук роты, находившейся в резерве, считал, что между пехотными подразделениями первого эшелона и артиллерией нет тесного взаимодействия. Кто-то из батальонных командиров заметил, что боевые действия против осажденного противника ведутся недостаточно гибко. Заместитель командира роты стал на примерах доказывать, что бойцы неохотно ведут осаду и стремятся разом покончить с врагом.

— Ну и как вы на это реагируете? — прервал его Кинь.

— Я отвечаю им так же, как Выонг.

— Что же говорит Выонг? — повернулся к тому Кинь.

— То, что записано в резолюции партбюро.

— Я понимаю ваше нетерпение, товарищи, — сказал Кинь, глядя на Выонга. — Бойцы недоумевают: почему мы не кончаем с группировкой противника, почему не предпринимаем решительных действий? Но ведь вы в ответ на их недоумение лишь повторяете старые доводы! Где же ваше собственное мнение, которое можно было бы противопоставить ненужной горячности? Я знаю, вы не боитесь погибнуть, но я возьму на себя смелость сказать, что вы боитесь длительной осады и связанных с этим трудностей и не решаетесь отказаться от того, что вам более привычно. Это относится и к секретарю партячейки!

— Ко мне? — сердито спросил Выонг.

— Не горячись, не горячись!.. Мы ведь должны откровенно обсудить все вопросы. На вашем бюро я только высказываю свое мнение, а уж выносить решение предстоит вам. Я ведь говорю о проблемах, которые вы сами же выдвинули, но эти проблемы носят вторичный характер, главное же — разобраться в наших собственных мыслях и настроениях!

Выонг по-прежнему молчал с невозмутимым видом.

Замполит полка окинул взглядом Выонга и остальных — заходили желваки на его скулах, здоровый правый глаз смотрел твердо и

решительно. Однако через несколько мгновений всю суровость Киня как рукой сняло. Черты лица его разгладились. Устроившись поудобнее, он достал свою маленькую трубочку и принялся не спеша набивать ее табаком.

— Что ж, давайте высказываться! — хрипло прозвучал голос Выонга. Лицо его при этом оставалось таким же бесстрастным.

Первым высказался раненный в голову политрук, потом выступили еще несколько товарищей. Каждый анализировал обстановку, приводил доводы, стараясь доказать свою точку зрения. Все говорили искренне и прямо. Многие признались, что действительно опасаются затяжной осады.

Выонг выступал последним. В первую войну Сопrotивления он был командиром штурмовой роты. Во время прорыва обороны противника он всегда находился в атакующей цепи, и ни разу ему не пришлось зарываться в землю, ни разу его рота не залегала перед проволочными заграждениями. Выонг подверг критике свою точку зрения и, как комбат и как коммунист, сам осудил свои колебания.

— Храбрость, — сказал он, — иногда состоит не в том, чтобы вихрем обрушиться на врага, а в том, чтобы суметь сковать противника.

Выонг критиковал себя строго и без утайки, не думая о том, какое произведет впечатление на сидевшего здесь Киня.

Когда совещание окончилось, Кинь, несмотря на усталость, почувствовал большое удовлетворение. Конечно, в 3-м батальоне предстояло сделать еще немало: ведь петля на шее противника затягивалась все туже, и от дальнейших действий в этом районе зависел успех.

После совещания командиры вместе с Выонгом остались, чтобы распределить задания по рытью подкопов, скорректировать огневую поддержку и провести прием в партию.

«Надо предложить в полку направить в штаб третьего батальона еще одного человека, — думал Кинь. — Только вот кого — боевого командира или политработника?» Прощаясь с Выонгом, Кинь тепло,

по-отечески взглянул на него, крепко пожал ему руку и похлопал по плечу. От Выюнга исходил запах земли и порохового дыма, каким пропитался и сам Кинь. Уходя, Кинь уносил с собой огромную любовь и уважение к этому мужественному человеку, в котором так органично слились качества боевого командира, политработника и настоящего солдата.

* * *

Замполит Кинь не задерживал у себя подолгу ординарцев. Обычно через полгода или самое большее через год они возвращались в свое подразделение. Во время долгого марша Кинь обратил внимание на незаурядные способности Кхюэ, на его сметливость и умение не теряться и принимать верное решение в любых обстоятельствах. С подходом полка непосредственно к району боевых действий у Киня прибавилось хлопот, и всякий раз, когда не хватало посыльных, он стал отправлять Кхюэ с самыми разнообразными поручениями и приказами в подразделения. В результате ротные даже наградили Кхюэ прозвищем Посланник Замполита.

Как-то на совещании в штабе фронта Кинь встретился с бывшим политруком батальона, в котором раньше служил Кхюэ. Теперь политрук стал заместителем замполита полка. В один из перерывов они случайно разговорились.

— Ваш ординарец Кхюэ тоже здесь? — неожиданно спросил собеседник Киня.

— Вы знаете моего Кхюэ? — удивился Кинь.

— Я его бывший начальник...

Они довольно долго говорили о Кхюэ. Новый знакомый, горячий, эмоциональный человек со звучным голосом и раскатистым смехом, от которого дрожали его густые бакенбарды, рассказывал, энергично жестикулируя. Он вспомнил бой на песчаных дюнах, которым руководил Кхюэ на завершающем этапе прошлогодней операции. Этот бой разбирался в одном из специальных бюллетеней как образец творческого применения методов борьбы с воздушным десантом.

— Не отпустите Кхюэ опять к нам? — спросил в конце разговора бывший политрук.

— А вы что же, другого такого воспитать не в состоянии? — Кинь взглянул на него с усмешкой и под предлогом, что ему нужно кое о чем посоветоваться с представителем политуправления фронта, постарался отделаться от своего собеседника, бросив на прощание: — Переговорю с нашим командованием!

Кинь понимал, что у подразделения, где раньше служил Кхюэ, нет оснований затребовать его назад и что политрук спросил об этом просто по своей инициативе, от доброго отношения к Кхюэ. Однако Кинь знал также и то, что, если бы на возвращении Кхюэ стали настаивать, он сам поддержал бы перед командованием эту просьбу.

Вернувшись с совещания, Кинь за обедом рассказал обо всем своему ординарцу. В тот день Кхюэ удалось устроить для штаба полка настоящий пир: сопровождая в тыл группу пленных, он по дороге подстрелил трех циветт{23}. Пленные, которым пришлось нести этих полосатых животных с резким запахом, хмуро поглядывали на невысокую фигурку конвоировавшего их Кхюэ.

— Ну, старик, что ты думаешь по этому поводу? — спросил Кинь Кхюэ, который в данный момент собирал посуду.

— О чем вы, товарищ замполит?

— О том, что твои старые друзья просят тебя назад.

— Мне лично все равно, где американцев бить! Здесь я уже свыкся вроде бы...

— Но, может, тебе не очень нравится у меня?

— У вас я многому научился, — чистосердечно сказал Кхюэ, — но, конечно, мне больше по душе в бой ходить!

— Вот и мне так сдается. Только не думай, что я вот так, сразу, отпущу тебя. Пока не найдешь себе замену, ничего у тебя не получится!

Вечером к Киню зашел старший кадровик. Этот пожилой, с большими залысынами человек был одним из ветеранов 5-го полка и славился своей обстоятельностью во всех делах, даже дотошностью.

Обговорив все вопросы, он собрался уже уходить, но вдруг Кинь подозвал Кхюэ и сказал:

— Я решил, что ординарец мне пока не нужен. Как вы считаете, куда лучше всего этого парня пристроить?

— Да ведь вам другого такого не найти! — удивленно воскликнул кадровик.

— Это точно, — согласился Кинь.

— Сейчас третьему батальону нужны люди. Погодите, я должен сначала все обдумать...

— По-моему, — предложил Кинь, — этого парня нужно сделать помощником начальника штаба. Я уже говорил по этому поводу с Няном и начальником штаба. Но вы думайте, думайте!..

В тылу скачок из ординарцев на такую должность был бы невозможен, но здесь, на фронте, это уже не казалось диковинкой. Ведь после первых же боев, как правило, состав взводных и ротных наполовину обновлялся, а в отдельных ротах, действовавших на главном направлении, командиры уже сменились по два-три раза.

В ответ на запрос командира полка Няна штаб части, в которой раньше служил ординарец Киня, согласился оставить Кхюэ в 5-м полку и прислал выписку из приказа о состоявшемся назначении его командиром взвода. В начале февраля Кхюэ передали в распоряжение Няна.

У Кхюэ оказалось много общего с Няном, и среди всех остальных они, как никто, подходили друг другу по характеру: оба отличались острым умом, спокойной деловитостью; оба редко проявляли свои чувства, умея хорошо владеть собой. Кхюэ понравилось, что командир полка ни разу не спросил его о семье и личных делах, что Нян никогда и ни перед кем не заискивает и не старается держаться запанибрата. Кхюэ мог запросто заводить знакомства и быстро становился душой любого

общества. Нян, напротив, был молчалив и держался несколько обособленно, однако, где бы он ни появлялся, его необычайно красивые глаза и спокойный, невозмутимый голос будто магнитом притягивали к себе окружающих.

Как-то утром, когда вокруг стояла удивительная тишина, Кхюэ стоял рядом с Няном в одном из окопов на переднем крае. Землю окутывал густой туман. Поодаль бойцы из артбатареи устанавливали на огневых позициях орудия: из окопа слышались удары по металлу и слабо виднелись темневшие в тумане дула орудий.

Нян, приложив к глазам окуляры мощного бинокля, осматривал местность.

— Как ты думаешь, хорошее место выбрали для батареи? — неожиданно спросил он Кхюэ.

— Очень низко!

Кхюэ заметил, как Нян, не отрывая глаз от бинокля, одобрительно кивнул. Капля влаги с его бровей упала на заросшую щетиной щеку.

— Сколько отсюда до позиций пехоты? — снова спросил он.

— Метров пятьдесят будет, — ответил Кхюэ и, набравшись смелости, сказал: — По-моему, в этой обстановке не нужно соблюдать обычный порядок и располагать огневое усиление позади.

— Значит, по-твоему, его нужно передвинуть вплотную к переднему краю? — спросил Нян, краем глаза покосившись на Кхюэ, совсем недавно назначенного боевым командиром, будто искал у него ответа на какой-то свой вопрос.

Воспользовавшись туманом, оба ползком перебрались через обмелевший, заполненный жидкой грязью ручей и оказались у внешней линии заграждений противника. Осмотрев окопы, которые рыли здесь наши бойцы, они вернулись. Нян, взглянув на Кхюэ, невольно воскликнул:

— Как это тебе удалось так проползти, что на тебе и пятнышка не осталось?..

Кхюэ, придя работать в штаб, огорошил начальника штаба целым рядом предложений. По его мнению, все виды огневого усиления следовало подтянуть как можно ближе к пехоте, а ходы сообщения, окопы и траншеи рыть более узкими, чтобы в ширину мог протиснуться лишь один наш боец; тогда американцы, одетые в бронежилеты, не смогут их использовать во время своих вылазок.

— А земляные работы мы можем осуществлять под прикрытием артиллерии? — спросил он у Няна.

— Ну-ка, поточнее объясни свое предложение! — с готовностью отозвался Нян.

Кхюэ, уверенный в своей правоте, изложил свой план. Прохаживаясь взад и вперед по блиндажу, Нян внимательно слушал его.

— Ты был когда-нибудь на военных курсах? — неожиданно спросил Нян.

— Никак нет, товарищ командир!

— То, о чем ты говоришь, пишется во многих военных уставах и наставлениях. Вообще должен отметить, что все твои предложения носят активный, наступательный характер. Это, кстати, первейшее условие, необходимое для каждого штабного работника и боевого командира. Твои предложения свежи и смелы, но не всегда продуманы. Вот пройдешь через эти бои, наберешься опыта... Это поможет тебе развить свои способности... В твоём возрасте — а было это в начале антифранцузского Сопротивления — я ещё не задумывался, как ты, над тактическими проблемами, да и боевого опыта у меня тогда почти совсем не было. Знал только, как с винтовкой обращаться, и все... — Слова Няна прозвучали как признание.

* * *

Почти целую неделю Кхюэ пробыл на позициях, расположенных на юго-западе от Такона. Он отправился туда по поручению Няна для организации системы огня.

Как-то в полдень Нян вызвал Кхюэ по телефону и приказал ему в шесть часов быть в штабе 3-го батальона, чтобы встретиться там замполита Киня и проводить его на основные позиции.

— Запомни, рана у него еще не зажила, не разрешай ему много ходить! — несколько раз настойчиво повторил на том конце провода знакомый спокойный голос Няна.

— Не беспокойтесь, я не первый раз с ним, — ответил Кхюэ.

И тот, и другой чувствовали какую-то внутреннюю потребность защитить замполита, охранить его от беды. Нян и Кхюэ лучше других видели недостатки Киня, и в то же время они знали, какой огромной, всеподчиняющей силой духа обладал этот энергичный, деятельный человек, какой способностью воздействовать на окружающих, в том числе и на них самих. Оба они также хорошо понимали, что именно на таких людях зиждется уверенность каждого в успехе общего дела.

Кинь очень скучал по Кхюэ, которого не видел почти целый месяц, и ловил себя на мысли, что вспоминает о нем, как о собственном сыне. Едва завидев небольшую юркую фигурку, появившуюся в одной из заваленных ящиками траншей, Кинь громко закричал:

— Кхюэ, старина! Здравствуй, дружок, здравствуй! Как ты загорел и похудел!

Однако подходя к этой груде ящиков, Кинь вдруг растерялся: «Ведь опять скажет, что забочусь о солдатах, как мать родная!»

Но Кхюэ протянул руку к широкому кожаному ремню замполита, на котором кроме планшетки и пистолета висело несколько больших пластмассовых фляг, и сказал:

— Давайте, командир, я помогу!

— Ничего, я сам, сам! — решительно начал отказываться Кинь и заторопился: — Пошли, Кхюэ.

— Подожди немного, — предложил Кхюэ, — они вот-вот снова начнут...

Не прошло и десяти минут, как противник действительно начал бомбардировку переднего края. Пока они пережидали бомбежку и обстрел, Кинь спросил Кхюэ, получал ли он за это время письма из дому. Хотя Кхюэ не любил откровенничать, он знал, что замполит искренне интересуется судьбой его близких, да и сам Кхюэ последнее время часто думал о них: со времени начала операции он не получил из дому ни строчки. Недавно, оказавшись в одной землянке с только что вернувшимся из госпиталя командиром пехотного взвода, Кхюэ узнал, что его сестра служит в одном из медсанбатов, расположенном неподалеку отсюда, что она закончила ускоренные курсы медсестер.

Обо всем этом и рассказал сейчас Кхюэ замполиту. Устремленный в одну точку раненый глаз Киня, в котором отражались вспышки взрывов, подернулся влагой, и Кхюэ невольно подумал, что, наверное, именно благодаря этому глазу замполит обладает удивительной способностью заглядывать так глубоко в души людей.

— Старина, — тихо сказал Кинь, — многие не понимают, каким образом нам удастся в борьбе с американцами сохранять такой высокий боевой дух. Слышу и удивляюсь. Нам-то это хорошо понятно... Твоя сестра давно в армии?

— Нет, совсем недавно, раньше она была в добровольческой молодежной бригаде.

— А туда она давно вступила?

— Еще раньше, чем я в армию. Она работала в системе транспортной службы.

— Тогда девушки на Чыонгшоне были редкостью... Кхюэ захотелось перевести тему разговора, и он спросил Киня:

— Лы писал вам что-нибудь?

— Ничего! — Кинь вдруг весело рассмеялся: — Неблагодарный мальчишка!

— Можем идти, товарищ командир!

Не успел Кхюэ договорить, как Кинь стремительно поднялся, и оба, лавируя между свежими воронками и кучами поднятой снарядами земли, направились к главному ходу сообщения.

В узком, неглубоком, как борозда, ответвлении Кинь сразу узнал одну из первых траншей, вырытых их полком. Навстречу им попало несколько солдат с лопатами, и Кинь, шагая следом за Кхюэ, подумал: «Какой солдат первым вонзил в землю здесь свою лопату? Кто прорыл эти ходы и траншеи, с каждым днем все глубже и глубже вгрызающиеся в оборону врага? Где они, эти безвестные герои?»

Плотный слой тумана начал окутывать землю и уже закрыл от взора вечернее небо, но еще пробивалась сквозь пелену тумана подмигивающая зеленоватым глазком звездочка, да вдруг вспыхнул огонек одиночного выстрела в направлении вражеских заграждений. И тут же в ответ с противоположной стороны замелькали вспышки винтовочных и пулеметных выстрелов. В небе по-прежнему слышался пронзительный свист реактивных бомбардировщиков. Неожиданно, перекрывая все звуки, раздался голос громкоговорителя с вражеской базы. «Английский здесь звучит, как собачий лай из будки, — подумал Кинь. — Кто же это из американцев мрачно пошутил, сказав, что якорь, брошенный в Кхесани, теперь превратился в кусок сыра? Несколько месяцев назад Джонсон приказал своим генералам любой ценой удержать Такон. Значит, вот что такое Такон!» Мысли одна за другой замелькали в голове Киня: «Позднее наше командование направит сюда свежие, недавно укомплектованные полки и дивизии, и судьба вражеских войск будет решаться на последнем этапе операции, но все подразделения, которые здесь пройдут, пройдут по следам солдат пятого полка. Эти траншеи и окопы стали исходным рубежом для наступления...»

Вдоль бруствера валялись скрючившиеся трупы американцев, тяжелый трупный запах смешивался с густым запахом одеколona.

Прямо над нашими позициями, засеребрившись на стертых краях солдатских лопат, появился серп месяца. Кхюэ привел Киня к передней линии траншей. Из глубины вражеской обороны доносился рев моторов, а здесь раздавался тихий, размеренный шум от множества вонзавшихся в землю лопат. В темноте мелькали согнувшиеся фигуры, поблескивали каски, слышалось разгоряченное прерывистое дыхание.

— Четвертая рота! — Среди всеобщей тишины шепот Киня показался слишком громким.

— Ребята, никак, наш замполит?

— Как, молодцы, здоровы? Как воюете? Хорошо?

— Вы-то как, товарищ командир? Мы не подкачаем, уже немало америкашек подбили!

— Молодцы!

— Товарищ командир, потише говорите!

— Хорошо. Есть не хотите?

— Тише, товарищ командир, еще тише!

— Я вам тут несколько фляг с супом принес, налетайте!

Кхюэ повел Киня через позиции пехотинцев к артиллерийским батареям.

И здесь — скрежет вгрызавшихся в землю лопат. Из какой-то землянки доносились приглушенные голоса. Навстречу попалась группа солдат с лопатами. В темноте терялась земля под ногами. В сполохах разрывов зловеще зеленели лица мертвых американцев.

Услышав вой снаряда, Кхюэ накрыл своим телом Киня, затем поспешно отвел его в глубокий окоп с перекрытием. Совсем рядом заскребла о землю лопата и кто-то ругнулся:

— Кому это глаза повышибло, что прется не глядя?

— Это я, старики! Пришел вас проведать, это я — Кинь! — тут же раздалось в ответ.

6

Тхай Ван открыл следующую, исписанную мелким почерком страницу дневника Лы:

«Полночи проговорили с Нгимом около хижин носильщиков. Позади, по круто уходящему вверх горному склону, петляет дорога. Нгим — один из тех, кто проложил ее через этот глухой лесной массив. Мы только двое суток носили здесь снаряды, а группа Нгима уже почти целый месяц занимается этим. Говорит он по-вьетнамски с трудом, часто помогает себе жестами. От него за версту несет крепкой махоркой, которую мы зовем горской. Нгим молод. Ему недавно исполнилось двадцать.

Как-то раз мы вместе с ним вплавь переправлялись через небольшую речку. Когда вышли на противоположный берег, я так замерз, что у меня зуб на зуб не попадал, а Нгим выглядел бодрым, словно на него совсем не действовал холод. Он сразу же принялся есть маниоку.

— Ты женат? — спросил я.

— Да, но жены нет!

— Как же это?

— Американец забрал!

— Что ты дома делал?

— Партизанил.

Нгим казался мне тихим и застенчивым парнем. Я заметил, что его товарищи и девушки-горянки с уважением относились к нему и никогда не упускали случая перекинуться с ним словом или шуткой. Часто происходил примерно такой разговор:

— Нгим, чем ты занимаешься?

— Ношу снаряды!

— Ты хочешь в армию?

— Хочу!

— Почему же не идешь?

— Не пускают! Велят носить снаряды!

Нгим и еще несколько человек чудом спаслись во время проводившейся американцами карательной операции в населенных пунктах, расположенных вдоль живописной горной реки. Трудовой день в семье Нгима, которая проживала в селе Алау, начался, как обычно. Его отец, раскуривая трубку, чинил охотничье ружье, жена ушла к реке за водой, младшие братья еще спали, а мать хлопотала по хозяйству. Вокруг дома в поисках пищи мирно бродили куры и свиньи. Неожиданно раздался гул: по берегу реки к селу шли танки и бульдозеры. Все растерялись. Отец даже выронил изо рта свою глиняную трубку. Мать и жена Нгима, вернувшаяся с полными ведрами воды, запричитали.

Американцы и солдаты марионеточной армии, спрыгнув с танков, начали поливать бензином бамбуковые хижины. Огонь разом охватил все вокруг. Затем на деревню устремились бульдозеры и танки. Бульдозеристы, молодые парни, не переставая жевать резинку и нагло улыбаясь, ловко направляли нож отвала на деревья и дома. Тем временем взвод марионеточной армии открыл стрельбу, преграждая путь горцам, пытавшимся уйти через реку на опорную партизанскую базу. Все утро не смолкали выстрелы, завеса из огня и дыма закрывала землю и небо — американцы осуществляли план создания зоны Макнамары. Вода в реке окрасилась кровью. Громко кричали слетевшиеся вороны, черной тучей закрыв небо до самого леса.

К полудню солдаты ушли. Густой смрад стоял над селом. Нгим выбрался из зарослей прибрежного тростника и, отгоняя назойливое воронье, стал искать среди трупов своих близких, но никого не нашел. Позже он узнал, что американцы затолкали несколько сотен жителей прибрежных сел в наглухо закрытые брезентом грузовики и отвезли

всех в концлагерь, наскоро организованный у одной из дорог. Огромный район, где раньше проживали мирные жители, был обнесен колючей проволокой и заминирован. Нгим долго не знал, где его жена, но наконец после продолжительных поисков и расспросов выяснилось, что она тоже в лагере.

Мы с Нгимом несколько раз доставляли снаряды. Ходит он босиком, пятки и пальцы его дочерна загорелых ног изъедены язвами от распыляемых здесь отравляющих веществ. Берет на себя он по семьдесят килограммов и, несмотря на это, всегда шагает впереди всех, обнажая в доброй улыбке белые зубы.

Однажды Нгим сообщил мне, что его односельчане из Алау перекочевали на новое место, которое находится где-то тут, неподалеку, по дороге к скалам, и предложил на обратном пути завернуть к ним.

Он повел меня напрямик через джунгли к видневшимся вдали скалам. И что же оказалось? Мы пришли именно к тем людям, у которых когда-то побывали вместе с Каном в начале октября. Это был перевалочный пункт «К». Тогда мы с Каном, как и все остальные, кто шел здесь, направляясь на фронт, переночевали и утром, не задерживаясь, отправились дальше. Никто из нас не знал тогда о трагической судьбе этих людей.

Нгим рассказал, что, после того как Алау было стерто с лица земли, он и еще семь человек, которым посчастливилось остаться в живых, укрылись в этом глухом уголке и вырыли здесь себе землянки. С тех пор прошло уже больше года. Люди образовали кооператив и жили сообща. Многие жители нового Алау стали подносить снаряды для готовящейся операции. Жители нового Алау создали свою партизанскую группу и раздобыли американские автоматические винтовки, во время одной из вылазок взяв в плен четырех солдат марионеточной армии. Когда в этих местах появились наши первые разведчики, землянки Алау стали использоваться для отдыха солдат. Все знали о существовании пункта «К», но мало кто знал, что в нем и живут уцелевшие жители деревни Алау.

Нгим познакомил меня со своими односельчанами. Я увидел двух стариков, красивого белолицего парня, двух мальчишек и двух молоденьких девушек. Все были одеты в форму Освободительной армии. Дома-землянки с соломенными крышами наполовину прятались под землей. Самым ценным имуществом были винтовки и ящики с гранатами. Несколько месяцев назад жители деревни сбили из винтовок вертолет и таким образом раздобыли несколько ящиков консервов и пулемет.

Как-то раз Нгим спросил у меня:

— Твое село, наверное, веселее моего?

— Веселее, — честно ответил я.

Я научил Нгима азбуке, Нгим научил меня ненависти к врагу и решимости сражаться с ним. Я и раньше знал о создании «белых зон», но теперь, глядя на этих людей, я до конца прочувствовал, что это такое. Какое право имели грабители с другого конца планеты огородить колючей проволокой десятки километров земли на южном берегу реки Бенхай и превратить это место в безлюдный и безжизненный край?..

Мы остались ночевать у односельчан Нгима. Прежде чем заснуть, мы долго прислушивались к смеху и говору солдат, подходивших к пункту «К». Кто-то уронил каску. Кто-то крикнул:

— Ребята, да вот он, пункт «К».

В дверях землянки мелькнул огонек.

— Товарищи, есть тут кто? — прозвучал густой бас, и мы увидели светившего себе карманным фонариком военного с рацией на груди. За ним стояли еще несколько человек. Они с удивлением смотрели на вышедших к ним навстречу девушку и старика в военной форме. Если бы эти парни знали историю села Алау! А ведь она красноречивее всего объяснила бы, почему мы сражаемся сегодня.

* * *

Группа разведчиков артполка, выполнив задание в пограничном районе, вернулась в расположение полка. И сразу же на них навалилось множество дел: нужно было доложить о своих действиях, разобрать успехи и просчеты, отправить кого-то починить рацию и добиться получения нового аппарата. А тут, как назло, налетели журналисты из пропагандистско-просветительного отдела фронта, которым предстояло написать о разведчиках несколько репортажей.

Кан сразу же после возвращения был назначен командиром отделения. Лы получил поощрение за то, что сберег рацию. Двух бойцов приняли в партию. Теперь в их группе все стали членами партии или комсомольцами, и все они были отличными бойцами.

Через несколько дней после возвращения разведгруппы в полку появились новички — в основном новобранцы, прямо из тыла. Много горцев пришло из только что освобожденных зон или из партизанских отрядов. Отделение разведчиков, которым командовал Кан, тоже пополнилось новеньким. Им был белолицый, кровь с молоком, горец с нежной кожей, по-девичьи ярким ртом и длинными ресницами. Глядя на него, нельзя было не удивиться, как на этой многострадальной, истерзанной войнами земле мог родиться такой красавец.

Как-то раз взводный собрал всех на занятие возле шалаша кашеваров. Собрались быстро. Все были в приподнятом настроении, отдохнувшие и расслабившиеся после недавних напряженных дней. Кончились дожди, и излучина реки розовела в бледных лучах разгоравшегося утра. Вода в реке возле шалаша была замутнена, а у противоположного берега поражала своей чистотой и прозрачностью: видны были даже мельчайшие камешки на дне. У самой воды, высоко закатав брюки, на камнях сидели несколько кашеваров. Набрав воды из реки, они прямо в касках замешивали лапшу; деревянные мешалки с глухим стуком ударялись о днища железных касок.

— Совсем как в моей деревне! — весело заметил кто-то.

— Может, помолчишь лучше? — тут же одернул его взводный — высокий худой мужчина. В этот момент он размеренным голосом делал сообщение о действиях артиллеристов на первоначальном этапе операции и очень рассердился, что ему помешали.

Новенький сидел в последнем ряду, напротив Лы, и внимательно слушал, широко раскрыв по-детски удивленные глаза. Лы сидел прямо на земле, скрестив ноги и прислонив к плечу автомат. Он слушал взводного и пристально рассматривал новенького. Тот взглянул на него, и его алый рот расплылся в приветливой улыбке.

«Странно, где я мог его видеть? — подумал Лы и с удивлением заметил, как на ресницах новенького показалась слеза и скатилась по щеке. — Плачет? Почему же у него при этом такое спокойное, невозмутимое лицо? Нет, тут что-то не так. Парень изо всех сил старается сдержать себя и не может».

Причину Лы понял через несколько минут: оказывается, придя на занятие, новенький засунул в карман своего любимчика попугая, с которым никогда не расставался, и теперь тот больно клевал его. Лы как раз заметил, что из кармана брюк новенького торчат длинные зеленые перья хвоста попугая.

Занятия были прерваны появлением нарочного из штабной роты. Этот прыщавый парень славился тем, что любил делать из мухи слона.

— Товарищ командир, разрешите доложить! Ваш взвод должен немедленно выделить двух человек для выполнения спецзадания! — выпалил он.

— Что за спецзадание? Что должны иметь при себе? — спросил взводный.

— В штабе им все объяснят. Они должны взять с собой трехдневный запас риса!

Взводный приказал Кану выделить двух человек, и Кан, поднявшись и оглядев своих бойцов, решил, что пойдут Лы и новенький.

Нарочный тем временем, закатав брюки, спрыгнул вниз, к сидевшим на камнях у воды кашеварам. Над рекой вот уже в который раз разнеслось: «Совсем как в моей деревне!..» Завязался оживленный разговор о том, чем славится деревня каждого из собеседников, и каждый, естественно, из кожи вон лез, доказывая, что с его деревней никакая другая сравниться не может...

Через пару часов Лы и Моан (так звали новенького) с вещмешками за спиной уже покидали расположение штабной роты. На лесистом участке со всех сторон слышался глухой стук деревянных мешалок — повсюду готовили лапшу. В задании, которое они получили от политрука, не было ничего сложного и уж, конечно, ничего секретного, как старался это изобразить нарочный: им просто предстояло встретить фронтовой ансамбль, направлявшийся в их часть.

— Ты, случайно, не из Алау родом? — спросил Лы новенького, когда они покидали этот лесистый массив, окруженный извилистой речкой.

— Точно, оттуда! У тебя хорошая память: один раз только был у нас, а меня запомнил.

— Не знаешь, где Нгим?

— Он тоже в армии, только он ушел на два дня раньше, и я не знаю, в какой он части. Он ушел прямо из отряда носильщиков, даже в деревню не заглянул.

— А где твой попугай?

— Откуда ты про него знаешь? Вот он! — Моан показал на ветку над головой и помахал рукой; попугай тут же с пронзительным писком слетел с ветки, устроился у него на плече, и блестящий, будто выпачканный в красной краске клюв птицы замелькал на лямке вещмешка.

— На занятиях он у тебя в кармане сидел? — спросил Лы.

Моан вывернул карман и показал: подкладка была изорвана и вся в крови — попугай тогда здорово потрудился.

«Вот так терпение!» — подумал Лы, а вслух спросил:

— Ты его недавно поймал?

— Что ты! Из дому принес!

От Моана Лы узнал, что жители села Алау теперь опять перебрались на берег реки — в край белого риса, прозрачной воды, звонкоголосых

птиц и величавых джунглей. Лы не спрашивал Моана о его родных: ведь Моан был из того же села, что и Нгим. Моан сам рассказал, что после зверского уничтожения родного села его переправили на Север, где он, как живой свидетель, обличал перед лицом мировой общественности преступления американцев. Там, на Севере, Моан даже начал учиться. С восторгом вспоминал он свою встречу с Хо Ши Мином.

...Было раннее летнее утро. Вдоль посыпанной гравием дорожки, ведущей к маленькому аккуратному домику на сваях, благоухали белые жасмины и алые гранаты под сенью густых деревьев. Президент и крестьянский парень сидели за простым столом, сколоченным из бамбука. Моан рассказывал про свою деревню. Слушая его, президент несколько раз приложил к глазам платок. Когда же Моан сообщил, что оставшиеся в живых жители Алау перенесли свою деревню, организовали кооператив и сражаются против американцев, лицо Хо Ши Мина прояснилось. Затем он взял Моана за руку и повел гулять по саду. Вечером они вместе были на концерте в музыкальной школе. Моан будто попал в другой мир — мир волшебства, красок и света. Любуясь деревьями, затейливо украшенными красными и зелеными лампочками, он слушал музыку. Когда же неожиданно начал накрапывать дождь, чья-то заботливая рука раскрыла над головой Хо Ши Мина зонт. «Двигайся ко мне поближе, — сказал президент Моану, — а то вымокнешь...»

Моан до сих пор не без волнения вспоминал о своей встрече с Хо Ши Мином, о красивых ханойских улицах, о северянах, все отдающих для фронта, для победы. Слушая Моана, Лы вдруг со щемящей тоской подумал о доме. Он вспомнил дни, когда с учебниками под мышкой бегал в школу, вспомнил своих друзей из молодежной добровольческой бригады, с которыми пережил немало трудностей, и с сожалением подумал, что почему-то никого из них еще не встретил здесь, на фронте.

* * *

Два с половиной дня понадобилось Лы и Моану, чтобы добраться до района расположения тыловых служб и найти там фронтовой

ансамбль, который только что вернулся с передовой и, воспользовавшись небольшой передышкой, вел репетиции.

Со стороны залива дул северо-восточный холодный ветер. В шалашах, разбросанных возле каменистых круч, репетировали артисты. Внизу, неподалеку от невысоких каучуковых деревьев, посаженных аккуратными ровными рядами, вокруг огромных, тяжело нагруженных транспортных грузовиков мелькали фигуры шоферов в зеленых гимнастерках. Возле одной из машин возился с гаечным ключом механик. Подняв голову, он испытующе взглянул на грозившее ураганом небо и опять растянулся под машиной. Вокруг виднелись выгоревшие участки земли — следы походных кухонь стоявших здесь когда-то подразделений. Усиливавшийся ветер подхватывал и разносил по округе золу и пепел.

В одном из шалашей, прямо у дороги, репетировали танцоры под руководством уже не молодой, но все еще красивой женщины. Над головами танцующих летал блестящий мяч, напоминая о старине, слышался боевой клич, ударяясь друг о друга, звенели и высекали искры сабли. В уголке стояла девушка в гимнастерке и черных брюках. Она пела, и ветер подхватывал ее песню: «Мы идем по высоким горам Чыонгшона».

— Лы, — Моан тронул его за плечо, — заходи первый...

— Подожди, давай еще послушаем...

Лы дослушал песню до конца. «Ты все еще, мой милый, не вернулся с фронта...» Он долго стоял молча, задумчиво глядя на столб пепла и сухих листьев, поднявшийся смерчем к небу.

Крупные капли одна за другой застучали по листьям, и вот уже ливень обрушился на каменистые кручи, на ручей, на горы, на джунгли. Все вокруг закрыла сплошная пелена дождя. Лы и Моан, вымокшие до нитки, предстали перед руководителем ансамбля — худощавым мужчиной с прокуренными зубами. Лы, торопясь и смущаясь, стал шарить в карманах в поисках удостоверения, выданного политотделом. «Куда могла запропасться эта бумажка?» — раздраженно подумал он и повернулся уже к Моану, но тут обнаружил,

что держит удостоверение в руке. Все вокруг заметили его замешательство, и от этого он растерялся еще больше. Краснея от стыда, он поднял глаза и поймал на себе взгляд глубоких глаз девушки, которая только что пела. Строгая и тоненькая, она стояла среди других и внимательно смотрела на Лы, будто спрашивая: «Кто ты и где я тебя видела?» Затем она обернулась и, выглянув наружу, воскликнула:

— Какой ураган!

Долго еще потом Лы проклинал себя, удивляясь своему поведению в тот момент. Почему он так покраснел и растерялся перед этой девушкой, которую знал еще школьницей?

Артисты пригласили Лы и Моана поужинать вместе с ними. Девушку звали Хиен. Она сидела далеко, но Лы видел, что она нет-нет да и посматривала в их сторону. Однако и сейчас Лы не осмелился заговорить с ней. Его терзали сомнения: если она не узнала его при встрече и они не перемолвились ни одним словом, то, может, лучше вообще сделать вид, будто он не знает ее? Очень даже может быть, что Хиен уже не помнила ни его, ни ту встречу в многолюдном и шумном лагере школьной поры. Но он не мог ее забыть.

Ураган прекратился только ночью, и в окрестных джунглях вновь воцарилось спокойствие, ритмично застучали древоточцы, и при свете луны заблестели мокрые от дождя листья деревьев. Дома у Лы такие спокойные лунные ночи не были редкостью, но ему казалось, что никогда еще так остро не ощущал он такой удивительно прозрачной живительной свежести воздуха, как сейчас. Они с Моаном привязали свои гамаки на берегу ручья. С деревьев еще падали дождевые капли. Моан сразу же уснул. Его попугайчик, пристроившись на одной из веток, съежился, сунул голову под крыло и закрыл глаза. Его перья переливались в лунном свете. «Даже птица и та уже спит», — подумал Лы и сел в гамаке. Наверное, он был единственным, кто не спал сейчас, и его вдруг охватило чувство одиночества. Захотелось курить, и он спустился к ручью. Вода в ручье казалась совсем черной. По небу плыли редкие облака, меж ними пробивался лунный свет. Впереди, там, где небо не закрывали облака и лунный свет свободно падал на землю, отчетливо виднелась каждая былинка, каждый цветок.

Светлые блики играли на цветах и деревьях, высвечивая неровности и шероховатости древесной коры и почвы, усыпанной только что опавшими мокрыми листьями. Лы вдруг мучительно захотелось пройти по ним, этим золотым листочкам, но он отдернул занесенную было ногу, будто опасаясь нарушить очарование этого удивительного мира.

Все дни потом, когда они с Моаном вели ансамбль в свой полк, Лы был молчалив. Он не без удивления отмечал происходившие в нем перемены: после того памятного первого боя он стал более сосредоточенным, к нему будто пришла внутренняя зрелость. Что это значит? Распрощался с юностью или сразу стал стариком? Ведь еще совсем недавно, на марше, он был, как всегда, пылким и горячим. Размышляя о себе, разбираясь в новых, необычных для него ощущениях, он вдруг понял, что где-то в глубине души зреет в нем всепоглощающая любовь к жизни.

По дороге Лы стал очевидцем того, как метко стреляет Моан из винтовки: одним выстрелом, как заправский охотник, он уложил коосулю. Мяса оказалось вдоволь. Артисты ансамбля подсушили его и, прикрепив связки сушеного мяса поверх вещмешков, продолжили путь. Девушки из ансамбля смотрели на Моана с обожанием и на привалах, весело щебеча, плотным кольцом окружали его. Хиен попросила подарить ей попугайчика, и Моан в конце концов уступил ей. Хиен, которая и так выделялась среди остальных своей красотой и молодостью, теперь стала еще заметнее: попугайчик постоянно сидел у нее на плече среди густых зеленых маскировочных веток, прикрепленных к вещмешку. Она учила попугайчика говорить, и он то и дело подавал голос: «Привет, привет!» Однажды Моан нечаянно подслушал, как Хиен говорила подругам, что обязательно научит попугайчика петь песни, и подумал про себя, что певице не пристало возиться с попугаем, как с игрушкой.

Лы тянулся к людям постарше. Он любил беседовать с руководителем ансамбля и хореографом танцевальной группы. Руководитель ансамбля, кадровый военный, прекрасно знал французский и русский языки и покорила Лы своими разнообразными и глубокими познаниями: он не только хорошо разбирался в искусстве, но и отлично знал фронтовую жизнь. Женщина — хореограф танцевальной группы, —

сложив на груди красивые, с точеными пальцами руки, любила восторженно повторять: «Я счастлива, что наше искусство служит бойцам-героям!» Лы очень удивился, узнав, что у нее двое взрослых детей, и искренне посочувствовал ей, когда она призналась, что вынуждена годами их не видеть. Лы восхищался красотой рук этой женщины. Чистила ли она овощи, разжигала ли костер, держала ли палочки для еды — руки ее все делали красиво, и движения их всегда были отточенными и изящными, как в танце.

Лы и Моан благополучно доставили ансамбль в распоряжение полка. Артисты расположились на отдых после перехода и стали готовиться к первому выступлению, а отделение разведчиков, которым командовал Кан, уже получило приказ выдвинуться к переднему краю на высоту 475, расположенную западнее Такона. На этой высоте находился основной наблюдательный пункт.

Рано утром семь бойцов проверили свое снаряжение и оружие, сложили все ненужные и тяжелые вещи в одну упаковку и, сдав ее на вещевой склад, отправились в путь.

* * *

Систему наблюдательных пунктов арtpолка «Кау» вокруг таковской вражеской группировки создали еще в первые дни боев. Данные о результатах наблюдения регулярно поступали в штаб. С НП на высоте 475 велось наблюдение за юго-западной частью Такона, несколькими высотами в западном направлении и за дорогами, идущими из района дислокации неприятельских войск. Эта господствующая высота находилась очень близко от позиций противника и имела большое значение для обеих сторон. Раньше она была в руках американцев, и нам лишь недавно удалось отбить ее.

Бледно-сиреневое небо куталось в предрассветную дымку, потом с востока начинали наползать серые, постепенно светлевшие облака. Налетая друг на друга и растворяясь одно в другом, они принимали самые диковинные очертания. Первые лучи солнца, пробиваясь сквозь завесу тумана, освещали густые облака дыма, поднимавшиеся высоко над землей. Бойцы на НП каждое утро наблюдали такую картину.

Весь февраль наша артиллерия вела интенсивный огонь по Такону. Блиндажи вражеской бригады, склады и хранилища, зенитные орудия и аэродром — все это стало объектом непрекращавшихся обстрелов.

Случалось, артналеты возобновлялись каждые пятнадцать минут. «Ежедневно здесь бушует ураганный огонь, — вынуждено было признать одно из западных агентств. — Толстым слоем красной пыли покрыты груды битого кирпича, бункера, проволочные заграждения и сами морские пехотинцы. Артиллерия противника превратила Такон в пустынные красные земли, по виду напоминающие лунный ландшафт...»

Отделение Лы приступило к выполнению поставленной задачи. Почти весь первый день ушел на ознакомление с обстановкой и изучение местности. Во время смены наблюдение на НП не прекращалось ни на минуту и данные об обнаруженных целях сразу сообщались непосредственно в штаб полка. Координаты целей поочередно передавали Кхой и Лы, помогал им Моан. И хотя им приходилось безвыходно сидеть в блиндаже, Лы все же удалось выкроить время, чтобы осмотреться на новом месте.

Первое, что поразило его, — это скопление большого числа солдат из самых различных подразделений. Толком здесь никто никого не знал; здесь были и пехотинцы, и артиллеристы, и зенитчики, и солдаты из спецчастей. Лы случайно встретил даже нескольких своих знакомых. Народу здесь было столько, что казалось: останься здесь на долгое время — и то со всеми не перезнакомишься! Правда, знакомства на фронте заводились легко: молодые солдаты — а здесь все были таковыми при всей своей внешней суровости и решительности — искали общения и стремились сблизиться.

Установив рацию, Лы велел Моану поискать место для антенны. Вокруг блиндажа не было ни одного деревца, лишь голая земля да камни — все было выбито снарядами и бомбами противника. На вершинах гряды, своими очертаниями напоминавшей спину верблюда, не осталось никакой растительности, кругом лежала голая земля коричневого или красного цвета. В поисках места, где удалось бы приладить восьмиметровую антенну, Моан бродил между воронками. Неожиданно на краю одной из них, самой большой по

размерам, он увидел дверь землянки. Заглянув внутрь, Моан никого не обнаружил, но понял, что в ней кто-то обитает. Это было поистине королевское жилище: на куске белоснежного нейлона от парашюта трофейной осветительной бомбы стояли новенький жестяной бидон, продырявленный у верхнего края пулей, и американский картонный стаканчик.

На следующий день, проходя мимо этой землянки, Лы и Моан увидели в ней одиноко сидевшего бойца в брезентовой робе американских парашютистов, перепачканной в красной пыли. Давно не стриженные волосы парня порыжели от красной пыли, да и весь он с ног до головы был так измазан, будто только что вырвался из кулачного боя. Отпивая по глоточку какую-то темную жидкость из картонного стаканчика, он чистил свое оружие.

Лы, согнувшись и придерживая рукой автомат, заглянул внутрь и сказал:

— Пируем, чай распиваем?

— Здесь все есть, — уклончиво ответил парень. — Хочешь шариковые бомбы — пожалуйста, хочешь фугасные — пожалуйста, хочешь направленного действия — тоже пожалуйста. А пить захочешь — тоже пожалуйста.

— Ты один здесь? — спросил Моан.

— Один...

— А как тебя зовут? — спросил Лы, назвав свое имя.

— Хоат.

— Сколько раз проходил здесь, землянка пустая была, — сказал Моан.

— Я из зенитной батареи. А вы из артполка? Пришли своих сменить?

— Странный парень, — заметил Лы, когда они с Моаном возвращались назад, и решил как-нибудь зайти сюда, чтобы приглядеться получше, что за человек их сосед.

Как-то раз, сидя в своей землянке, Лы заметил проходившую мимо группу бойцов из зенитной батареи. Они несли тяжелые ящики со снарядами. Зенитчики на ходу что-то громко обсуждали, и Лы услышал, как один из них воскликнул: «А еще комсомолец!» Лы невольно выглянул наружу и увидел своего соседа в американской робе. Эту реплику подал он.

После этой случайной встречи Лы довольно долго не видел Хоата. Однажды ночью во время сеанса связи неподалеку от землянки радистов неожиданно разорвалась бомба, и слышимость пропала.

— Антенну порвало! — крикнул Лы, снимая наушники. Только Моан выбежал наружу, как из наушников снова донесся голос и слышимость стала хорошей. «Неужели Моану так быстро удалось все починить?» — подумал Лы, надевая наушники, но тут в проеме дверей показалась фигура соседа.

— Ну как, ребята, связь наладилась?

— Хоат, ты?! — обрадовался Лы. — Это ты антенну наладил?

— Да. — Отряхнув с одежды приставшие комья земли, Хоат вошел в землянку. — Только я к себе вернулся, как они налетели. Выглянул, смотрю — у вас все порвалось... Ну как сейчас, нормально?

— Да, садись посиди. Давай поговорим. Вот только связь кончу.

— Нет, пойду, не буду мешать.

Тогда впервые Лы почувствовал симпатию к этому «странному» парню. Вскоре они познакомились ближе, а потом стали закадычными друзьями. У Хоата вошло в привычку, возвращаясь с батареи, заглядывать в землянку к радистам. Иногда он задерживался у них подолгу и, дожидаясь, пока Лы закончит дежурство, коротал время, помогая Моану то чинить землянку, то поправлять на ней маскировку. А однажды принес Лы упаковку американских ламп для рации.

Узнав Хоата ближе, Лы нашел в нем умного, начитанного собеседника. Хоат мог хорошо читать по-русски и до армии работал в одном из научных учреждений. В свободные минуты Хоат

рассказывал о новейших открытиях в области космической науки, о строении земной коры, о формировании отдельных земных пластов. У Лы создалось впечатление, что в спокойной обстановке Хоат мог бы целый день без перерыва проговорить только о строении земли.

Однажды Хоат спросил:

— А как у вас обстоят комсомольские дела?

— Какие дела? Мы же на такие маленькие группы разобщены! — удивился Лы.

— Ну и что? Разве это может помещать?..

Лы немало удивился столь неожиданному в устах Хоата вопросу.

* * *

Хоат служил в одном из пехотных подразделений. Во время широкого наступления нашей армии на юг батальон Хоата, оборонявшийся на одной из высот северо-западнее Такона, был придан на усиление наступающим войскам. Бойцы в спешном порядке снялись с места и, захватив с собой только оружие и легкое снаряжение, тронулись в путь. Хоату же не повезло. Случилось так, что он в тот день отправился на поиски трофейных продуктов, которые противник сбрасывал своим подразделениям с вертолетов. Когда он вернулся с коробкой яичного порошка и бочонком питьевой воды, землянки уже стояли пустыми. К его под сумку был приколот клочок бумаги, где указывалось, как разыскать батальон. Хоат, схватив автомат, бросился следом, но догнать своих так и не смог: все подразделения шли форсированным маршем, не останавливаясь даже на короткие привалы. Раздосадованный и вконец расстроенный, Хоат вернулся на старое место, где уже размещалось новое подразделение, пришедшее на смену его батальону. Он пробыл там два дня.

В один из этих дней взвод американцев рискнул сделать попытку высунуться за линию заграждений, чтобы подобрать грузы, сброшенные на парашютах с транспортного самолета С-130. Хоат вместе с другими бойцами участвовал в этом бою, а потом, когда все закончилось, вернулся в тыл своей роты, где оставался лишь один

боец, приставленный для охраны вещмешков. Хоат попросил выдать ему вещмешок.

— Куда это ты решил податься? — сердито спросил боец, раздосадованный тем, что его оставили здесь, лишив возможности участвовать в боевых действиях.

— Домой, — попытался пошутить Хоат.

«Вот и отбился я от стаи», — подумал он и, вскинув на спину вещмешок, с тоской вспомнил о своем дружном, веселом взводе, с которым было столько пройдено и столько пережито.

Его угнетало еще и то, что он, как комсорг, теперь был оторван от своих комсомольцев, среди которых пользовался авторитетом и уважением. «Смогу ли я, находясь вдали от своих ребят и не участвуя вместе с ними в боях, — размышлял Хоат, — оправдать их доверие, их дружбу?..»

В конце концов Хоат решил найти самый трудный, самый опасный участок. Он направился к расположенной на высоте 475 зенитной батарее и попросил зачислить его туда. Хоату поначалу отказали, но потом все-таки взяли помощником наводчика в один из оружейных расчетов. В то время батарея понесла большие потери, и сохранившаяся часть ее личного состава находилась в безопасном месте, ожидая прибытия пополнения и новых орудий. Вскоре по мере восстановления боеспособности ее взвода стали возвращаться на прежние огневые позиции и снова вести борьбу с вражеской авиацией. Зенитчикам долго не удавалось сбить реактивный истребитель, но зато разведывательные самолеты уже не осмеливались так низко летать над районом, прикрывавшимся батареей.

И вот однажды бойцам зенитной батареи удалось наконец сбить первый реактивный самолет. Вечером вернувшийся с огневой позиции Хоат пригласил Лы и его товарищей к себе в землянку отпраздновать это событие.

— Чаек такой когда-нибудь пивали? От такого сразу проснешься! — сказал Хоат, наклоня бидон. Он восседал на полотнище

парашютного шелка, скрестив ноги, и — по всему было видно — находился в чрезвычайно приятном расположении духа.

— Что за жидкость такая черная? Совсем на чай не похожа! — полюбопытствовал кто-то.

— Кофе! — Хоат продолжал разливать содержимое бидона в бумажные стаканчики. — Знаете, здесь внизу под нами всего через каких-нибудь два-три месяца вырастет кофейная роща.

— Какой вы сегодня самолет сбили? — спросил Лы.

— Что ты спешишь, как корреспондент, которому нужно срочно дать сообщение в газете? — насмешливо проговорил Хоат. — Обрати внимание: несмотря на трудные условия, сложившиеся здесь, в районе высоты 475, мы имеем возможность побаловать себя замечательным кофе! Небось слышал, как один высокопоставленный американский журналист сказал по радио весьма презабавную фразу? Он сказал: «Высота 475 больше не существует, ее следует теперь называть высота 473!» Они, видите ли, считают, что их авиация и артиллерия выбили из-под наших ног два метра высоты!

— Вот брехня! — возмущенно крикнул боец, сидевший в углу. Отпив глоток кофе, он поморщился: — Без сахара?

— Ну и идиоты! — заметил другой боец. — Переворошить-то они землю тут переворошили, но ведь не увезли же они ее по воздуху! Вся у нас осталась!

— Ребята! — продолжал Хоат. — Я здесь, на этой самой высоте, с тех пор, когда-еще все кругом тут зеленело, и, поднимаясь сюда, приходилось с трудом прорубать себе дорогу в колючих зарослях! Знаете, чем я занимался до войны? Почвоведением! Так вот, сидя здесь, в землянке, и не предпринимая специального исследования, только по внешнему виду вон той воронки, да-да, чисто визуально, я могу вам рассказать о характере почвы высоты 475. Данные земли относятся к породе молодых земель. Остановимся пока на этом, ибо, чтобы уяснить себе, что такое молодые земли, нужно целое научное исследование. Точно так же не просто любое дело. Возьмем, к примеру, тот факт, что сегодня разведчики из артполка передали

короткое сообщение: «Сегодня нашими зенитчиками сбит неприятельский самолет». А знаете, какое множество дел стоит за этой фразой? Сколько нашему взводу пришлось для этого проделать? И сколько пришлось нам друг друга грызть, чтобы научиться умело действовать и сбить этот самолет?..

Недавно в нашей комсомольской организации меня избрали комсоргом. Я не собираюсь вдаваться ни в область теории, ни в область политики, но скажу одно: все, что происходит в небе или под землей, — все это совместными усилиями делают люди, сознательно относящиеся к своему долгу. А вот недавно у нас в батарее один парень, комсомолец, сказал, будто солдат — всего лишь песчинка на фронте. Ну как так можно думать? Наши ребята долго судили-рядили по этому поводу. Разве не хотят враги нас с землей смешать? Разве не хотят превратить нас в пыль? Они только того и добиваются, чтобы мы, вот все мы, которые сейчас представляют одно целое, стали бы такими отдельными песчинками. Да, каждый из нас — песчинка в людском океане, но вместе мы огромная сила! Сегодня, когда залетел этот «Фантом», как змей, сорвавшийся с привязи, огонь по нему открыли все пять наших зениток — разом, одновременно. Потом когда разбирали бой, мы пришли к выводу, что самолет могла бы сбить только крайняя, левая зенитка. Как вы думаете, кто был у этой зенитки? Так вот, тот самый парень, который говорил, что солдат — всего лишь песчинка на фронте. Вы вот не знаете, а мы приняли специальное решение — охранять НП как зеницу ока. Призываю вас проявить солидарность с нами. Вы также можете порадовать нас материальным поощрением, а если такового не имеется, пишите благодарственные письма!.. Да, в кофе нет сахара, ты прав, старик. Итак, кофе без сахара. Предлагаю поднять стаканы за нашу победу, победу ваших ближайших соседей — зенитчиков!

* * *

Западные радиостанции регулярно передавали сообщения о бомбардировках высот, расположенных в районе Такона, особенно высоты 475.

Бомбардировки и артиллерийский обстрел этой высоты велись круглосуточно. Маршрут для бомбардировщиков Б-52, проложенный

на высоте десяти тысяч метров, шел от дороги № 9 на северо-восток, и прилегающий к высоте 475 район на протяжении двух километров был объектом непрекращающихся бомбардировок. В дни, когда налеты авиации повторялись по нескольку раз, основной НП артполка был закрыт сплошным огнем, от которого небо окрашивалось в темно-багровые тона. В промежутках между налетами бомбардировщиков Б-52 появлялись истребители-бомбардировщики и обрабатывали цели, обнаруженные разведывательными самолетами. Бомбардировки не прекращались и ночью. Вскоре высота 475 стала напоминать штормовое море — груды развороченной земли, разбитых камней. И когда поднималось солнце, в его лучах поблескивали засеянные осколками склоны.

Высота 475 с ее тремя вершинами подходила к дороге № 9 с севера. Местоположение основного НП командование артполка меняло дважды, располагая его и на вершине «Б», и на вершине «С». В последний раз землянка радистов, имевшая Г-образную форму, успешно выдержала испытание на прочность: два одновременно разорвавшихся снаряда, один из которых угодил в перекрытие, а другой взорвался прямо перед входом, не причинили ей никакого вреда. Однако Лы все-таки контузило, и он почти совсем перестал слышать. Через несколько дней слух у него стал восстанавливаться, и он опять приступил к работе.

Как-то на рассвете Кан передал радистам по телефону координаты для вызова огня.

— Записал, Лы? — нетерпеливо спросил он.

— Записал!

— Ты теперь слышишь? Передавай скорее! — Еще никогда Кан так нетерпеливо не понукал кого-нибудь.

Лы включил рацию и вдруг весь покрылся холодным потом: в эфире от глушителей неприятеля стоял невообразимый шум. Наконец после долгих усилий Лы, переходя с волны на волну, все же сумел прорваться через плотную стену помех и связаться со штабом. Как стало известно потом, противник выдвинул к переднему краю роту

радиопротиводействия и намеревался нарушить нашу связь. Однако бойцы из боевого охранения своевременно обнаружили врага и с помощью артиллерии заставили его отказаться от этой попытки.

Первое время Лы никак не мог привыкнуть к службе связиста и очень злился, что, находясь на передовой, на самом ответственном участке фронта, он вынужден все время проводить в землянке, где стены и земляной пол постоянно сотрясались от взрывов. Но теперь он свыкся со своими обязанностями и даже нашел для себя развлечение в регулярном прослушивании работающих в эфире радиостанций. Лы хорошо изучил радиообстановку и, когда до него доносились размеренный и спокойный, даже чуточку медлительный голос, обычно сообщавший на низких волнах примерно в девять часов утра какие-то цифры, или мягкий голос, почти шепотом произносивший слова: «На поле много ароматных цветов, на поле много ароматных цветов...» — мог сразу безошибочно сказать, кто ведет передачу. Лы часто был свидетелем горячности некоторых молодых радистов, которые, забывая о правилах работы, вступали в перебранку с вражескими связистами. «Убирайся с моей волны!» — «И не надейся, вьетконговец!» — «И ты еще говоришь по-вьетнамски, собака?!» — «Да, я вьетнамец, но только из свободного мира!» — «Заткнись, лижешь американцам пятки, наш язык поганишь!» — неслось в эфире.

* * *

Уже почти полмесяца разведчики находились на высоте 475. Даже на этом огненном клочке земли иногда выдавались лунные ночи. Вот и сейчас, после очередной бомбардировки, сквозь окутавший высоту дым проглянул тонкий, изогнутый, как удивленно приподнятая бровь, лунный серп. Лы вспомнил сразу ту лунную ночь, когда он, сопровождая ансамбль, долго не мог уснуть от нахлынувших на него чувств. Такая же лунная ночь была и в прошлом году во время ночного марша. Казалось бы, ничем не примечательная картина: бледно светил серп луны, и на этом слабом фоне выделялся силуэт невысокой покосившейся сосны. Лы шагал вместе со всеми. Мелькали стволы винтовок, покачивались железные каски, а Лы, будто никогда не видевший ничего подобного, заморожено любовался сосной, озаренной луной. Было до слез жалко, что с каждым шагом эта сосна отдалялась все больше...

Думая о Хиен, Лы вспоминал, как был влюблен в нее еще в шестнадцать лет. Она училась в другой школе и была на два класса младше. Впервые они встретились в летнем лагере, куда на каникулы приехали отличники учебы со всей их области. Ребята жили в роще на самом берегу моря. В лагере было весело и шумно от звонких ребячьих голосов. Восторженно кричали самые маленькие обитатели лагеря, впервые увидевшие море. Они наперегонки бегали в роще и по пляжу, а старшие прогуливались чинно, рассуждая о будущем.

Лы вместе со всеми часто бродил по пляжу и искал моллюсков. У самой кромки воды, там, где склон горы подходил прямо к самому морю, находилась небольшая площадка, заваленная огромными темно-зелеными от облепивших их ракушек камнями. На третий день здесь устроили концерт самодеятельности. Хиен пела. Она была в белой блузке с квадратным вырезом. Блузка была немного великовата ей, будто Хиен взяла ее у старшей сестры. Когда Хиен пела, на виске у нее напрягались голубые жилки, блестели мокрые от пота прядки волос. У нее был довольно суровый вид, но Лы показалось, что она очень волнуется, и ему вдруг стало почему-то жалко ее. Его тронула искренность Хиен, отсутствие рисовки и какая-то незащитность, сквозившая во всем ее облике. Лы тогда неожиданно для самого себя вдруг со всех ног бросился к большаку, где стояло несколько харчевен, крытых соломой. Школьники уже плотным кольцом окружили высокого толстого старика, приехавшего на велосипеде с двумя вместительными термосами с мороженым. Лы, не обращая внимания на возмущенные крики, протиснулся вперед и купил десять порций мороженого. Когда он прибежал обратно, чтобы протянуть Хиен палочку с золотистым мороженым, она сидела на большом камне, облепленном ракушками. Хиен с радостью принялась за мороженое, а потом озорно бросала палочки в море, прямо в белую пену волн, время от времени поворачиваясь к черноглазому парню, молча сидевшему рядом. «А ты почему не ешь? Что ты так на меня смотришь?» — спросила она. Лы и сам не знал, как он на нее смотрел, но, глядя в ее чистые глаза, он понимал только одно — она хорошая, добрая, искренняя. Видимо, поэтому он не мог спокойно дослушать до конца ее песню, чуть грустную, идущую из глубины сердца. После ее вопроса он засмутился и не осмеливался больше поднять глаз. Взяв

маленький ножик, он срезал у нее из-под ног ракушку, раскрыл и протянул ей...

Лы вспомнил еще один эпизод. Ватага ребят на берегу толпилась у джонки, которую только что закончили строить и сейчас собирались спускать на воду. Тонкий продолговатый нос джонки четко вырисовывался на светлом песке, темнело просмоленное днище. Голые по пояс рыбаки, поглаживая руками свежеструганное дерево бортов, что-то восторженно кричали школьникам. Лы и Хиен тоже побежали к морю. Джонка, рассекая белые гребни волн, вошла в воду. Лы, Хиен и другие школьники, мокрые от брызг, стояли у самой кромки воды и смотрели, как покачивается на пенных гребешках новая джонка...

Увидев Хиен в ансамбле, Лы сразу же вспомнил обо всем этом и в нем мгновенно проснулось то первое чувство. Из неловкой, худенькой школьницы Хиен превратилась в солистку фронтового ансамбля. Он до сих пор хранил в душе образ девочки в широкой, не по размеру, белой блузке с квадратным вырезом и голубыми жилками на виске, напрягавшимися во время пения. Он спрашивал себя: когда эта девочка успела вырасти и чем отличалась эта Хиен от прежней? Наверное, она и сама не ответила бы на этот вопрос. Лы по-прежнему любил ее, хотя и стал теперь совсем другим человеком. Сквозь огонь сражений он пронес свое затаенное чувство к ней. Хиен стала его песней. Слушая Хиен, выступавшую перед бойцами, Лы вспоминал ее первую песню, спетую в пионерском лагере, и невольно сравнивал. Да, теперь это была профессиональная певица. Но осталась ли она такой же искренней, как раньше?..

Артисты, разделившись на группы, отправились на позиции артиллеристов. И только разведчикам политотдел сообщил, что не может послать к ним артистов, хотя те сами вызывались идти на высоту и даже выделили для этого специальную группу. Было решено, однако, что ансамбль сделает несколько выступлений по радио с таким расчетом, чтобы все бойцы, находившиеся на высоте 475, смогли поочередно в определенные часы послушать этот концерт.

Как-то в полдень небольшая группа разведчиков, саперов и зенитчиков в ожидании концертной передачи собралась в землянке

радистов. Бойцы спокойно расселись вдоль стен, закурили и начали громко переговариваться, приставляя рот вплотную к уху соседа. Здесь, на высоте, все уже давно привыкли к такой манере разговора, поскольку от постоянных артобстрелов и бомбежек многие бойцы стали плохо слышать. Обычно, встречаясь в траншеях или у дежурного, куда ходили за водой, они кричали или просто улыбались друг другу, а приходя на совещание, здоровались кивком или хлопали друг друга по плечу и, смущаясь, старались сесть поближе к выступавшему. Сложнее было, если встречались сразу двое или трое. Тут уж, как говорится, судачили «дед о курах, а баба об утках», а когда наконец соображали, о чем идет речь, то каждый, показывая на другого пальцем, покатывался со смеху.

Оставалось несколько минут до начала радиоконцерта. Лы и Моан еще продолжали работать, остальные перебрасывались шутками. Какой-то сапер, не теряя времени, уселся у порога на корточки и старательно сверлил дырки в бамбуковой трубке, мастера себе дудочку. Двое зенитчиков в углу, привалившись друг к другу, дремали.

Лы уже готовился перейти на волну связи с ансамблем. Он заметил, что парень, сидевший у порога, взглянул на него с улыбкой и кивком головы спросил, скоро ли начнется. Лы кивнул в ответ и обвел глазами собравшихся бойцов. Какими прекрасными и какими родными показались ему эти восемнадцатилетние парни с пропыленными, порыжевшими от висевшего в воздухе краснозема волосами, с заострившимися лицами и глубоко ввалившимися глазами!

Из наушников донесся знакомый хриловатый голос руководителя ансамбля:

— Здравствуйте, товарищи!

— Они? — тихо спросил Моан, передавая трубку Лы.

— НП-1 слушает! — сказал Лы. — Мы уже собрались. Здравствуйте, товарищи!

Он приладил наушники и разбудил двух задремавших зенитчиков. В землянке послышался чистый и звонкий женский голос:

— Дорогие товарищи! Сегодня наши песни будут звучать для вас. Слушайте нас, дорогие наши герои!

На лице Лы появилась смущенная добрая улыбка; он будто видел, как где-то там, далеко, перед такой же рацией, стоит женщина-хореограф, сложив на груди красивые точеные руки, а за ее спиной — Хиен, которая готовится петь для всех, кто сегодня собрался здесь, и для него.

7

После взятия Кхесани нашими войсками Комитет освобождения поручил старому Фангу агитировать население, согнанное в «стратегические» деревни, возвращаться в освобожденную зону. Каждую ночь, проводив очередную группу к своим, старик вспоминал о сыне, оставшемся в Таконе, вспоминал с горечью и ненавистью, и все же в глубине его души нет-нет да и шевелилась жалость.

Новая жизнь продолжала свой стремительный бег, подобно бурлившему через пороги, не знающему устали горному потоку. По всем тропам в окрестных джунглях вот уже больше месяца нескончаемым потоком двигались горцы, возвращавшиеся в родные места. В основном это были женщины и дети. И во главе каждой такой группы постоянно шествовал высокий, суровый, молчаливый старик, с неизменной глиняной трубкой в зубах, в защитной форме Освободительной армии и с американским брезентовым подсумком на плече.

Поднимались одно за другим новые села. Над горными склонами, выжигаемыми под поля, клубился сероватый дымок, часто смешиваясь со зловещим облаком от взрыва бомб. Однако новая жизнь пускала корни, и новые зерна, брошенные в горное поле, обещали дать урожай. В наспех построенных домах вокруг теплого очага уже собирались семьи...

...В середине марта в Комитет освобождения привели бывшего солдата марионеточной армии, вернувшегося в родное село в районе Копланга. Худощавый, низкорослый, с маленькими муравьиными усиками на лице, он сидел на длинной скамье, сколоченной из двух

бревен, и курил здоровенную трубку, а его мать, дряхлая и оборванная старуха, не посмея войти, осталась на улице и пристроилась прямо на земле, поблизости от входа, под большим деревом. Черные, скрюченные ее пальцы то теребили цепочку, висевшую на шее, то сами собой складывались в молитвенном жесте.

Старый Фанг смотрел на густые жесткие волосы сидевшего перед ним парня, который, не переставая, грыз мундштук трубки.

— Где ты служил?

— В Таконе.

— Взят в плен во время вылазки?

— Так точно.

— Нашим солдатам все сказал, что знал?

— Да, все.

— Зачем грызешь трубку? Или жуешь что?

— Привычка такая, резинка жевательная во рту, — скривился в улыбке солдат.

— Выплюнь-ка эту американскую дрянь и разговаривай со мной по-человечески! — сердито сверкнул на него глазами Фанг. — Отвечай, намерен человеком стать или нет?

Старый Фанг невольно начал злиться. Старуха, сидевшая перед входом, поспешно сложив ладони у лица, стала отбивать поклоны и, едва волоча тело, подползла к старому Фангу, с плачем кланяясь в пол: бедная женщина, видимо, решила, что старик комитетчик бросит ее сына в тюрьму.

Старый Фанг принял ее, усадил на скамью рядом с сыном и, чтобы успокоить женщину, сказал, что у него самого сын служит в марионеточной армии и сейчас находится в окруженном Освободительной армией Таконе. Постепенно выяснилось, что солдат знал Киема: он служил вместе с ним в роте, входившей в состав

передового охранения американской базы в Таконе. Они стояли вплотную к линии заграждений, но потом его как «потерявшего боевой дух» перевели в другую часть, и он потерял Киема из виду. О сыне старого Фанга солдат говорил с большим уважением, рассказал, что тот получил звание старшего сержанта, что американцы доверяют ему и часто посылают за линию заграждений разбрасывать мины и добывать сведения о противнике, что в последнее время ходили слухи, будто он получил под свое начало взвод. С того дня старый Фанг стал еще мрачнее. Все чаще сидел он в полном одиночестве, и ему ничего не стоило теперь без всяких видимых причин прийти в сильное раздражение. Однажды он велел Сию испечь рисовых лепешек и, взяв охотничье ружье и трофейный подсумок, стал собираться в дорогу.

— Куда вы, отец? — встревоженно спросила Сием.

— Иду в Такон, ответ спрашивать с Киема, — ответил старик. — Если кто будет интересоваться, можешь сказать, что я в Таконе.

* * *

Старого Фанга и замполита Киня дважды сводила судьба. Впервые Кинь встретился с ним, когда после прибытия полка в эти места он посетил Лыонга и его разведчиков. Замполит сразу обратил внимание на необычного, очень высокого старика горца, одетого в тесную для него армейскую гимнастерку. Позже, когда ему рассказали о Фанге, Кинь поспешил лично познакомиться с этим замечательным человеком и не удивился, что именно он помог Лыонгу бежать из тюрьмы. Беседуя со стариком, Кинь узнал о его тайной боли и проникся к нему глубоким состраданием. Несчастье Фанга как бы высветило для Киня его собственное отцовское счастье, и теперь Кинь регулярно справлялся о старике, да и старый Фанг каким-то внутренним чутьем понял, что этот человек ему ближе других.

* * *

...Уже заходила луна, когда Кинь и Кхюэ заканчивали обход позиций на главном направлении. Добравшись до пехотного взвода, они от первых же встреченных ими солдат узнали, что люди, рывшие подкоп

под линией заграждений, задержали вражеского солдата, переодетого в форму бойца Освободительной армии. Он прятался в мусорной яме.

Кинь решил взглянуть на него, и заместитель командира роты поспешил привести пленного. Каково же было удивление замполита, когда в задержанном он узнал Фанга. Кинь тут же приказал развязать старика и, взяв его за руку, повел в командирский блиндаж.

— Фанг, вы меня узнаете? — спросил он. — Как вы оказались в этой яме?

— Узнаю, — грустно ответил старик. — Я, замполит, пришел в Такон искать сына.

Кинь понимал горе старика, хотя и не мог до конца постичь необходимость столь странного замысла. Фанг, как обычно, выглядел здоровым и крепким. Правда, у него был усталый вид и кожа от постоянных туманов стала еще более морщинистой.

— Вы давно там прячетесь?

— Со вчерашнего дня.

— Простите, а как вы хотели пройти туда? И что бы стали делать, встретив его?

— Ползком хотел сегодня вечером пробраться... Я заставлю его вернуться домой.

— А если он не захочет?

— Тогда получит сполна прямо у них на глазах!

— А если б вам не удалось туда дойти? Или если бы они схватили и расстреляли вас?

— Умер бы, вот и все, — равнодушно ответил старик.

— Вы ведь знаете порядок. Почему не сказали нашим бойцам, когда пришли сюда?

— Это дело семейное. Солдаты пусть делают свое дело, а со своими заботами я сам справлюсь.

Он сидел, скрестив ноги, прямо на земле, прислонившись к стене блиндажа, и спокойно, с достоинством отвечал. Кинь смотрел на огромную фигуру старика, на его суровое лицо, на котором сейчас проступила вся отцовская боль. Кинь знал, что никакие утешения тут не помогут, и все же, подбирая слова, постарался убедить старика, что излишняя горячность в этом деле только повредит, что его намерение найти сына в этой ситуации крайне опасно и что сейчас главное — разгромить американцев. Это общее дело всех, и перед громадой этого общего дела должны отступить все частные, личные дела. Кинь просил старика вернуться к себе и продолжать агитировать горцев переходить из «стратегических» деревень. Судьбу же Киема и других, подобных ему солдат марионеточной армии, которые с оружием в руках еще служат врагу, будет решать Освободительная армия.

Через несколько дней Кинь вернулся на КП полка. Теперь большую часть времени они с Няном отводили подготовке плана захвата Такона. Кинь был занят всевозможными делами и совещаниями, так что полученное им письмо из дому пролежало в кармане без ответа несколько дней.

«Здравствуй, отец. Здоров ли? — писала жена. — Заезжал к нам один товарищ с фронта, говорил, что ты вместе с Лы в Кхесани, в одном будто полку. Дома все спокойно, работаем для фронта, для победы. Чи посылают учиться за границу, бумага пришла. Кинь, о доме я позабочусь, а ты постарайся уделить внимание Лы. Передай, что скучаю я по нему. Будьте оба здоровы, бейте врага как следует».

Кинь несколько раз перечитал короткое, как телеграмма, письмо жены на вырванной из школьной тетрадки страничке и, смеясь, сказал Няну, что, с тех пор как они поженились, жена написала ему писем семь, и каждое предельно лаконичное. Причем писала она только тогда, когда он находился на фронте. Если же Кинь уезжал надолго по каким-то другим делам, писем, сколько бы он ни задерживался, не писала. В старину бытовало поверье — писать мужу можно только на войну, и Кинь в перерывах между боями читал эти неровные, по-детски

неумело написанные женины строчки. Никогда в своих письмах жена ни на что не жаловалась, стараясь ничем не тревожить Киня.

У них было пятеро детей. Два сына росли совсем не похожими друг на друга. Старший был аккуратным, точным, ничего не делал просто так, не взвесив заранее; младший же, очень смысленный, был отчаянным и неаккуратным и в детстве переломал и перебил немало вещей. Кинь припомнил рассказ жены о том, как Лы после своего появления на свет пролежал два часа на бамбуковой скамейке, не подавая голоса. Тогда один из стариков родичей вытащил за руку из соседней комнаты старшего и за что-то крепко отшлепал его. Лы, услышав, как ревет старший брат, тут же залился плачем. По старинным приметам выходило, что мальчик станет воином.

Кинь дал Няню почитать письмо жены, а заодно и длинное, обстоятельное, на четырех страницах, письмо от Чи, старшего сына, который теперь уже, наверное, был далеко от родных мест. Среди всего прочего Чи писал:

«...Несколько дней перед отъездом удалось пробыть дома. Завтра отправляюсь на пункт сбора студентов, едущих учиться за границу. Бомбить у нас стали меньше. Говорят, потому, что враг концентрирует свои силы в Кхесани. Новый год на этот раз отмечали только один день, потом все вышли в поле. Известие об успехах всеобщего весеннего наступления очень воодушевило людей, все стараются работать еще лучше. В нашем районе ведут хозяйство еще не на научной базе, от этого все огрехи. Использование рабочей силы тоже пока не планируется, и в этом деле много расточительства. Отец, все это время я принимал непосредственное участие в работе нашего сельхозкооператива и никогда не забуду, с какой самоотверженностью трудились наши односельчане, никогда не забуду тех трудностей, через которые прошли они в эти годы. Дома я пробыл пять дней и в каждый из них по два раза выходил вместе с мамой в поле. Наверное, теперь я не смогу ездить домой на каникулы. Вернусь только после окончания учебы. Я уже сказал об этом маме. С тех пор как началась операция в Кхесани, мы регулярно слышим о наших победах и всякий раз вспоминаем о тебе и Лы. Интересно, где ты читаешь мое письмо — в командирском блиндаже или в траншее? Я уезжаю, так и не повидав ни тебя, ни брата. Мы, все, кто едет учиться, понимаем,

что это необходимо для нашей страны. Я обещаю жить и учиться так, чтобы быть достойным тех, кто сражается на фронте. Я никогда не забуду моих сверстников, тех лучших представителей моего поколения, которые с оружием в руках защищают нашу отчизну...»

* * *

Незадолго до того как Кинь получил письмо из дому, он узнал, что Лы находится на высоте 475. Большая половина их 5-го полка сейчас расположилась у подножия этой высоты.

Телефонная связь с Лыонгом часто нарушалась. Когда она была восстановлена, Кинь попросил своих разведчиков соединить его с НП артполка, чтобы поговорить с Лы.

— Вы из какого подразделения? — спросил чей-то деловитый голос на том конце провода, едва их соединили.

— Из пятого хозяйства, — ответил Кинь. — У меня личное дело к товарищу Лы.

Телефонист с НП, услышав сильный диалектный акцент, видимо, догадался, кто звонит, и тут же закричал в трубку:

— Подождите, пожалуйста, товарищ командир, я сейчас сбегая за Лы.

Кинь терпеливо ждал, не отнимая трубки, пока раздавшийся в ней легкий щелчок не подсказал ему, что связь вновь нарушена.

Телефонная связь с НП артполка «Кау» стала предметом особой заботы Няна. В предстоящих боях командир полка намеревался обеспечить эффективную артподдержку пехоте, а связь с артиллеристами никак не удавалось сохранить невредимой. Обсудив все с начальником штаба, Нян поручил Кхюэ лично обеспечить эту телефонную линию и дал ему двое суток на выполнение этой задачи. Кхюэ тут же принялся за дело. Он изучил обстановку на месте и затем вызвал в штаб полка помощника командира взвода, отвечавшего за связь с высотой 475.

К Кхюэ явился связист с перебинтованными головой и рукой. Он вошел не без затаенной гордости, всем своим видом будто говоря: «Смотри, я только что с передовой». Помощник командира взвода сел на телефонный кабель, сложенный перед штабным блиндажом, старательно сделал самокрутку, не спеша закурил ее и наконец, взглянув на Кхюэ, спросил:

— Нянь, наверное, сильно ругает нас?

Кхюэ разложил перед ним карту, и в его острых глазах мелькнула усмешка.

— Ошибаешься, он орден тебе готовит!

— Хватит, парень, ты сам у нас побывай, тогда поймешь, что это за линия связи. Не так-то просто обеспечить ее, как ты думаешь, сидя здесь.

— А я ведь правду сказал. — Лицо Кхюэ стало суровым. — Что бы там ни было, а это действительно самая тяжелая линия. Скажи-ка, в чем вы испытываете наибольшие затруднения?

— В людях. Я просил подкинуть нам еще пять человек.

— Сейчас у вас сколько осталось?

— Со мной — трое.

— Я доложу, чтобы вам добавили людей, — ответил Кхюэ, — причем таких ребят, которые уже в боях побывали, обстрелянных. Но только ровно столько, сколько нужно, чтобы создать две надежные группы для устранения повреждений на этой линии... Что еще?

— Еще вот это. — Помощник командира взвода показал на обгоревший во многих местах телефонный провод, висевший перед блиндажом.

— Знаю, — не глядя кивнул Кхюэ. — Отправьте бойцов собрать трофейный. Я видел, на дороге номер девять очень много валяется брошенного американцами кабеля. Поискать только надо.

— Значит, не дадите?

— Если бы был — не пожалел бы, — примирительно сказал Кхюэ. — Ну, а еще что? Наверное, скажешь, что враг сильно бьет?

— А ты как думал? — сердито буркнул связист.

— Я пойду с вашими бойцами, — спокойно проговорил Кхюэ. — Поищем участок, по которому можно было бы с большей гарантией проложить телефонный кабель к высоте 475. Видимо, протяженность увеличится по сравнению с прежней, зато у нас будет меньше повреждений.

Помощник командира взвода залился краской и, взглянув на Кхюэ, недоверчиво спросил:

— С нами пойдешь? И когда же это?

— Сегодня в семь вечера. Подходит? Я уже несколько вечеров подряд делаю такие вылазки, прикидываю, как и что. Проведу вас, посмотрите, подходящее ли место я нашел.

Нян вместе с начальником штаба нетерпеливо ждал результатов работы Кхюэ. Прошли ночь и целый день. Наконец было получено сообщение Лыонга: «Группа связистов во главе с Кхюэ достигла высоты 475, но связь снова прервана».

На второй день, когда рано утром Нян и Кинь проводили летучку, в блиндаж с грустным видом вошел начальник штаба и сказал:

— Кхюэ погиб!

Нян и Кинь разом повернулись к нему.

— Откуда сообщение? — спросил Кинь.

Начальник штаба вынул из кармана и протянул им солдатскую книжку и несколько бумаг, принадлежавших Кхюэ.

— Кто-то из саперного батальона нашел у высоты 475. Погиб от разрыва бомбы. Его похоронили, а бумаги и личные документы прислали в часть.

Нян свернул бумаги вместе со схемой, на которой красной звездочкой обозначалось место могилы, положил их в свою планшетку и, повернувшись к начальнику штаба, сказал:

— Прикажите командиру роты связи немедленно отправить группу для устранения повреждения в телефонной линии у высоты 475. — Затем, стараясь сохранять спокойствие, продолжил летучку.

Кинь не пошел обедать. В этот день приехал работник из политического управления фронта, и замполиту полка пришлось долго заниматься с ним. А потом Кинь отправился на берег ручья и долго бродил там в одиночестве, заложив руки за спину и сосредоточенно о чем-то думая. Киню хотелось отвлечься от грустных мыслей и потому, встречая кого-то из бойцов, он перебрасывался с ними лишь парой фраз...

Устав, Кинь вернулся к себе и сел перед землянкой. Когда-то Кхюэ вырыл ее специально для Киня. Замполит понимал, что много бойцов полегло, выполняя свой священный долг, и все же никакие доводы не могли его утешить: слишком он любил Кхюэ и по-отечески был привязан к нему.

Всю ночь Кинь не мог сомкнуть глаз. Погиб Кхюэ... Сколько бы он мог еще сделать, этот парнишка, останься он жив! Но разве все остальные юноши, которые окружают Киня здесь, на фронте, не такая же надежда страны? Разве они не столь же смелы и талантливы? Ведь именно об этом и писал Чи, его старший сын, который сейчас уехал учиться за границу.

Лишь под утро замполит немного вздремнул. Его разбудил грохот разорвавшейся неподалеку бомбы. Перекрытия заходили ходуном, и тут же пронзительно задребезжал телефонный звонок.

Кинь приложил к уху холодную телефонную трубку и хриплым голосом ответил:

— Кинь у аппарата. Кто говорит?

— Это Кхюэ! Товарищ замполит, говорите с Лы!

От неожиданности Кинь сел. Руки его дрожали, ноги стали будто ватными. Еще немного — и он уронил бы телефонную трубку.

— Кхюэ, это ты? В самом деле ты? — волнуясь, несколько раз переспросил Кинь.

— Я, Кхюэ, — спокойно подтвердили на том конце провода. — Товарищ замполит, соединяю вас с Лы. Он на высоте 475.

— Кхюэ, сынок, подожди! — закричал Кинь. — Кхюэ, послушай! Мы же с Няном получили известие о твоей гибели, нам передали все твои бумаги!

— Утка, товарищ замполит! — засмеялся Кхюэ. — Я живой! Сижу в блиндаже у Лыонга! Товарищ замполит, говорите с Лы, он волнуется...

— Отец, здравствуй! — отчетливо прозвучал такой родной и в то же время какой-то незнакомый голос сына. Киню сначала даже показалось, что откуда-то издали сейчас с ним разговаривает просто какой-то боец, а не его сын. Кинь впервые слышал звонкий голос Лы после последней встречи на марше.

— Как там у вас, сынок?

— Ничего, отец, хорошо живем! Как ты?

— Все шутишь! От тебя толком ничего не добьешься!

— Правду говорю, отец! Вот только что праздник устраивали!

— Какой еще праздник?

— Наши ребята, разведчики, пели и стихи читали по радио артистам ансамбля!

— Помни, сынок, что мы сейчас разговариваем с тобой по телефону благодаря тем ребятам, которые, рискуя жизнью, под ураганным огнем проложили этот телефонный кабель...

— Знаю, отец, ты мог бы мне этого не говорить. Там, где я сейчас нахожусь, нет ни одного клочка земли, где бы не застрял осколок...

— Выходит, хвастаешь, что ты на самой горячей точке? Ну что ж, это верно, так оно и есть! Трусам на высоте 475 не удалось бы удержаться! Как, есть еще силы продержаться немного?

— Будь спокоен! Мы здесь ко всему привыкли, бомбами и снарядами нас не запугать. Если б вот еще провианту побольше дали, так совсем было бы райское житье!

— А сколько у вас в день на брата положено? — спросил Кинь.

— Да вот давно уже получаем только по четыреста граммов.

— Ну, четыреста — это хорошо, вполне достаточно.

Наши прадеды не так воевали! Лы, тут мать письмо прислала.

— Для меня есть что-нибудь?

— Пишет, что очень по тебе скучает! Я пришлю тебе ее письмо и письмо Чи. Ладно, поговорили, и будет. Давай работай. Передай своим, что пятый полк шлет приветы железным бойцам высоты 475, слышишь?..

8

Кхюэ сидел, прислонившись спиной к стене блиндажа. Рядом дремали телефонисты.

Разглядывая курчавые дымные следы осветительных ракет на постепенно бледневшем небе, Кхюэ слушал разговор замполита с сыном и, улыбаясь, думал: «С собственным сыном разговаривает так же, как стал бы говорить с любым бойцом». Примерно так же разговаривал Кинь и с Кхюэ, когда тот с громоздким вещмешком на плечах впервые предстал перед замполитом, готовясь в ординарцы.

Из окопов боевого охранения в блиндаж ползком вернулись Лыонг и еще один разведчик. Соскребая ножом приставшую к рукам гимнастерки грязь, Лыонг стал расспрашивать Кхюэ о том, как они установили телефонную связь.

— Значит, там решили, что ты погиб? — с улыбкой переспросил он.

— Этот парень, связист, только что из дивизии прибыл, — пояснил Кхюэ. — У него все было рваное, и я ему свою одежду дал, а второпях не вынул из карманов документы. Его, кажется. Аном звали, невысокий такой, смелый был парень...

В этот момент Кинь и Лы закончили разговор, и Кхюэ протянул трубку Лыонгу:

— Поговорите с командиром НП-1.

— Ты лучше знаешь замысел Няна. Ты и разговаривай, — после некоторого колебания решил Лыонг.

Кхюэ вызвал командира НП-1, и они обсудили план совместных действий группы разведчиков Лыонга и его бойцов. Затем Кхюэ еще раз напомнил о том, что вызывать огонь следует только по требованию их полка. Командир НП-1, согласившись с этим, все же выразил сомнение, уполномочен ли его собеседник давать такие указания.

— Вы ведь как будто еще не начальник штаба пятого полка?

— Я помощник его, — подчеркнул Кхюэ, — а задачи артподдержки определены штабом фронта и разосланы командирам всех полков. Моя обязанность лишь напомнить вам об этом, чтобы наше взаимодействие было четким.

Лыонг внимательно слушал его, стоя рядом, и изумлялся тому, как быстро Кхюэ освоился в новой должности и как он вырос.

— Как ты думаешь, — спросил Лыонг, — бесперебойную работу линии связи, которую только что проложили к артиллерийскому НП, можно будет обеспечить до начала наступления?

— Думаю, что на этот раз телефонисты не подкачают. Мы проложим кабель по другому направлению. Правда, этот путь вдвое длиннее, зато надежнее. Вообще-то, — добавил Кхюэ после некоторого раздумья, — обеспечение этой линии входит в обязанности артполка. Ну да ладно, мы, пехота, всегда от артиллеристов зависим, а вот они от нас — не особенно, так что приходится с этим считаться.

«Ну и парень!» — подумал Лыонг. Трудно было поверить, что каких-нибудь несколько месяцев назад Кхюэ был всего лишь командиром отделения в его разведроте. «Быстро растет, — отметил Лыонг. — Поглядишь на него — вроде ничего особенного, обычный парнишка, а ему, оказывается, самое трудное дело по плечу...»

— Тебе сколько в этом году исполнилось? — как-то спросил он Кхюэ, когда они вместе лежали на позиции.

— Двадцать.

— Ну, парень, к двадцати пяти быть тебе командиром полка!

— Это с чего бы? Все шуточки шутите...

— Какие шуточки? Точно говорю!

Теперь их разговоры в основном касались служебных тем, и они реже, чем раньше, откровенничали друг с другом.

Кхюэ знал, что мысли Лыонга занимает женщина, к тому же замужняя. Кхюэ видел ее тогда у складов. Она ему понравилась, да и все разведчики в один голос признали, что во всей Кхесанской долине не сыщешь больше такого «цветочка». Это несколько задело самолюбие Кхюэ. С тех пор как они оказались на передовой, Кхюэ ни разу больше не напоминал Лыонгу о своей сестре, и, хотя теперь он точно знал, где она, он не счел нужным говорить об этом Лыонгу. Кхюэ очень хотел повидать сестру, но он боялся, что при встрече — а он хорошо представлял себе эту картину — сестра, как это водится у женщин, начнет плакать, и ему снова придется рассказывать обо всем, что случилось дома. Нет, он не в силах вынести это море слез, которое обрушится на него, едва лишь сестра узнает о постигшем их горе, а рассказать об этом ей придется обязательно. И Кхюэ совсем не

уверен в том, что Нэт относится к девушкам, которые умеют не плакать.

Все это удерживало его от посещения сестры, хотя 25-й госпиталь находился совсем недалеко, в дне ходьбы.

И все же не думать о сестре он не мог. Какая-то щемящая нежность к ней, такой доброй, мягкой, такой заботливой, какой помнил ее Кхюэ еще по дому, постоянно согревала его душу. Нэт была старшей в многодетной бедной семье. Кхюэ часто вспоминал, как она приехала в отпуск из молодежной добровольческой бригады. Ее приезд совпал с первой бомбежкой. Бомба снесла полкрыши. Комнатки с детскими кроватками уцелели и теперь стояли озаряемые луной. Где-то в полночь Кхюэ увидел у своей постели фигурку в ноне{24}, в черных брюках и матерчатых башмаках.

«Нэт, Нэт вернулась!» — разом закричали малыши. Она горбилась под тяжестью большого вещмешка и показалась от этого Кхюэ совсем невысокой, будто вовсе не изменилась с тех пор, как ушла из дому, но, когда она сняла вещмешок, Кхюэ увидел, что сестра выросла и сильно раздалась в плечах, стала совсем взрослой. В огромном, раздувшемся вещмешке оказалась лишь одна смена белья, а остальное место занимали письма, которые передали с ней родным и близким товарищи по бригаде.

Сестра, как заправский парень, приставила лестницу и принялась выкладывать разрушенную крышу черепицей, а закончив, пошла разносить письма по домам своих друзей. На это ушла целая неделя. Иногда Нэт приходилось делать по пятнадцать — двадцать километров в день, и каждый раз, возвращаясь только к ночи, она приносила с собой ворох писем, теперь уже ответных, и даже одежду, ткань, обувь, расчески, зеркальца, заколки и прочую мелочь. Этими передачами вскоре была завалена вся ее кровать. «Ты ведь не унесешь все!» — говорили ей младшие. Она лишь смеялась: «Как это не унесу? Унесу!»

В такие минуты она казалась особенно взрослой и красивой. «Сестричка, — приставали к ней младшие, — ты скоро выйдешь замуж, да?» «Не болтайте глупости», — хмурилась она. И вот

наступил день, когда увешанная огромным вещмешком и холстинковыми сумками она отправилась в обратный путь. На голову Нэт, как и в день приезда, опять надела нон и со всей поклажей стала походить на карлика. Тогда еще ходили поезда. Мать, Кхюэ и остальные братья и сестры проводили ее до платформы. Нэт села в битком набитый вагон и, высунувшись из окна, на прощание помахала своим ноном. Кхюэ был уверен, что сестра плачет, но в темноте слез не было видно.

...Все это утро Кхюэ отдыхал в блиндаже Лыонга. Они опять говорили только о предстоящей операции, разговоров о личном старались избегать.

— Как в эти дни идет у вас работа по подготовке к операции? — спросил Кхюэ.

— Мы постоянно держим под контролем марионеток, которые стоят прямо перед нами.

— Ты не знаешь, кого Нян хочет направить непосредственно руководить предстоящей операцией?

— Пока нет. Наверное, кого-нибудь из батальонных, потому что на этот раз будет задействовано не больше роты.

— Кажется, Нян говорил Киню, что назначит тебя.

— Слушай, ты не знаешь такого высокого старика, горца? — неожиданно спросил Лыонг.

— Знаю. Старый Фанг, тот, кто с самого начала помогал твоей разведгруппе.

— Его сын сейчас там, с марионетками, прямо перед нами!

— Выходит, можете вот-вот ненароком столкнуться с ним? — хитровато прищурившись, спросил Кхюэ.

Бомбы над высотой 475 рвались и днем, и ночью.

У разведчиков с НП ко всему прочему прибавились еще затруднения с продовольствием. Тыл их полка находился далеко, а пехотные подразделения, которые раньше стояли у подножия высоты и поставляли провиант, теперь были отозваны на другие участки фронта. После разговора с Лы Кинь приказал своим интендантам отправить артиллеристам несколько мешков риса и несколько ящиков с консервами. Воспользовавшись этой оказией, он передал Лы письма из дому, немного лекарств и перевязочных материалов. Лы поделился всем этим с Моаном.

В середине марта Кан вместе с двумя медсестрами отправился в полк за рисом и другими продуктами. Возвращаясь через несколько дней к своим, они были поражены, насколько изменился ландшафт высоты. Если раньше еще кое-где виднелась зелень, например между склонами, куда реже долетали бомбы и снаряды противника, то теперь нигде не было ни кустика, ни травинки, а от деревьев остались лишь обуглившиеся стволы. В результате бомбежек зеленая роща у подножия высоты превратилась в пепелище, среди которого бойцы вдруг увидели нескольких оглохших птиц. Они сидели на обуглившихся ветках, близко подпускали людей и никак не реагировали на крики. Такими же глухими были и птенцы в гнездах.

Одну птицу Кан нашел в каменистом углублении, прикрытом золотистыми сухими травинками. Кан присел на корточки, осторожно посадил птицу на рукав пропахшей потом и пороховым дымом гимнастерки и чуть ли не бегом бросился к землянке радистов.

— Лы, тебе подарок!

Лы, Моан и еще несколько разведчиков окружили Кана. Птица в этом мертвом пространстве казалась поистине чудом. Маленькая, неяркая птичка спокойно стояла, поджав одну лапку, на твердой, шероховатой ладони Кана и желтоватыми глазками смотрела на солдат. Хвостик ее подрагивал, она как будто готова была вот-вот вспорхнуть, но не улетала.

— Интересно, что это за птица? — спросил Лы, и все хором стали обсуждать, какая это птица. Судачили и так и этак, пока Кан не положил конец спору, сказав, что это птица бонг-лау{25}.

Ему никто не возразил, потому что Кан был признанным специалистом по пернатым и вообще по животному миру. Обо всем, что бегало, прыгало, летало или плавало в этом мире, все привыкли спрашивать только у него.

— Ребята, но ведь бонг-лау должны петь. Почему же эта не поет? — удивился боец с пухлыми, как у девушки, щеками.

— Запоет, — уверенно сказал Кан, — пообвыкнет немного и запоет. Нужно только найти что-нибудь мягкое, на что она могла бы сесть.

Один из разведчиков, известный балагур и весельчак, наклонился к птице:

— Что же тебе мягонькое найти, птаха? Кругом только одни осколки — то от бомб, то от снарядов! Попробуй-ка спеть на осколке от бомбы, как я иногда распеваю!..

— От твоего-то пения даже черта кондрашка хватит!

— Ничего, пел же я тогда нашему ансамблю, и ничего плохого, как видите, не случилось!

— Эту птицу называли бонг-лау, — продолжал объяснять Кан, — потому, что она всегда садится на распускающиеся пушистые кисти дикого сахарного тростника. Дома мы капали на эти кисти смолой, и птицы прилипали к ним крыльями. Мы, естественно, оставляли у себя ту, которая поет лучше всех. А как поет высоко в небе свободная и вольная бонг-лау! Удивительные птицы! Чем выше поднимаются, тем звонче поют!

От Кана и Моана Лы многое узнал о лесных птицах. В Кхесанской долине прежде водилось очень много пернатых. Здесь жили и куропатки, искавшие пищу под кронами невысоких деревьев, и звонкие черные дрозды, и маленькие попугайки, стаями летавшие в густом лесу, и многие другие птицы. А из лесов Лаоса сюда на ровные низинные участки прилетали парами павлины, и разведчики в первые дни еще могли, прячась в зарослях, наблюдать их танцы. Здесь было много и грифов, обычно обитавших на скалистых безлесных вершинах.

Примерно через неделю Кан снова отправился в полк на собрание своей партгруппы. Заодно на обратном пути он с несколькими бойцами хотел принести продовольствие.

Десять коммунистов разведвзвода сидели вокруг лампы на бамбуковом помосте и оживленно обменивались мнениями относительно тех бойцов, которых можно было рекомендовать для вступления в партию. В течение последних нескольких месяцев личный состав взвода выполнял ответственные боевые задания, и коммунистам теперь редко удавалось собраться вот так вместе. Окинув взглядом своих товарищей, Кан сразу заметил, как посуровели и осунулись их лица.

Кану уже давно было поручено подготовить Лы к вступлению в партию, и сейчас, когда его попросили выступить, он сказал очень кратко, что Лы вполне достоин быть членом партии. Неудовлетворенный таким выступлением, группарторг переспросил:

— Товарищ Кан, как все-таки вы характеризуете Лы?

— Хороший парень, — просто ответил Кан. — По-моему, его можно принять.

— Сколько бесед вы лично с ним провели? — не отставал группарторг.

— Извините, — пришлось сознаться Кану, — личных бесед на эту тему у меня с ним не было!

— Что, достается вам там? — пошутил кто-то.

— Да нет, не в этом дело, — запинаясь, сказал Кан. — Я ведь не шибко грамотный, а он парень образованный...

— Но он к вам с уважением относится? — снова спросил группарторг.

— Конечно...

Партгруппа пришла к единому мнению: комсомолец Лы — храбрый боец, однако ему часто мешают его школярство и наивная

мечтательность. Кана, как старшего товарища, вновь обязали проводить с ним воспитательную работу.

Возвращаясь на НП, Кан раздумывал над тем, как он будет агитировать этого юношу, кончившего десятилетку и разбиравшегося во многих вещах куда лучше его самого, как правильно подойти к нему в этом случае. Кан вспомнил, что, когда он сам вступал в партию, его товарищи тоже не очень-то много с ним беседовали, но тем не менее он прекрасно понимал тогда, что его вступление в партию было чем-то само собою разумеющимся, поскольку в ее рядах он хотел бороться за право на жизнь, за право быть человеком.

Кан был круглым сиротой. В 1954 году, когда закончилась война Соппротивления, ему исполнилось одиннадцать лет. Он жил в услужении. Во время аграрной реформы ему выделили просторную комнату в помещичьем доме, но он был еще слишком мал, чтобы вести хозяйство, и ушел в пагоду в семью священника, который был членом партии и вел активную подпольную борьбу в годы Соппротивления. Когда же наступил мир, этот священник отказался от своего сана, женился на вдове партизанского командира (кстати, она тоже состояла в партии) и взял на воспитание Кана. Эти люди очень заботились о своем приемном сыне, а когда он вырос, дали ему рекомендацию в партию. На всю жизнь Кан запомнил слова своего приемного отца: «Партия — она за угнетенный класс стоит!» — которые он произнес во время беседы у водяной рисоружки, стоявшей неподалеку от пагоды. Кан хорошо понимал это, поскольку еще в раннем детстве испытал на собственной спине гнет эксплуатации.

* * *

Кан с двумя большими бамбуковыми ведрами, в которых носили и хранили воду, спустился вниз. Пришлось долго стоять у источника, чтобы наполнить ведра. На обратном пути он заглянул в землянку к радистам и сказал Лы:

— Когда освободишься, зайди ко мне, хочу поговорить с тобой об одном деле...

— Что такое? — поспешно спросил Лы.

— Ты сейчас не занят?

— Нет, а что?

Кан привел Лы к себе в землянку, заполненную противогазами, маскировочной одеждой и измерительными приборами. Поставив бамбуковые ведра к порогу, он сел на маскхалаты, на которых, повернувшись лицом к стене, сладко спал один из разведчиков. Хотя Кан начал издавека, Лы понял, что разговор будет важным.

Кан выглянул наружу и, посмотрев на бледное, холодное небо, сказал:

— У нас сейчас ловят аистов. За пагодой в нашем селе густые заросли. Каждую ночь аисты прилетают туда... У нас их очень много, вот мы их и ловим... Ты знаешь, — он неожиданно переменял тему, — товарищи из партгруппы некоторые замечания о тебе высказали...

— Что они сказали, Кан?

— Сказали, что боец ты вроде закаленный... Немного, правда, еще мечтатель, школяр...

— Так и есть... — чистосердечно признался Лы.

— Тебя в комсомол в школе приняли?

— В школе, когда шестнадцать исполнилось.

— В партию вступить думал?

— Да, — твердо сказал Лы. — Это моя мечта...

Кан стал говорить о партии, о ее роли в обществе и об ответственности ее членов. Лы внимательно слушал его. Кану нелегко было все объяснять, особенно когда ему приходилось касаться вопросов теории.

— После завершения операции буду рекомендовать тебя в партию, — объявил в заключение Кан.

— Я обещаю... Я буду стараться... — Лы от волнения растерялся и замолчал. Он понимал, что здесь слова не нужны, а надо конкретными делами оправдать доверие своего старшего товарища.

Неожиданно Лы крепко обхватил своего командира, применив прием, которому обучил его сам Кан, перед тем как прийти на высоту 475.

— Отпусти! — вскрикнул от неожиданности Кан.

— Взял тебя в замок! — багровея от натуги, смеялся Лы.

— Хорошо, хорошо, твоя победа! — Кан, повернувшись, незаметным движением завел руку за спину и в мгновение ока повалил Лы.

— Чертенюк, — любовно проговорил он.

Разведчик, спавший рядом, проснулся от шума и, несколько раз зевнув, снова заснул. Лы тоже прилег в темном уголке. Невольно припомнилось страшное ощущение одиночества, когда он лежал на дне расселины... Луч света, пробившийся в полуприкрытую дверь, окружил ореолом крепкую фигуру Кана.

«Вот самый простой, обыкновенный человек, но какой же несгибаемой волей, какой силой он наделен! — подумал Лы, и от этой мысли сердце его наполнилось радостью. — Кан, — продолжал размышлять Лы, — все, что ты мне только что говорил, я давно знаю. Я, наверное, мог бы сказать об этом даже более складно, чем ты, но разве в делах я могу сравниться с тобой?! Ты — твердый, мужественный человек, ты не привык много говорить, ты привык к делам, и делам трудным. Правильно сказали: во мне еще много школярства, иногда я бываю пустым фантазером и мечтателем...»

9

У Киема, сына старого Фанга, случилось несчастье: его вторая жена, кудрявая красотка Лэзи, была убита осколком снаряда. Кием не знал, то ли ему плакать от жалости, то ли проклинать эту солдатскую девку, носившую американскую форму.

Кием совсем недавно, в начале весны, получил чин старшего сержанта, как раз тогда, когда вьетконговцы начали операцию по окружению Такона. Командовал его взводом младший лейтенант, молодой выпускник военного училища в Далате. Когда младшего лейтенанта после ранения отправили в тыл, Киема сразу же назначили на его место. Взвод был придан на усиление роты морских пехотинцев марионеточной армии.

И вот в один из вечеров, когда Кием распекал кого-то из своих подчиненных за пораженческие настроения, ему сообщили, что его жена погибла. Она даже погибнуть ухитрилась так, чтобы покрыть его несмываемым позором: смерть настигла ее в тот момент, когда она предавалась любви с американским солдатом. Охранники, несшие вахту на аэродроме, обнаружив их трупы, сразу же позвали Киема. Лэзи лежала совсем нагая, с зажатой в руке бутылкой кока-колы, на нейлоновом покрытии, выстилавшем блиндаж, среди груд осыпавшейся земли.

Кием мельком глянул на ее обнаженное тело и переложил труп жены на кусок брезента, на котором аэродромная служба обычно переносила раненых. Эта женщина не стеснялась открыто, на глазах у всех, и у него в том числе, изменять ему с кем попало — ее любовникам был потерян счет. И все же сейчас, видя ее мертвой, Кием испытывал искреннюю жалость: вместе с ней уходил еще один кусочек его жизни...

Спрятав лицо в ладони, он долго сидел неподвижно, прислонившись к глинобитной стене кладбища, выложенной железными, с небольшими круглыми дырочками плитами, какими обычно выстилали аэродромы, и эти круглые дырочки, будто глаза умерших, не отрываясь, смотрели на него. Мир Такона, мир грохота и рева множества постоянно работающих механизмов, Кием сейчас ощущал как мир безмолвия. Здесь, у свежей могилы в конце кладбища, он вспомнил те времена, когда он в новенькой, аккуратно подогнанной форме десантно-диверсионных войск совершенно свободно сновал по дороге № 9 на участке между Лангвэем и Таконом. В те дни он впервые встретился с красоткой Лэзи. Она смеялась, сидя в окружении небольшой группы вьетнамских солдат под тентом из парашютного шелка. Рядом с ней

стояли бутылки с вином медового цвета, и ему показалось, что звучащую в это время вокруг призывную музыку источает она сама.

Ее настоящее имя было Лай, но американцы прозвали ее Лэзи, а солдаты марионеточной армии (их много наезжало сюда даже из Сайгона) называли мадам Лэзи. Бездомная, испорченная девчонка (об ее матери никто ничего не знал, про отца же говорили, будто он француз из иностранного легиона), она вела свободный образ жизни. Ей не было еще и двадцати лет, когда в районе дороги № 9 стали появляться американцы. Они вскоре определили ее на работу — поставлять спиртные и прохладительные напитки американским морским пехотинцам и вьетнамским десантникам на территории Лаоса. Зеленоглазую Лэзи, бледнокожую полукровку, подружку многих американских солдат, неожиданно пленила звериная сила Киема, будто это была диковинка моды. Она-то и ввела Киема в тот поначалу странный для него мир, который назывался «свободный». Скольких мужчин — среди них были даже офицеры — оставила она ради того, чтобы связать свою жизнь с этим тупым дикарем. Она часто водила Киема в бары, дансинги, кино, и он постепенно входил во вкус этого мира автомобилей, кока-колы и наркотиков.

Лэзи называла его так же, как прозвали его товарищи, — «генерал Ки»{26}. С этим прозвищем ассоциировался образ десантника с тоненькой полоской усиков над верхней губой и сноровкой американского ковбоя. Именно за это и любила его Лэзи — за недюжинную грубую мужскую силу. Он не рассуждал, он только действовал и казался ей суперменом, человеком будущего. Длительное пребывание в американских лагерях приучило ее к жесткой расчетливости: за Киема стоило держаться, он: подавал надежды, армии нужны были именно такие люди — не думающие, не рассуждающие, а решительно действующие.

Но разве могла она, с укоренившимися в ней привычками девицы из солдатского лагеря, остаться верной ему? Так же, как и он. Разве он знал только ее? К тому же он никак не мог забыть Сиём. Новой жене было далеко до нее, однако вернуться домой и начать прежнюю жизнь он не мог, поскольку стал уже совсем другим человеком. Аккуратный домик на сваях; обжора медвежонок; деревянная лестница (девять ступенек в дом, и каждая из ступенек, прогибаясь под ногами, поет

что-то свое); дикие груши за двориком, на которых в начале лета светлеют редкие сухие листья; стук копыт и протяжное конское ржанье, разносящиеся по округе и пропадающие где-то далеко в лесу; охотничьи собаки с пепельной шерстью, с узким, будто сплюснутым туловищем; звонкий собачий лай рядом с твоим конем — все это Кием уже забыл. Теперь любой холм, лес или просто заросли рождали в нем только один вопрос: может ли здесь, и где именно, прятаться вьетконговец? Видел ли он перед собой редкий лес или густые колючие заросли, ко всему у него теперь был только один подход: он сразу прикидывал, легко или трудно здесь действовать. Его теперь интересовало, сбросил ли листву лес, опыленный американскими дефолиантами, и какую поддержку в этих условиях могут оказать самолеты-разведчики или вертолеты. Здесь за каждым деревом, за каждым кустом мог притаиться враг, готовый пустить пулю в него, Киема: им мог быть и вьетконговец, и его родной отец.

Кием раньше никогда много не думал, а теперь и вовсе мысли его стали короткими, отрывочными и состояли из одних лишь вопросов и ответов, например: «Что такое отец?» — «Отец — это человек, породивший тебя и теперь ненавидящий тебя». — «Что такое вьетконговцы?» — «Те, с кем он сражается». — «Что такое десантник?» — «Опасная работа, но большая свобода — не надо брать в руки лопату, чтобы копать траншеи». Точно так же он спрашивал себя: «Кто я сам?» Но тут ответа не было. Он мог ответить только о своей первой жене, Сием: красивая женщина, его собственность, с которой, как с игрушкой, можно поиграть и выбросить, когда надоест. Лэзи тоже была его женой, но принадлежала не только ему одному, она принадлежала всем, кто теперь спешил урвать от жизни как можно больше. В то время как он драпал с остатками разбитой армии, поклонники Лэзи приютили ее в Таконе. Эта завитая женщина в американской форме, жена Киема, открыто жила и с его ротным. Ему было уже около тридцати, и он называл себя героем «новой республики» в противовес «семейной республике» Нго Динь Зиема, потерпевшей фиаско. Маленькое, острое лицо, огромный, до ушей полный золотых зубов рот — так выглядел внешне этот «герой», любивший бахвалиться тем, что он со своим капитаном, доверенным лицом генерала Зыонг Ван Миня{27}, участвовал в облеве на Нго Динь Зиема и его брата Нго Динь Нью.

Вместе с капитаном они проскользнули в подземный тоннель со множеством автоматических дверей (в свое время Нго Динь Нью приказал расстрелять всех строителей секретного тоннеля) и настигли братьев в одном из его потайных ответвлений, ведущем к реке Сайгон.

— Вот уж поистине исторический денек был, прямо для кинохроники, — хвастался лейтенант. — Вот этой рукой я приставил пистолет к самому уху «старого льва», чтобы выпустить в него пулю. А потом собственными глазами видел, как корчился этот «старый лев» на цементном полу своего тоннеля, ставшего для него западней...

— А что, теперь он разве уже не западня? — неожиданно спросил взводный, выпускник офицерского училища в Далате, юное лицо которого всегда выражало упрямство.

— Что? Ты о чем это спрашиваешь?! — резко повернулся к нему лейтенант. — Ты имеешь в виду тоннель, которым теперь пользуются президент Тхиеу и генерал Ки, не так ли? Может, ты намекаешь на наступление вьетконговцев? Что, оно вселило в тебя панику?..

— Я хотел только сказать о том ходе сообщения, в котором мы с вами сейчас сидим, — ответил взводный.

— Это траншея!.. А ты, выходит, готовый предатель!

— Прячемся, как мыши, и это называется траншеей?

Давно уже назревавший спор закончился прямой угрозой со стороны лейтенанта:

— Сообщи командованию, и сгниешь в тюрьме. Там твое место! У меня не было только прямых доказательств, но они сами слетели сейчас с твоего паршивого языка, а чем нашпигованы твои мозги, я давно уже знаю!..

* * *

Кием присутствовал при этом скандале, но подобные разговоры он обычно пропускал мимо ушей, да он просто раньше и не понимал их.

Теперь он, горец, уже хорошо научился говорить но-вьетнамски. Правда, это был тот вьетнамский, вперемежку с английским, которым обычно пользовались солдаты марионеточной армии. И все же политическое содержание этих споров было ему не под силу. Многого не понимал он с тех пор, как впервые взял в руки винтовку.

Через несколько дней после этого младший лейтенант, его взводный, был ранен в плечо и отправлен в тыл. Все завидовали ему: теперь он, мол, в безопасности. Вскоре после этого ротный вызвал Киема и, передавая ему взвод, сказал:

— Человек, которого ты сменяешь, теперь в тюрьме.

— За что? — рассеянно спросил Кием.

— А тебе и знать незачем, — заметил лейтенант шутливо. — Продолжай быть «диким ковбоем». Это самое лучшее для тебя и для нашей армии. Незачем брать пример с этих ученых дураков. В жизни не нужно знать многого!.. Все, что от тебя требуется, — это умение обращаться с автоматом и беспрекословное исполнение приказа. Возьмись-ка за этот взвод как следует! Там все друг друга склоняют перейти к вьетконговцам. Подумать только, никаких идеалов! Хотя для чего я все это говорю? Ты должен помнить одно: это я предложил повесить тебя. Помни и не забывай!..

«В жизни не нужно знать многого!.. Это я предложил повесить тебя...» Из всего разговора Кием запомнил только это. Да, лейтенант предложил командованию дать ему повышение, и он не позволит себе это забыть, как не забудет и совет: «В жизни не нужно знать многого». Совет очень верный и очень подходящий для него. Хотя была одна вещь, которую Кием знал, и знал давно, но делал вид, будто он ни о чем и не догадывался: лейтенант спит с его женой.

Давно уже Кием затаил звериную ненависть против ротного, но старался скрывать ее не столько от страха перед начальником, сколько в силу все той же философии: «В жизни не нужно знать многого». Получив повышение, Кием стал еще осторожнее. Не раз, пробираясь под артиллерийским огнем к своему ротному со срочным донесением, Кием белыми от ненависти глазами смотрел на

брезентовую занавеску, надвое перегораживавшую командирский блиндаж, из-за которой высывались четыре ступни. «В жизни не нужно знать многого!..» И Киём свирепел еще больше, делая, однако, вид, будто ни о чем не догадывается.

Но Лэзи погибла, и теперь ярость Киёма, казалось, должна была немного улечься, а он только еще больше возненавидел лейтенанта, как будто подошел час расплаты. Бесхитростный звериный инстинкт звал его к мщению: он должен смыть с себя позор унижения за те минуты, когда он, будто набрав в рот воды, стоял перед лейтенантом, за те минуты, когда держал на руках нагое мертвое тело жены, чтобы потом похоронить ее в воронке от артиллерийского снаряда. Теперь у него ничего не осталось. «Генерал Ки», бессильный и ожесточенный, всеми покинутый, был один среди солдат, вечно бледных то от страха перед артиллерийским или пулеметным огнем вьетконговцев, то от бушевавших в окопах лихорадки или дизинтерии. Не было для него больше места на этой земле; даже его землянка, с трудом вмещавшая одного человека, и та наполовину обвалилась от попавшего в нее снаряда, но в тот день Киём куда-то уходил, иначе погиб бы там, как крыса. Хотя зачем ему жить? Как дикий зверь от охотничьей облавы, бежал он из Лаоса. А для чего? Дважды чуть не погиб в Хуойшане и Лангвэе, но сумел выбраться из-под груды трупов. А вот для чего он забрался сюда, в окруженный вьетконговцами Такон? Сердце его разрывалось от ненависти и жуткой злобы. Почему? Он над этим не задумывался, ведь «в жизни не нужно знать многого». Всю свою ярость, всю горечь и обиду за несбывшиеся надежды он вложил теперь в ненависть к лейтенанту.

В один из вечеров лейтенант решил проверить, как несет службу взвод Киёма.

Лейтенант славился своей жестокостью и коварством, но все знали и другое: он был трусоват. Прежде чем выйти из блиндажа, он надел каску, и сопровождавший его солдат украдкой засмеялся: худое, сморщенное лицо лейтенанта под каской здорово походило на изогнутый огурец, особенно когда тот подносил к глазам бинокль и рассматривал позиции вьетконговцев, широко раскрыв рот.

Убедившись в полной безопасности, он взмахом руки приказал солдату ползти вперед. Не обнаружив часового у первой же точки, лейтенант рассвирепел. И тут он увидел на замусоренной пустыми консервными банками и изрытой воронками от снарядов земле между рядами заграждений прижимавшуюся к земле распластанную человеческую фигуру, уже успевшую просунуть голову под следующий ряд заграждений. В глаза лейтенанту бросились стершиеся головки гвоздей на подошвах солдатских башмаков.

— Вернись! — крикнул он. Испугавшись, часовой приполз назад. — К вьетконговцам удираешь? — прорычал командир роты, хватая солдата за грудки.

— Господин лейтенант, у меня понос, я просто... — затынул было солдат.

— Возьми автомат, — рявкнул лейтенант, — и стань на место!

В другой обстановке ротный не потерпел бы такого: не задумываясь, выпустил бы в этого солдата очередь и, переступив через его труп, пошел бы дальше.

Солдат послушно поднял автомат и занял свой пост. Лейтенант махнул рукой своему сопровождающему, и они поползли вперед. Проверив все посты взвода Киема, на обратном пути лейтенант обнаружил, что место часового, обнесенное земляным бруствером, опять пустовало.

Вне себя от ярости, ротный подбежал к блиндажу взводного, ругаясь и потрясая зажатым в руке пистолетом.

Киём пьянствовал в окружении нескольких солдат.

Они уже почти опустошили большую бутылку виски. Один из солдат тасовал карты. Увидев эту картину, лейтенант еще больше рассвирепел и весь свой гнев тут же обрушил на голову Киема:

— Так-то ты командуешь взводом? У тебя только что часового сбежал, а ты виски лакаешь! Я напишу рапорт, и тебе не миновать трибунала!

Киём спокойно допил из горлышка оставшееся виски и швырнул пустую бутылку на пол — она вдребезги разбилась — а потом проговорил:

— У меня погибла жена!

— Черт с ней, с твоей женой! Как ты следишь за вверенным тебе взводом?

— Минуту. — Киём быстро поднялся и сорвал с шеи автомат. Лейтенант успел увидеть лишь это движение и решимость на посеревшем лице Киёма, и в тот же миг его прошила автоматная очередь. Сжимая в руке пистолет, лейтенант упал вниз лицом на дымящиеся гильзы и осколки разбитой бутылки; тело его несколько раз конвульсивно содрогнулось и замерло. Солдат, пришедший вместе с ним, поднял окровавленный пистолет и выпустил из него две пули, целясь прямо в ухо своему бывшему повелителю.

Следующей реакцией была паника: что делать? Шесть человек оказались свидетелями и соучастниками преступления, которое теперь нужно было как-то скрыть. Сопровождавший лейтенанта солдат подошел к трупу и оттащил его на бруствер траншеи. Оценив его замысел, остальные выпустили несколько очередей из автоматов в сторону вражеских позиций. Между собой договорились подтвердить, что лейтенант был убит вьетконговцами, когда проверял несение службы часовыми.

И все же Киём не верил, что все это удастся скрыть. Но раз солдаты сами так хотят, пусть пока говорят. То, что случилось, уже случилось! Завтра или послезавтра все равно раскроется, что он убил лейтенанта, и тогда его расстреляют...

Несколько дней Киём жил в полной растерянности, прячась у себя в блиндаже. Любой взгляд, брошенный на него кем-нибудь из солдат, повергал его в страх.

Прошло около недели. Солдатам как будто пока удалось сохранить все в секрете, но Киёму все время чудилось, что лейтенант жив и жаждет отмщения. Да, хотя Киём и стал «американским ковбоем», но он по-прежнему был очень суеверен.

* * *

Кольцо окружения с каждым днем все больше сжималось. Солдаты марионеточной армии, несущие охрану у линии заграждений, по ночам слышали под собой скрежет вгрызавшихся в землю лопат. Артиллерийско-ракетный обстрел продолжался и днем, и ночью. Киему все опротивело, а больше всего ему осточертела его должность взводного. Его мучили страх и подозрения, уже не осталось никого, кому бы он мог довериться. Рядом с ним было несколько случайных приятелей да тот солдат, который сопровождал тогда лейтенанта и на которого он теперь смотрел как на благодетеля.

— Надоело, не могу больше, — пожаловался он как-то ему.

— Раньше ты был у нас самым храбрым...

— Раньше одно, сейчас другое! Не могу!

— Боишься вьетконговцев?

— Нет, просто все осточертело, все, все!

— А если бы Лэзи была жива?..

— Все равно! Теперь мне было бы наплевать, спит она с кем-нибудь еще или нет. Все надоело!

В последнее время Киему стали сниться и деревянный домик на сваях, и крики ланей в лесу, и ступеньки лестницы, каждая из которых пела свою особую, знакомую ему песенку, — одним словом, все то, что, казалось, уже отошло от него далеко-далеко. Перед глазами вновь вставало лицо Сиём. Эта женщина всегда принадлежала только ему одному. А однажды во сне Киём увидел, как он обнимал Сиём, как вдруг в комнату вбежал отец и всадил в него нож — алая кровь ручьем потекла из раны. От испуга Киём заорал не своим голосом и тут же проснулся. Над головой грохотала артиллерийская канонада. Ему показалось, что такого обстрела он еще никогда не видал: американская база и опоясывавшие ее траншеи были охвачены огнем и дымом. Киём кричал, звал своих, но не слышал ответа. Тогда он схватил автомат и решил выйти наружу, но едва он, согнувшись,

показался в проеме дверей, как яркая вспышка света ослепила его, и блиндаж рухнул. Дым и пыль забирались в ноздри и глотку. Кием чувствовал, что вот-вот задохнется. Срывая ногти, он царапал землю, придавившую его. Наконец ему удалось выбраться наружу, но силы оставили его: он упал и потерял сознание.

Когда Кием очнулся, вокруг мелькали, перепрыгивая через него, ноги в матерчатых солдатских башмаках. Все тело ныло от боли, пальцы рук потеряли способность двигаться. Кием, как мог, зажал автомат под мышкой и пополз, опираясь на локти. От слабости голова его моталась из стороны в сторону. Земля казалась необычайно жесткой, будто она была усеяна острыми бамбуковыми колышками. Неожиданно он услышал, как кто-то окликает его по имени. Это окончательно привело его в чувство, и он вдруг понял, в каком чрезвычайно опасном положении очутился: противник, прорвавшись через ряды заграждений, атаковал его роту, и теперь вьетконговец в мегафон выкрикивал его имя, призывая сложить оружие.

10

Нэт, сестру Кхюэ, к концу зимы перевели в 25-й медсанбат. Наступила пора затяжных дождей. Насквозь вымокшие под непрерывным дождем медсестры расположились на короткий отдых у края тростниковых зарослей, среди сложенных грудями носилок, вещмешков, гамаков и тюков с перевязочными материалами и медикаментами. Мимо, не останавливаясь, одно за другим проходили подразделения. Солдаты не спускали глаз с девушек, а те упорно старались смотреть в сторону. На фронте девушек было мало; солдаты видели или артисток ансамбля, или медицинских сестер. К медсестрам все относились подчеркнуто вежливо: даже к самой юной ни один солдат не рискнул бы обратиться на «ты».

— Почаще вам без работы оставаться, сестрички! Пореже нас видеть! — помахал им кто-то рукой.

— И вам с нами встреч поменьше! — ответили ему девушки.

Подождав, когда пройдет очередное подразделение, начальник медсанбата, высокий толстый доктор, которого почему-то все

называли Лан{28}, приказал поднять корзины на коромысла и переправиться через ручей. Мутный ручей грозно шумел, и девушки в замешательстве остановились.

— Ну, кто еще до сих пор плавать не научился? — спросил доктор.

— Доктор, отвернитесь! — завизжали девушки.

— Отвернусь, как же. Тут, того и гляди, какую-нибудь из вас течением унесет, отвечай тогда!

— Не унесет, мы друг дружке сами помогать будем! Отвернитесь!..

Много дней пробирались они к месту нового расположения, которое на карте, выданной в штабе доктору Лану, было помечено красным крестиком. Бурные ручьи, высокие труднодоступные перевалы, густые, почти непроходимые тростниковые заросли — сколько их осталось позади!.. И вот наконец они оказались у цели. Некоторые все еще волновались и, подбегая к доктору Лану, то и дело спрашивали:

— Это здесь? Вы не ошиблись?

Доктор, намыливая для бритвы щеки, успокоительно смеялся:

— Все верно. Мы там, где должны быть. Поверьте моему опыту, я когда-то штабистом был и карту умею читать.

Еще в пору работы на перевалочном пункте Нэт подружилась с Зы. Эта девушка была настолько рослой, что обычная форма ей не годилась. К Зы, которая раньше работала поварихой, прочно пристало смешное прозвище Слонишка: во время одного из ночных дежурств Зы неожиданно бросилась к Нэт и, не помня себя от страха, так стиснула ее своими мощными руками, что та чуть не задохнулась, — в темноте всего в какой-нибудь полусотне метров от них неторопливо прошествовало стадо слонов.

Тяготы и лишения, связанные со службой в медсанбате, Нэт переносила легко. Однако в последнее время глубоко ввалились ее глаза, заострилось лицо, залегли морщинки возле рта: в дни, когда

медсанбат пробирался через джунгли к новому месту, Нэт получила письмо от Кхюэ с известием о смерти матери и братишки.

Знала об этом одна лишь Зы. Эта девушка, казавшаяся такой неловкой и неуклюжей, обладала удивительно добрым сердцем. Когда надо было копать землю, валить деревья или заготовливать хворост, первой всегда вызывалась Зы. Попутчикам-солдатам она не раз помогала подносить тяжелый груз, причем умудрялась поднять столько, сколько под силу было только здоровому парню.

— Нэт, родная моя, если б можно было переложить на меня немного твоего горя!

У Зы обливалось сердце кровью — у Нэт появился мрачный огонь в глазах, в которых, казалось, навсегда застыли непролившиеся слезы.

— Поплачь, — умоляла Зы, — поплачь, тебе легче станет!

— А увидит кто-нибудь? Разве можно сейчас плакать? Вокруг столько горя, не у меня одной...

— Поплачь, а я как-нибудь объясню, что-нибудь придумаю... Ведь пропадешь!

— Ничего, ничего... Не бойся, я... я справлюсь...

Смерть, утраты — не впервые Нэт столкнулась с этим. На стройке у нее была задушевная, ближе, казалось, не бывает, подруга Уи. Ни дня не могли они прожить друг без дружки, и все у них было общее — и одежда, и вещи. В одну из бомбежек Уи погибла. Нэт, оставив тело подруги, побежала спасать других. Она носила раненых, а сама плакала навзрыд. Только к вечеру, когда управилась с ранеными, Нэт вернулась за Уи, отнесла ее в передвижной домик строителей, попросила всех выйти, опустила на окна шторы и при свете керосиновой лампы сама омыла тело Уи, переодела во все новое, ненадеванное (чьи были эти блузка и брюки, ее или Уи, она уж и не помнила: ведь давно у них все было общее), потом причесала ее и, уронив голову на тело подруги, заголосила: «Могла ли я думать, что придется тебя хоронить?..» Невольно вспомнилось, как часто

доставалось ей от Уи за излишнюю склонность к слезам, и Нэт зарыдала еще горше.

Вспомнилось и другое, за что ругала ее Уи: как ни старалась Нэт, но не могла избавиться от тоски по дому. Этот маленький домик затерялся среди нескольких десятков подобных ему рядом с полотном железной дороги. Побеленные домики их квартала были крыты соломой, замешанной с глиной. Мимо бежали поезда, и паровозный дым закрывал молчаливо сидевших птиц на протянутых вдоль полотна проводах и рисовое поле с поблескивавшей на нем водой. Железная дорога тянулась параллельно асфальтированному шоссе и была отделена от него неширокой травянистой полосой. Сквозь бамбуковую занавеску на дверях дома виднелось не только скучное, залитое водой поле, но и шумный, веселый мир вагонных окон, тесно заполненных головами пассажиров. С шоссе доносился шорох шин и цокот копыт по асфальту, мелькали снующие с раннего утра ярко-красные автобусы и воинские автоколонны с веселыми лицами солдат. В толпе ребят, с громким криком выбегавших к дороге, непременно была и девочка с выгоревшими, порыжевшими волосами, а за руку ее цеплялся малыш...

Два года Нэт проработала в дорожно-строительной бригаде, потом еще два года — на перевалочных пунктах. Она прошла почти через весь Чыонгшон, но так и не смогла побороть в себе тоски по дому.

Несколько лет назад Нэт приняли в партию. К этому времени Нэт и Зы уже успели поработать чуть ли не на всех перевалочных пунктах. Нэт отличалась ловкостью и лучше других умела мастерить походные печурки. Ее частенько посылали в разные места передавать опыт, и среди походных печурок, поставленных в джунглях вдоль дороги, по которой двигались солдаты, немалое число смастерили ее проворные девичьи руки.

Можно ли словами выразить, что значили для солдат эти печурки на высоких отрогах Чыонгшона?! Печурки, в которых всегда ровным держалось пламя, печурки, умело сложенные из глины так, что дым от них, подобно утреннему туману, низко стелился по траве, а дотом медленно таял...

Розовые отблески огня напоминали об очаге в родном доме. В памяти вставали неровные верхушки маниоки, росшей у дворика. Допоздна засиживаясь у походной печурки, прислушивалась Нэт к голосу ночных джунглей: плеску ручья, крикам куропаток, ящериц и птиц. Тогда особенно одолевала ее тоска по дому. Нэт казалось, будто она слышит, как в пруду заглатывают корм карпы, как плещется вода под мостиком — это мама моет перед сном ноги... Нэт не помнила ее иначе, как в закатанных до колен, мокрых от постоянной работы на рисовом поле брюках, оставлявших открытыми худые смуглые икры, забрызганные светлыми лепехами подсохшей грязи. Вернувшись с поля, мать вытряхивала из корзинки собранных ею мелких крабов и в изнеможении опускалась на земляной пол веранды. Малыши гонялись за расползавшимися во все стороны крабами, а Нэт растирала поясницу и ноги матери.

«Мама, мамочка!» — только и вырвался в тот день крик отчаяния у Нэт, и враз одеревеневшими пальцами она судорожно сжала полученное письмо от брата. Вспомнилось почему-то, как дома любила она попугать самого младшего братишку: зная, что больше всего на свете тот не любит мыть голову, Нэт нарочно засучивала рукава и грозным голосом призывала: «А ну-ка, Хиен, поди сюда, сейчас мыться будем!» Тот заходился в плаче, а мать ругала ее: «Такая здоровая вымахала, а ума все нет. Только и знает, что младших дразнить!» Маленькие печали и маленькие радости большой семьи — сколько их приходило сейчас на память, и каждое воспоминание будто резало острым ножом по сердцу.

— Нэт, милая, прошу тебя, поплачь хоть немного!

— Не стану я сейчас плакать, Зы. Как можно сидеть и плакать, когда кругом все на части рвутся, каждый работает за десятерых?..

Так и не пролила тогда Нэт ни слезинки и, стиснув зубы, работала, работала во имя победы.

* * *

Но понемногу улыбка стала вновь появляться на ее лице, изредка даже слышался ее высокий и звонкий смех, как у всех девушек из

долины. Стройная и гибкая, Нэт, становясь старше, все больше походила на мать: те же длинные, крепкие, легко скользившие по земле ноги, тот же глубокий взгляд широко открытых черных глаз. Ей было чуть больше двадцати, но выглядела она старше своих ровесниц. Шли первые напряженные месяцы боевых действий. Почти каждую ночь приходилось дежурить у постели раненых, поспать удавалось редко, однако Нэт после очередной бессонной ночи выходила к ручью помочь Зы стирать белье для раненых. Нэт удалось узнать номер полевой почты Кхюэ, она мечтала о встрече с братом, хотя и понимала, что вряд ли выпадет сейчас им такая радость.

Спасаясь от налетов бомбардировщиков Б-52, медсанбат уже три или четыре раза сменил свое расположение и сейчас находился в джунглях юго-западнее Кхесани. Устроившись на новом месте, медперсонал готовился к приему раненых. Их стали приносить только в середине ночи. Нэт вместе с одним из фельдшеров ассистировала доктору Лану. К тому времени, когда затянутое туманом небо начало светлеть, они прооперировали уже почти всю партию раненых.

Нэт шла по извилистой тропе вместе с санитарями, которые несли тяжело раненного молодого бойца. У излучины ручья перед землянками медперсонала она увидела Зы, которая стирала груды окровавленного обмундирования.

— Шла бы соснуть, пока можно, — сказала Зы подруге, освобождая карманы очередной гимнастерки от документов и прочих вещей и готовясь опустить ее в воду.

— Если я сейчас лягу, — ответила Нэт, протягивая руку к сваленному в кучу обмундированию, — меня потом не добудиться.

— Иди, иди, — подтолкнула ее Зы. — Оставь, без тебя все сделаю!

Нэт прошла к себе, легла, но через минуту вскочила и побежала к раненым.

Белые, будто вымазанные мелом губы молоденького бойца, только что перенесшего тяжелую операцию, неслышно двигались. «Мама, мама...» — угадала по ним Нэт и ласково провела рукой по его волосам, полным набившихся комьев земли.

— Здесь я, сынок, здесь... — тихо сказала Нэт, чтобы как-то утешить раненого.

Нэт измеряла ему давление, когда в землянку ворвалась Зы.

— Нэт, ты не знаешь никого по имени Лыонг?

— Не знаю, а кто это? — недоуменно спросила Нэт.

— Раненый один у нас, его принесли сегодня утром, и я в его вещах нашла письмо...

Зы протянула подруге вчетверо сложенный, с измятыми краешками листок. В ровных строчках, написанных жестким пером авторучки, Нэт с удивлением узнала почерк Кхюэ. Письмо было старое, датированное двадцать пятым августа, то самое, которое Кхюэ написал еще до того, как побывал дома. Нэт читала его со смешанным чувством смущения и благодарности. «Нэт, сестричка, — писал Кхюэ, — ты мне верь. Это мой ротный, он очень неловок, не умеет красиво говорить, но он человек хороший и добрый, и мне кажется, вы с ним друг другу подходите...»

«Что такое? Кто он, этот раненый?» — растерялась Нэт. Казалось, все это происходит не с ней, а с кем-то другим, и вообще все походило на историю, вычитанную в романе. И все же она не могла подавить в себе желания взглянуть на этого человека. «Как бы то ни было, а он друг и командир моего младшего брата», — решила Нэт.

Закончив дежурство, Нэт обошла несколько землянок, внимательно разглядывая раненых и у каждого спрашивая его имя. Наконец она разыскала его. Крупный, высокого роста мужчина неподвижно лежал на бамбуковой койке. Сидевшая рядом дежурная сестра с длинным, заколотым на макушке хвостом волос внимательно следила за его пульсом и тревожными глазами вопросительно посмотрела на Нэт.

После ранения Лыонг потерял много крови и сейчас лежал без сознания. Осколки гранаты попали ему в живот и грудь, задев ключицу и два ребра. Нэт узнала в нем того самого командира, которого оперировал этой ночью доктор Лан. Ассистируя ему, она тогда еще подумала, что, если бы этот раненый не обладал недюжинным

здоровьем, он умер бы прямо на операционном столе. Операция продолжалась очень долго, и, когда она наконец кончилась, Нэт, фельдшер Шинь и доктор Лан буквально валились с ног от усталости.

Через два дня доктор Лан попросил Нэт уделить Лыонгу особое внимание. Доктору и Нэт пришлось дважды давать раненому свою кровь, поскольку в медсанбате не оказалось крови его группы. Долгое время он не приходил в сознание и постоянно бредил. «Переходи на левый фланг! Это Кием! Стойте, не стреляйте в него! Давайте мегафон, не стреляйте!» — кричал раненый.

Только на третий день Лыонг пришел в себя и выпил несколько ложек молока. Он сильно ослаб и осунулся, под глазами появились темно-желтые, будто посыпанные порошком хинина, круги, а глаза глубоко ввалились. Ночами он все еще продолжал бредить и успокаивался лишь к утру.

В одно из пробуждений сознание Лыонга неожиданно обрело необычайную ясность, и перед ним в памяти возникли во всех подробностях события последнего боя. Он вспомнил, с каким приподнятым настроением он вместе с бойцами бросился к траншее противника. Впервые после нескольких месяцев пребывания под Таконом они атаковали врага. Едва лишь прекратилась артподготовка, как бойцы поднялись и дружно пошли на вражеские позиции, двигаясь по измельченной в порошок, еще горячей и пропахшей порохом земле. Преодолевая последний ряд заграждений, Лыонг заметил глазок осветительной ракеты, падавшей на землю. На левом фланге противник все еще молчал, и можно было подумать, будто там все начисто уничтожено артогнем, а на правом фланге уже раздавались частые пулеметные очереди. Догоравшая ракета высветила из темноты высокую фигуру Лыонга и силуэты трех его бойцов. Лыонг подумал, что этот дьявольский зеленый свет делает их хорошей мишенью, но, как ни странно, ни с ним, ни с бежавшими рядом бойцами ничего не случилось. Пехотная рота вместе с группой разведчиков, которой командовал Лыонг, внезапно ворвалась в первую траншею, где находились солдаты марионеточной армии. Солдат из взвода Киема, сдавшийся в плен накануне вечером, сообщил все необходимые сведения о системе построения обороны

его подразделения. В результате этой атаки удалось спастись лишь небольшой части неприятельских солдат на левом фланге.

Льонг был ранен разорвавшейся рядом гранатой, брошенной из расположенного наискосок к траншее хода сообщения. Вообще-то по этому участку следовало бы сразу сосредоточить огонь всех своих средств, но Льонг не захотел сделать этого. Льонг верил, что враг, оказавшись в западне, откуда выход был лишь один — на тот свет, сложит оружие. Льонг не желал огнем покончить с теми, кто задешево продал свою душу американцам. Среди этих людей был и сын старого Фанга...

* * *

Еще месяц назад стало известно, что медсанбат может подвергнуться налетам бомбардировщиков Б-52. В один из дней в полдень медперсонал и раненые сквозь густую листву деревьев в безоблачной вышине синего неба увидели длинный белый дымный след. Поначалу авиабомбы сбрасывались примерно в километре от медсанбата, но вскоре они стали падать все ближе и ближе от него.

Когда начался очередной налет, Нэт и фельдшер Шинь заполняли историю болезни Льонга. Затем Нэт проверила давление у раненого и обнаружила, что оно сильно упало. Вместе с Шинем она стала вводить стимулятор, и тут раздался сильный взрыв. Все, что было на столе или висело на стенах, упало на пол, верхнее перекрытие землянки заходило ходуном, грозя вот-вот обвалиться. Шинь, поднявшись, обеими руками силился поддержать опорный столб, а Нэт инстинктивно прикрыла собой Льонга, стараясь защитить его от посыпавшихся камней и комьев земли.

Густой дым проник в землянку и вызвал удушье у Льонга.

— Шинь! Пульса нет! — с отчаянием в голосе крикнула Нэт и заплакала навзрыд. Шинь пытался зажечь спичку, но врывавшийся в землянку поток воздуха не позволял сделать это.

— Замолчи, не смей реветь! — прикрикнул Шинь.

Его окрик привел Нэт в чувство, и теперь она сама торопила фельдшера побыстрее ввести стимулятор. Время от времени все вокруг озарялось вспышками от рвавшихся где-то неподалеку авиабомб. При этом свете Нэт и Шинь приготовили необходимое лекарство и шприц. Нэт, стараясь сдержать нервную дрожь, нашла вену и осторожным движением ввела в нее иглу. Через некоторое время Шинь на ладони поднес к ноздрям Лыонга марлю и с радостью отметил, что она хоть и едва заметно, но все же колыхнется от слабого дыхания, тут же, проверив пульс, фельдшер воскликнул:

— Жив!

— Шив? — повторила Нэт и увидела, как стало розоветь лицо Лыонга: жизнь возвращалась к нему. К этому времени дым рассеялся, и Лыонгу уже было легче дышать. Он лежал, склонив голову набок и плотно смежив выгоревшие ресницы.

Нэт подложила ему под спину тюфяк, набитый сухой травой, и прикрыла стеганым одеялом. Она все еще с тревогой смотрела на него, прислушиваясь к тихому биению ослабевшего сердца.

В землянке постепенно светлело. Снаружи в наступившей тишине раздался робкий крик птицы.

Нэт принялась убирать растрепанные волосы: послушные проворным рукам, они тугим жгутом легли на затылке, оставив на пальцах запах пороха и дыма. Она непроизвольно поднесла к лицу свою руку с тонкими, дочерна загоревшими пальцами. Казалось непостижимым, каким образом только что среди кромешной тьмы, дыма и грохота эти самые пальцы могли так уверенно, будто жили самостоятельной жизнью и обладали особым чутьем, ввести иглу в вену.

После дежурства Нэт вышла из землянки. Ноги были ватными. Ей показалось, будто она возвращается откуда-то из другого мира. Травянистую лужайку возле землянки медицинского персонала взрывной волной сплошь засыпало облетевшими с деревьев зелеными листьями и комьями земли. Все укрытия медсанбата уцелели, никто из раненых и персонала не пострадал. Из-за угла кухни

показалась женская фигурка. Нэт узнала в ней Зы. С тревогой заглядывая в глаза подруги, Зы тут же спросила:

— Что с Лыонгом?

— Все хорошо, жив.

— А я уж перепугалась, когда тебя увидела. Ты такая бледная...

* * *

Лыонг, приходя в себя, все еще плохо воспринимал происходившее вокруг. Когда его оставляло забытие, он видел одно и то же женское лицо в обрамлении густых волос, возникавшее перед ним при слабом свете занимавшегося утра. Это молчаливое женское лицо сразу же обретало облик Сием, этот глубоко запрятанный в памяти Лыонга единственный женский облик.

...В тот раз, в последнюю встречу в доме Сием, еще ярко горел в очаге огонь, над ним поднимался теплый воздух, а Лыонг, посидев немного, неожиданно стал собираться в путь.

— Я должен идти... — сказал он и, повернувшись к Сием спиной, твердым шагом начал спускаться с лестницы. В доме весело потрескивали сучья, струилось их теплое дыхание, а вдали виднелись холодные скалистые горы, окутанные густым туманом.

— Когда ты вернешься к нам? — спросила Сием, держась за шаткие бамбуковые перила.

— Загляну, когда старик будет дома...

— Ты сейчас опять в Такон?

Из хижины сквозь щели пробивались блики огня. Смущенные, молодые люди стояли молча друг перед другом, и, будто огоньки, так, по крайней мере, казалось Лыонгу, сверкали в темноте глаза Сием.

После этой встречи Лыонг поклялся порвать все, что связывает его с Сием. Порвать, но что? Ведь он никогда не говорил ей о своих чувствах! Нет, он не имел права на чувство к замужней женщине. Это

Лыонг твердо решил для себя. Он не хотел, чтобы потом, когда все заблудшие души вернутся к нормальной жизни, к своим семьям, в него тыкали пальцем и говорили, что он, солдат Освободительной армии, увел жену у солдата марионеточной армии. В дни боев к югу от Такона Лыонг решил больше не думать о Сием, и все же, как он ни старался забыть ее, глаза Сием неотступно стояли перед ним, как огоньки, светившие в тумане весенней ночи. Ее глаза преследовали его и здесь, в окопах, неотрывно смотрели на этот клочок земли, где встретились Лыонг и Кiem и где решалась ее судьба.

Это трепетное чувство укоренилось в его душе. В тайниках очерстневшего солдатского сердца оставила свой след синяя птица со связанными крыльями и теперь нет-нет да и подавала голос. Хотя пение ее было робким, оно озаряло душу, не давая ей остыть и быть равнодушной. Вот почему женское лицо, столь часто возникавшее перед Лыонгом в забытии, приобретало черты Сием.

Однажды утром, когда Нэт, как обычно, стала делать Лыонгу переливание крови, он вдруг открыл глаза и назвал какое-то имя. Нэт, подумав, что он опять бредит, осторожно положила руку ему на грудь. Спустя мгновение он успокоился и заснул, непроизвольно накрыв своей большой ладонью ее маленькую руку...

Примерно через неделю Лыонг почувствовал себя лучше и даже поел супу. Ему стало известно, что ранение его было очень серьезным и что все это время он считался самым тяжелым больным в медсанбате. Постепенно он начал сидеть, когда под спину ему что-нибудь подкладывали. Обычно Лыонг любил сидеть у входа в землянку и наблюдать за всем, что происходит вокруг. Под глубоко ввалившимися глазами Лыонга темнели коричневые круги, ослабевшие руки дрожали. Никто не узнал бы сейчас в нем прежнего Лыонга, полного сил и энергии, быстрого и смелого разведчика. Его укрытие, где он так долго неподвижно пролежал на спине, углом выходило на берег ручья. Лыонг жадно вслушивался и ловил все звуки: и веселое пение птиц, и раздававшиеся где-то вдали взрывы бомб, и звонкий девичий смех на тропинке, ведущей из чащи к медсанбату, и чей-то говор, и плеск воды, когда кто-то стирал у ручья.

— Сколько времени я уже здесь? — спросил Лыонг у Нэт. Она, как всегда, сидела у его изголовья и скатывала бинт.

— Чуть побольше недели.

— Здесь недавно бомбили?

— Откуда вы знаете?

— Да вон земли сколько наворочено на берегу.

— Вам пока нельзя долго сидеть.

— Расскажите что-нибудь веселое!

— Да я не знаю никаких веселых историй... Вам нельзя долго сидеть...

— Пожалуйста, еще немного. Простите, я не спросил, как вас зовут? — спохватился, Лыонг, разглядывая нежное, мягко очерченное и спокойное лицо сестры. Его удивляло, почему она так неохотно, будто через силу говорит с ним. — Скажите же, как вас зовут? — переспросил он.

— Называйте меня просто сестрой.

— Но есть же у вас имя?

— Неужели я кажусь настолько старше, что вы все время называете меня на «вы»? — внезапно, с непонятной обидой в голосе и порозовев от смущения, спросила девушка, а бинт еще быстрее запрыгал в ее проворных пальцах.

— Простите, я не совсем понял... Да, да, конечно же... Простите, вы ведь совсем молоденькая, намного моложе меня...

Сейчас Нэт молила только о том, чтобы поскорее сдать это дежурство, которое сегодня казалось ей бесконечным. Сколько еще времени придется просидеть вот так, поддерживая столь нелепую беседу? Нэт по опыту знала, что раненые, долго пролежавшие без сознания, становятся словоохотливыми, как дети, и спрашивают буквально обо всем, что видят рядом. «Что, если он узнает, кто я? —

испугалась Нэт. — А чего, собственно, бояться? — тут же подумала она. — Не потащит же он меня сразу за руку в загс!» И сама над собой посмеялась в душе.

Медсанбат вновь сменил свое расположение и теперь находился в роще железных деревьев. По распоряжению доктора Лана Нэт стала присматривать за вновь поступившими, в основном это были легкораненые. Но периодически она навевывалась и к Лыонгу, чтобы посмотреть, как у него заживали раны и восстанавливалось здоровье. Его землянка находилась на противоположном берегу ручья за небольшой рощицей.

Как-то днем Нэт пошла к Лыонгу лесом. Вокруг стояли высокие железные деревья — лимы, дававшие большую тень. Был уже конец весны, и земля стала совсем сухой. Лишь изредка Там, где тесно переплетались ветки деревьев, попадались влажные прогалины. Шумели кронами деревья, высоко в небе слышался вой пролетающих самолетов. Нэт вышла на большую, залитую солнцем поляну, в центре которой стояло высокое дерево с многочисленными распластавшимися параллельно земле, совершенно голыми ветвями. «И что это за причудливое дерево такое?» — удивилась Нэт и тут же улыбнулась, вспомнив, как ее подруга Зы, объясняя дорогу к землянкам тяжелораненых, сказала: «Иди по зарубкам. Как дойдешь до такого очень странного, совсем голого дерева, так и сворачивай!..»

Нэт резко свернула в сторону. Острые сухие стебли с бледно-золотистыми бутонами травы долголетия грустно шелестели под ногами. Вдали на тропе Нэт вдруг заметила фигуру доктора Лана. Засунув руку в нагрудный карман халата, откуда торчал стетоскоп, он разговаривал с невысоким коренастым мужчиной — командиром медицинской роты.

Увидев Нэт, доктор Лан заулыбался. Добрые, усталые его глаза с покрасневшими веками пристально взглянули на сестру.

— Товарищ Нэт, как хорошо, что это вы. Я как раз вас ищу. Завтра вечером к нам прибудет новая партия раненых, и я решил утром отправить часть наших тяжелораненых в госпиталь. Идти с ними придется вам.

— Хорошо, — с готовностью ответила Нэт. — Сегодня же соберусь и завтра утром буду готова!

Лан лукаво улыбнулся:

— Вообще-то можно было бы и кого-нибудь другого послать, у вас и здесь дел хоть отбавляй, по... в этой партии будет Лыонг. Тут уж вас никто не заменит.

— Что вы сказали? — Нэт сердито подняла брови.

— Нет, нет, ничего...

— Я прошу... Я прошу направить вместо меня кого-нибудь другого!

— Ну-ну, я пошутил! А если б и всерьез сказал, что тут такого?..

Командир медицинской роты что-то заметил по этому поводу, и не привыкшая к мужским шуткам Нэт, обидевшись и покрасневшись, поспешила дальше, а они остались стоять на тропинке. Мысли ее невольно вернулись к одному эпизоду. Как-то, подходя к землянке Лыонга, Нэт заметила группу сестер. Они окружили кого-то и так громко хохотали, что доктор Лан вынужден был прикрикнуть на них. Громче всех смеялась Зы. Нэт невольно задержалась на тропинке, так как увидела, что в центре этого шумного кружка на скамье, сколоченной из двух длинных бревен, сидел подстриженный и только что выкупавшийся Лыонг. Правой рукой, чтобы не упасть, он держался за плечо одной из сестер, а левую, преодолевая боль, безуспешно пытался просунуть в рукав брезентовой робы, которую подавала Зы. Лицо его, вероятно из-за коротко подстриженных волос, казалось необычно юным и никак не вязалось с его большой, крепкой фигурой. Издали глядя на его обнаженную худощавую руку, Нэт вспомнила, как под бомбежкой, в кромешной тьме, в землянке, заполненной дымом, искала на этой самой руке вену, чтобы ввести в нее лекарство.

Зы помогла Лыонгу одеться и, подав все его бумаги, аккуратно завернутые в полиэтиленовую пленку, сказала:

— Проверьте, все ли на месте.

— Все, все, спасибо!

— А вы все же проверьте, мало ли что... — настаивала Зы под громкий хохот подружек.

— Проверьте, проверьте! — подхватили они. — Может, наш Слонишка что-нибудь у вас утащил?

Лыонг, смущенный их насмешливыми взглядами, совсем растерялся, когда узнал, что Зы нашла среди его вещей письмо, адресованное Нэт, и передала его ей. От стыда он готов был провалиться сквозь землю — за все это время он впервые вспомнил о существовании письма.

Лыонг вспомнил, как Кхюэ передал ему свое письмо и как в поисках Нэт он забрел на один из перевалочных пунктов, неподалеку от запруженного известняком ручья... Лыонг вспомнил мглистое раннее утро, пылавший в печи огонь, руки девушек, безостановочно катавших рисовые лепешки, и их озорной смех, совсем такой же, как у здешних сестер.

В то утро, невольно подслушав разговор Лыонга с сестрами, Нэт не решилась показаться ему на глаза и, повернувшись, ушла к себе. В последующие встречи оба вели себя, как обычно, делая вид, будто ничего не произошло. И все же Нэт очень хотелось узнать о брате, и как-то раз, не выдержав, она спросила о нем Лыонга. Обрадованный, Лыонг принялся с жаром рассказывать о своем любимце и проговорил почти целый час.

Сегодня Нэт шла к Лыонгу в последний раз. Он сидел у шалаша и крошил сухие листья для своей особой горской махорки. Этим листьям, оставлявшим после себя белый, как известка, пепел, знали цену только заядлые курильщики. Свертывая очередную самокрутку для одного из раненых, сидевших рядом с ним, Лыонг поднял голову и, увидев подходившую Нэт, стал поспешно искать свой посох, чтобы пойти ей навстречу. Но она опередила его и усадила за стол, за которым обычно обедал медперсонал. Лыонг зажег спичку и стал прикуривать самокрутку, выпуская клубы густого терпкого дыма.

— Что за табак такой крепкий? — спросила Нэт.

— Мы зовем его горским!

— Многие его не переносят. Говорят, от него кашель начинается.

— Да, меня тоже раньше от одной затяжки кашель давил, а сейчас ничего, привык вроде.

— А табаком вас не снабжают?

— Не успевают. В первую очередь надо доставить боеприпасы и рис. Это ведь намного важнее.

— Не курите махорку, — попросила Нэт. — Ведь у вас ранение в грудь...

— Доктор Лан сказал, что завтра меня отправят в госпиталь, — проговорил Лыонг. — Наверное, раньше чем через полмесяца я в часть не вернусь...

— Желаю вам побыстрее поправиться...

— Нэт, вы ничего не хотите Кхюэ передать? — спросил Лыонг, впервые назвав ее по имени.

— Если встретите его, скажите, где я работаю, — ответила Нэт, поднимая на него глаза.

— Вы столько сделали для меня... — запинаясь, начал Лыонг.

— Ну что вы! О чем вы?..

— Я всегда буду вам благодарен...

— Зачем вы так говорите?.. Не надо, Лыонг!

Она помогла ему войти в шалаш и пошла к себе, чтобы успеть подготовиться к завтрашнему, походу. Итак, завтра вечером она передаст Лыонга на попечение госпитального персонала. Пройдет немного времени, и он сможет вернуться в часть. А что будет потом?..

На джунгли падали косые лучи солнца, звонкоголосо пели птицы, однако все это не трогало Нэт. Она размышляла над словами доктора

Лана: «Тут уж вас никто не заменит... Ну-ну, я пошутил! А если б и всерьез сказал, что тут такого?..» — и вдруг испугалась, что кто-то может прочесть ее мысли. Солнечные зайчики, слепя глаза, прыгали по листьям. Вот и то причудливое темно-корое дерево — «голое», как сказала Зы. Оно действительно было странным: весна уже подходила к концу, а оно только начинало покрываться листвой. Нэт непроизвольно, будто защищаясь от яркого света, поднесла ладонь к глазам и посмотрела вверх: на одной высокой ветке появились круглые зеленые листочки.

Острые, как иглы, стебли травы долголетия царапали ноги. Нэт сорвала желтоватый цветок этой травы и тут же смяла его, точно стараясь дать выход неожиданно охватившей ее трепетной радости. Растерзанный цветок, осыпав на тонкие загорелые пальцы золотистую пыльцу, распространял благоухание.

11

В конце марта 5-й полк провел ряд наступательных боев против вражеских сил под Таконом. Плотное кольцо окружения, постоянные атаки, непрекращающийся артобстрел не давали неприятелю спокойно отсиживаться за оборонительными укреплениями. Несколько месяцев назад американцы собирались любой ценой удержать Кхесань, но в начале апреля они уже заговорили о том, чтобы вывести оттуда свои войска.

Туманы, долгое время окутывавшие Кхесанскую долину, кончились. Теперь каждое утро над обуглившимися скелетами лесов поднималось жаркое солнце, и до самого вечера лучи его нещадно палили землю. Солнечный диск, проделав дневной путь, вечером багровым шаром опускался за горами на западе.

В эти напряженные и трудные дни, когда солдаты готовились к новым суровым боям, в землянке радистов запела птица бонг-лау. Обычно она сидела на куске брезента, которым были покрыты ящики с аккумуляторами и запчастями, и, распушив светло-пепельные перышки на шее, смотрела на людей круглыми глазенками. И вдруг она запела. Лы, прислушиваясь, подумал: почему звонкое пение

птицы кажется ему таким строгим? Может, потому, что она поет над голой, выжженной землей?..

Последнее время Лы часто приставал к Кану с одним и тем же вопросом: «Скажи, я, по-твоему, хоть немного изменился?» Кан в ответ лишь улыбался. Приходя к радистам, Кан обычно устраивался в уголке и, прищурившись, с улыбкой слушал птицу бонг-лау. «Неужели одного этого уже достаточно, чтобы у него поднялось настроение? — думал Лы, пристально разглядывая неподвижно сидевшего, чтобы не спугнуть птицу, Кана. — Этот человек, смело вступивший в бой с целой ротой американцев, умеет так заслушаться пением птицы. А я вот ни за что не смог бы среди всего этого с таким удовольствием ее слушать. Да я вообще никогда по-настоящему не слушал птиц, и это, наверное, потому, что мне в жизни не довелось испытать того, что пережил он...»

Встретившись с первыми же испытаниями, Лы начал относиться к себе куда более критически, чем раньше. После всего пережитого во время весенних боев он стал суровее и строже подходить ко всему, с чем сталкивался в жизни, пытался по-новому оценить себя и свои поступки, старался более бережно и внимательно относиться к тем, кто сейчас окружал его. Благодаря этим простым солдатам, с которыми он теперь каждый день делил опасность, Лы обрел веру в высокое предназначение человека. И никогда еще жизнь не казалась ему такой прекрасной, как сейчас, хотя именно теперь большие испытания выпали им на этом огненном пятачке, изрытом бомбами и снарядами. И все же именно здесь Лы осознал смысл человеческого бытия.

Раньше он не зачитывался Островским в школе, как это делали многие его сверстники, но теперь ему очень хотелось быть похожим на Павку Корчагина, познать все трудности, пройти через все испытания, чтобы полностью раскрыть свои возможности...

Регулярно, раз в две недели, артисты фронтового ансамбля, все еще остававшиеся в артполку, передавали концерт для разведчиков. Больше всего бойцы любили слушать Хиен, а она каждый раз перед выступлением робко спрашивала по радио: «Скажите, товарищ Моан сегодня слушает меня?» «Вы с ним знакомы?» — с ревнивой ноткой в

голосе спросил ее однажды Лы, и она ответила, как ему показалось, очень просто и непосредственно: «Да, я с ним знакома».

Здесь, на НП, Моан как-то сразу стал для Лы ближе всех. Совсем недавно Лы рекомендовал его в комсомол. «У него не осталось никого из родных, поэтому родные ему теперь все те, кто находится рядом с ним», — думал Лы о Моане. Правда, нет-нет да и мелькала горькая мысль: «Зачем ему моя дружба? Ведь у него есть человек, который любит его...» А когда Хиен прислала Моану письмо и гостинец — кулечек яичного порошка и сахар — Лы еще больше огорчился. И действительно, кто из солдат не обратил бы внимания на этот факт?

На следующий день в землянку заглянул Хоат и сел рядом с разведчиками, которые в этот момент разбалтывали в кружках яичный порошок.

— Моан, какая она? Красивая? — спросил кто-то из бойцов.

— Конечно, — вмешался Хоат. — А ты слышал ее? Раз так поет, значит, обязательно красивая! — И, добавив в эмалированную кружку еще щепотку порошка, в свою очередь спросил: — И как ты ухитрился с ней познакомиться? Ведь ты всего каких-нибудь пару раз спускался туда за продуктами.

— Мы познакомились раньше, когда с Лы сопровождали ансамбль в полк, — покраснев, сказал Моан. — И вообще, она, если хотите, относится ко мне как к младшему брату.

— А о чем она с тобой говорила?

— Про родных расспрашивала. Еще про то, как я на Севере жил и как с Хо Ши Мином встречался... Она обещала, когда кончатся бои, побывать в моем селе и спеть там...

Лы, отпив глоток подслащенного яичного порошка, глянул на Моана и подумал: «Конечно, он красавец. Что тут говорить?» Юный Моан отличался атлетическим сложением, а широкий разлет бровей и упрямо сжатый рот придавали ему решительный, волевой вид. Лы вспомнил, как по дороге в полк Моан одним выстрелом уложил в джунглях косую. Какими восхищенными глазами тогда смотрели на

Моана и Хиен, и остальные девушки из ансамбля, а он с косулей на плечах, не обращая внимания на их взгляды, продолжал шагать вперед!.. «Может, Хиен, как и я, просто жалеет Моана? Может, ей, как и мне, хочется позаботиться об этом одиноком человеке? А может, он нравится ей? Хорош же я! Ревную к другу! А почему Хиен не может относиться к Моану чисто по-дружески? Разве могла она остаться равнодушной, узнав о том, что сделали с его семьей? Ведь не остался же равнодушным я! Почему я ко всему подхожу с такой старой, косной меркой, будто моралист феодальных времен?» — спрашивал себя Лы. Он вспомнил, как еще в молодежной бригаде многие спорили: почему, стоит только юноше и девушке подружиться, как все вокруг уже считают, что это любовь? Разве только любовь дает право на общение?

Разбираясь в незнакомых ему раньше душевных переживаниях, Лы понял, что в нем вновь заговорила любовь к Хиен, и любовь эта родилась не тогда, когда он слушал ее пение среди притихшего перед бурей леса, она родилась давно, несколько лет назад, и сейчас это чувство, глубокое и новое, стало неотделимым от воспоминаний о прошлом. Он уже потерял счет тому, сколько раз брался за письмо к Хиен, но всякий раз оно оставалось неотправленным. Откровения, мечты, размышления о любви, о жизни и будущем, — одним словом, все то, чем хотелось ему поделиться с ней, своей любимой, вдруг показалось ему в тот момент бесполезным. К чему все это, если они на самом деле чужие люди, если все, о чем он думал и на что надеялся, — всего лишь плод его фантазии? В конце концов он решил, что после окончания войны непременно разыщет Хиен, как разыскал ее когда-то в школьном лагере, и напомним, как однажды он уже стоял перед ней, растерянный и ошеломленный охватившим его неведомым чувством, как робко смотрел на нее, не решаясь поздороваться и сказать, что они знакомы. Они будут стоять рядом на освобожденной земле, счастливые оттого, что познали радость победы, гордые тем, что не только из книг узнали о настоящем мужестве и самопожертвовании. Хиен глянет на него и тихо спросит: «За что ты полюбил меня?» А он возьмет ее за руку и станет вспоминать об изрытой окопами и вздыбленной бомбами и снарядами высоте 475, где его товарищи пролили столько крови. Затем он приведет Хиен к своему отцу и скажет, что она — его лучший друг, а

отец, ласково, с лукавинкой глядя на них, расспросит (так, чтобы Хиен не очень смущалась, он это умеет) об ее родных, похвалит ее пение и поблагодарит за ту радость, какую она доставляла бойцам своим искусством...

В конце марта противник участил ожесточенные бомбардировки высот по обе стороны от дороги № 9. В один из этих дней Лы, сидя у передатчика, вновь услышал далекий знакомый голос: «Разрешите мне поговорить с бойцами НП-1». Лы, тщательно настроившись на волну, передал наушники Моану. Там, за передовыми позициями, пела Хиен, однако слышно было все равно очень плохо, поскольку высота 475 сотрясалась от взрывов бомб самолетов Б-52.

* * *

Кхюэ уже несколько дней находился в разведроту, куда его направил Нянь, чтобы заменить раненого Лыонга; при этом Кхюэ не освобождался от своих обязанностей помощника начальника штаба.

Обычно уверенный в себе, Кхюэ на этот раз сомневался, сможет ли он выполнить возложенную на него задачу, так как в постоянно меняющейся обстановке распознавать намерения противника становилось все сложнее.

Кхюэ пришел в разведроту с пустым вещмешком, в котором находились лишь полевая карта и бинокль, и первым делом направился к землянке кашеваров, чтобы постричься у каптенармуса Дао. Расспросив каптенармуса о солдатском житье-бытье, Кхюэ по примеру Лыонга захватил с собой спальный мешок и отправился к группе разведчиков, находившейся непосредственно возле укреплений противника.

В один из вечеров Нянь, Кхюэ, командир 1-го батальона Сыонг в сопровождении десяти человек поднялись на высоту 475, чтобы еще раз оценить складывающуюся обстановку. Нянь, хорошо изучивший местный рельеф, понимал, что высоте 475 в готовящейся операции предстоит сыграть важную роль: во-первых, здесь находился самый удобный для артиллеристов НП; во-вторых, все ходы сообщения, соединявшие южные позиции с местонахождением основных сил 5-го

полка, проходили непосредственно у подножия восточного склона. Если б врагу удалось выбросить десант и укрепиться на этой высоте, то почти весь боевой порядок 5-го полка оказался бы под прицельным огнем противника, а фланги подразделений, выдвинувшихся вплотную к вражеским заграждениям южнее Такона, оголились бы.

Луна скрылась, и по изрытому воронками склону стало труднее пробираться, к тому же то и дело попадались еще горящие участки земли. Наконец командир полка и сопровождавшие его лица поднялись на Петушиный Гребень — самую высокую точку высоты 475, откуда открывалась широкая панорама местности. Нянь долго рассматривал восточные склоны и, сделав необходимую прикидку, направился вместе с Кхюэ к землянке радистов. Кхюэ впервые видел Няню таким взволнованным. Командир полка крепко пожал руку Лы, затем нежно обнял его и тихо сказал:

— Кинь мне говорил, что ты здесь.

Кхюэ и Лы после той случайной встречи на марше виделись впервые. Они долго недоуменно молчали, прежде чем окончательно не признали друг друга. Ведь уже прошло почти полгода, и за это суровое время они успели измениться даже внешне. Угольно-черные глаза Лы по-прежнему мечтательно светились, но у Кхюэ сжалось сердце, когда при свете коптилки, сделанной из консервной банки, он увидел всю в заплатах форму Лы, его ссутулившиеся плечи, похудевшую и от этого казавшуюся особенно длинной шею.

— Дай-ка я на тебя посмотрю! — Голос Лы выражал неподдельную радость. — Садись-ка сюда! Догадайся, что у нас в этом углу? Птица! Настоящая! Нет, правда, если бы ты не сказал, что ты — это ты, я б тебя ни за что не узнал. Ты здорово изменился!

— Что, постарел? — шутливо спросил Кхюэ.

— Нет, в нашем с тобой возрасте не стареют. Ты просто возмужал, стал совсем настоящим командиром.

— Новые стихи написан?

— Пишу понемногу. А как ты?

— Да вот временно назначен в разведроту.

— Я так рад за тебя! — воскликнул Лы. — Столько слышал о твоих успехах. Ты молодец. Да и что тебе возле моего отца торчать? Небось несладко было? Он хороший, конечно, только характером крут! Горяч больно, правда?

Кхюэ улыбнулся и подумал: «Сам-то ты тоже горяч».

— Я сразу тогда понял, — продолжал Лы, — когда мы с тобой встретились, что ты парень решительный, настоящий солдат, не то что я. Я теперь знаю: одного желания недостаточно, нужно еще и умение бить врага. Решимость у меня есть, а вот солдатскую науку я еще не одолел.

Время торопило, надо было уходить. Кхюэ вынул из кармана и протянул Лы начатую пачку сигарет. В этот момент раздался взрыв, за ним последовали другие. Землянка заходила ходуном. Сверху посыпались земля и камни, гулко ударяясь об железную каску Кхюэ. Лы спокойно продолжал прикуривать сигарету. Огонек спички осветил его блестящие черные волосы и открытый лоб в капельках пота.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОСВОБОЖДЕННАЯ ЗЕМЛЯ

1

Через два дня неприятель выбросил бригаду «воздушной кавалерии»^{29} и группу парашютистов марионеточной армии на территорию, которую его авиация тщательно обрабатывала в последнее время. Небо над Кхесанью, казалось, разрывалось от рева моторов. Сейчас здесь можно было увидеть все типы бомбардировщиков, вертолетов и транспортных самолетов. Они оказывали огневую поддержку, сбрасывали боеприпасы, оружие и снаряжение для только что, приземлившихся подразделений.

Наши войска не были застигнуты врасплох и оказали врагу поистине горячий прием. Уже в течение первых дней было сбито несколько десятков вертолетов, и сотни трупов солдат противника усеяли вершины холмов вокруг Кхесани. Бойцы 5-го полка, несмотря на невероятную усталость после нескольких месяцев напряженной осады

Такона, продолжали успешно отражать воздушный десант. Противник настойчиво пытался закрепиться в районе высадки и надеялся в дальнейшем соединиться с морскими пехотинцами, однако ему не удалось осуществить свой замысел: 3-й батальон под командованием Вьонга прочно удерживал свои позиции южнее высоты 475 и отбил уже ряд ожесточенных вражеских атак. Высадившееся на западном склоне высоты 475 подразделение противника было встречено мощным огнем нашей артиллерии и понесло большие потери; затем пехотный батальон 5-го полка контратаковал его и полностью уничтожил.

Казалось, в разведроте никогда еще не было таких напряженных дней. Разведчики то и дело уходили на боевые задания, чтобы добыть новые сведения о противнике.

Внимание всех сейчас было приковано к району высадки вражеского десанта. Трудно было и тем, кто оставался в тылу. Целыми днями в небе кружили самолеты противника. Уже разбомбило землянку кашеваров, и каптенармус Дао вынужден был перебазироваться на новое место, поглубже в лес. Возвращались разведчики усталыми, их потные лица были измазаны сажей, поскольку им приходилось пробираться через горящие джунгли. Многим из них на обратном пути не удавалось избежать стычек с неприятелем.

Придя в роту, бойцы, как правило, усаживались около землянки кашеваров и за едой судачили то о различных сортах мясных консервов, то о трудностях службы тыла, то о действиях вражеского десанта. Каптенармус Дао, прислушиваясь к этим разговорам, кивал лысой головой и приговаривал:

— Черт бы их побрал! Летают взад и вперед, а здесь из-за них ни попить, ни поесть спокойно нельзя!..

В пять часов вечера на второй день этих боев какое-то подразделение марионеточной армии сосредоточилось примерно в километре юго-западнее высоты 475, но через полтора часа оно оставило свои позиции и скрылось в неизвестном направлении. Штаб полка приказал командиру разведроты выяснить, куда двинулось это подразделение.

Уже начинало смеркаться. В стороне от леса рвались бомбы. Кхюэ сидел на корточках возле телефона и, подперев подбородок руками, слушал только что вернувшегося из разведки командира отделения Тоя, который изо всех сил старался придать своим озорным и живым глазам серьезное выражение.

Той был ровесником Кхюэ и старым его приятелем, а вдобавок ко всему приходился ему дальним родственником. В прошлом году, когда Кхюэ был еще командиром отделения, Той был помощником командира отделения в другом взводе. По субботним вечерам или по воскресеньям, когда выдавалось свободное время (тогда их часть стояла в тылу), Той иногда захаживал к своему другу. Бывало, одолжив у крестьян бредень, они отправлялись на рисовые поля ловить мелкую рыбешку, потом покупали большой бидон пива и приглашали всех своих товарищей на жареную рыбу. За пивом завязывался оживленный разговор, и бойцы вспоминали о доме, родственниках, девушках и о тех местах, где они бывали. После назначения Кхюэ ординарцем к замполиту они встречались редко, но, когда Кхюэ вместе с начальником посещал разведроту, Той непременно затаскивал друга к себе и чем-нибудь потчевал из своих запасов. Во время одной недавней встречи Той сообщил Кхюэ о том, что видел и медсанбате Нэт, когда ходил туда проведать Лыонга и отнести ему вещи. «Твоя сестра хорошо выглядит, — сказал он Кхюэ, — щечки, как яблочки, румяная такая. Я слышал, там говорили, будто у них с Лыонгом ничего не получилось». Той с Кхюэ были на «ты» и называли друг друга «старик». Правда, с тех пор как Кхюэ принял командование ротой, отношения между ними несколько изменились. Во время личных бесед они вели себя в той же манере, что и раньше, но в служебное время Той относился к своему другу как к начальнику, и Кхюэ принимал это как должное.

Всю вторую половину дня Той со своим отделением вел наблюдение за местностью, расположенной юго-западнее высоты 475, и сейчас он старался детально доложить Кхюэ обо всем, что удалось обнаружить. В заключение Той предположил, что покинувшее район высадки вражеское подразделение будет действовать на другом направлении.

— А вы как думаете? — спросил он у Кхюэ, закончив свой доклад.

Кхюэ молчал и только несколько раз потерся подбородком о рукав гимнастерки. Взгляд его узких глаз по-прежнему был спокоен. «Удивительно, как он сейчас похож на Няна!» — подумал Той, глядя на друга, и нерешительно зажег сигарету. Кхюэ неожиданно протянул руку и пощупал подсумок, висевший на боку у Тоя.

— Нет ли у тебя конфетки?

Той вынул жевательную резинку и протянул ему. За два последних дня на Кхюэ свалилось очень много забот, и ему было не до еды. Новый командир роты еще не прибыл, и Кхюэ приходилось одному заниматься всеми вопросами. Но сейчас перед ним стояла самая ответственная задача — разгадать, с какой целью противник начал это передвижение. Чтобы дать правильный ответ, надо было очень тщательно изучить и сопоставить поступившие данные. Ошибочная информация о намерениях противника может дезориентировать наше командование и помешает принять правильное решение.

Выслушав доклады двух командиров разведывательных групп, Кхюэ пришел к выводу, что противник никуда не уходит, а по-прежнему сосредоточивается в районе оголенных холмов к юго-западу от высоты 475. «Той — хороший разведчик, — подумал Кхюэ, — но, вероятно, из-за наступивших сумерек он не смог понять тактического маневра противника...»

Кхюэ передал в штаб полка полученные от разведгруппы сведения и попросил разрешить ему вместе с отделением Тоя еще раз провести разведку, чтобы точно установить место сосредоточения высадившегося десанта.

Когда разведчики вышли к дороге, луна скрылась в облаках, стало совсем темно. Вскоре они добрались до наблюдательного пункта и встретили там бойца Фана, которого оставил Той для наблюдения за противником. Разделившись на несколько групп и соблюдая все меры предосторожности, разведчики стали прочесывать местность. После полуночи бойцы вернулись к месту сбора, так и не обнаружив противника. Кхюэ решил проникнуть в район, где высаживался вражеский десант, и еще раз осмотреть его. Как и докладывал Той, здесь остались только брезентовые палатки. Вместо часового на

посту стояло чучело; еще дымился костер. На дне не полностью отрытых одиночных окопов валялись страницы из иллюстрированных журналов; кое-где виднелась протянутая колючая проволока...

В одном из окопов Кхюэ неожиданно наткнулся на свернувшегося калачиком вражеского солдата. Увидев, что его обнаружили, он тут же выскочил из окопа и с ревом бросился в ноги Кхюэ. Если бы не пятнистая, зелено-коричневая форма со множеством карманов, этого солдата можно было бы принять за обычного мальчишку.

Кхюэ, отстранившись, заставил юнца поднять руки.

— Чего реवेशь? — прикрикнул он.

— Боюсь. Я спрятался, чтобы утром, с рассветом, идти искать вас, вьетконговцев...

— Где оружие?

— Здесь, вот оно!

Мальчишка прыгнул обратно в окоп и выволок автоматическую американскую винтовку, которая была намного выше его.

Расспрашивая пленного, Кхюэ выяснил, что во второй половине дня пять взводов марионеточной армии высадились в районе холмов и с наступлением темноты ушли на соединение с каким-то американским подразделением, чтобы завтра совместно атаковать высоту 475. О себе этот юноша сообщил, что ему недавно исполнилось шестнадцать лет и что его насильно призвали в марионеточную армию.

— Не от хорошей жизни марионеткам приходится брать в солдаты вот таких сопляков! — сказал Той Фану, и оба с уважением посмотрели на Кхюэ: его предположение, что противник находится где-то поблизости, подтвердилось.

Только перед рассветом отделению Тоя удалось нащупать место сосредоточения неприятельских сил. Воспользовавшись беспечностью вражеского боевого охранения, разведчики внезапно атаковали расположившееся на отдых подразделение противника и нанесли ему большой урон.

* * *

Безымянная высота фактически находилась на нейтральной полосе, и Кан по указанию своего командира принимал все необходимые меры по защите своего НП. В один из дней он с Хоатом создал специальную группу из девяти человек, включив в нее не только разведчиков, но и бойцов из соседних подразделений. Это были и саперы, и зенитчики, и химики, выполнявшие свои задачи неподалеку от артиллерийского НП. Кан расположил свою группу с таким расчетом, чтобы она могла одновременно прикрывать и подходы к северному склону высоты 475.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как противник начал осуществлять свою операцию под кодовым названием «Скотланд», и теперь он готовился перейти к решительным действиям.

Как-то утром над нашими позициями появился вражеский самолет, и с него через громкоговоритель стали вещать: «Дорогие друзья, солдаты Вьетконга! За последние дни вы имели возможность убедиться в преимуществах и силе правительственной армии и армии союзников. В соответствии с программой великого национального объединения вам будут прощены ваши прошлые заблуждения и ошибки. Друзья, возвращайтесь к правительству и свободному миру! Вам будут предоставлены достойные вас посты и положение в нашей армии, или же вы сможете выбрать другую, подходящую вам профессию. Мы обеспечим вам невиданную ранее счастливую жизнь...»

Возмущенный этой наглой выходкой врага, Моан не выдержал и, вскинув автомат, дал очередь по пролетавшему на бреющем полете самолету. Неожиданно громкоговорители замолкли, из фюзеляжа вылетело пламя. Оставляя за собой длинный дымный шлейф, самолет исчез за густой зеленью лесов и рухнул у подножия горы Донгчи.

* * *

Хоат и сапер Ши, остроносый некрасивый парень, который славился своей игрой на бамбуковой дудке, уже заканчивали оборудовать окоп, когда к ним подошел Кан. Он пригласил Хоата проверить, как бойцы готовятся к предстоящему бою. Подходя к позициям, они первым

увидели Моана: он старательно чистил автомат и ничего не замечал вокруг себя. Рядом с Моаном боец включил транзисторный приемник. Ханойское радио передавало утренний выпуск последних известий, сообщая о новых успехах на Кхесаньском фронте. «Ханой так далеко, а там уже знают, как мы здесь воюем», — подумал Моан, проверяя ствол автомата, и лицо юного бойца озарилось по-детски счастливой улыбкой.

— Ты что улыбаешься, малыш? — стараясь сдержать собственную улыбку, спросил Кан, похлопав Моана по спине.

— А, Кан, это вы! — оглянулся застигнутый врасплох Моан. — Ну как, будем сегодня драться?

— Если не сегодня, то завтра или послезавтра обязательно, — ответил Кан. — Так что не волнуйся. Может, даже сегодня.

— А вы видели, как я самолет сбил?

Кан молча кивнул и, внимательно осмотрев огневую позицию Моана, велел тщательно замаскировать ее...

Утром следующего дня противник подверг ожесточенной бомбардировке высоту 475. Наблюдая за действиями вражеской авиации, Хоат понял, что она приступила к расчистке площадки для высадки десанта на восточном склоне этой высоты. Едва лишь успели скрыться бомбардировщики, как над полем боя появилась вереница вертолетов, которые под прикрытием артиллерийского огня стали приближаться к намеченному району высадки десанта. Наши зенитчики открыли огонь, и сразу две машины рухнули на землю.

— Красиво работают наши ребята! — воскликнул Хоат.

Однако вертолеты продолжали прибывать, и вскоре 5-й полк вступил в бой с высадившимися подразделениями воздушно-десантной бригады.

* * *

Моан, закусив травинку ровными белыми зубами, прислушивался к выстрелам с той стороны и не заметил, как подошел Ши, чтобы послушать по приемнику последние известия.

— Ты откуда родом? — спросил Ши, разглядывая ровные дуги бровей на белокожем лице Моана.

— Я местный, здесь неподалеку мы жили... А ты откуда?

— Я-то издалека...

— Ты здорово на дудке играешь!

— Мальчишкой еще научился, когда буйволов пас... Тебе есть уже семнадцать?

— Ты что! Мне полных восемнадцать!

— А ты метко стреляешь! Ловко справился с этим стервятником!

— Я много охотился, и глаз у меня натренирован... Опять присылают кандидатов на тот свет, — злым голосом сказал вдруг Моан, показывая на многочисленные фигурки вражеских солдат, выстраивавшихся в боевой порядок на пологом, с остатками зеленого травяного покрова склоне. Но в следующее же мгновение наша артиллерия метким огнем накрыла противника, и он в панике откатился назад.

К полудню у подножия Безымянной высоты высадились роты морских пехотинцев. Пять раз она атаковала отделение Кана, и всякий раз уходила с большими потерями. Много вражеских солдат подорвалось на минах, установленных Хоатом и Ши. Несмотря на огромное численное превосходство врага, наши бойцы не дрогнули и стойко удерживали свои позиции. Последнюю атаку им пришлось отражать впятером, поскольку двое уже были убиты, а двое — Ши и Кан — тяжело ранены.

Все утро Лы беспрестанно передавал по радиации координаты обнаруженных целей, поочередно работая с несколькими абонентами. Перед ним уже ярко вырисовывалась общая картина развернувшихся

событий. Попавшие в окружение морские пехотинцы неприятеля все же смогли продвинуться вперед на западном направлении, но соединиться с воздушно-десантной бригадой им так и не удалось, поскольку на своем пути они встретили мощное сопротивление 5-го полка.

Радисты теперь расположились в землянке на вершине «Б», примерно в километре от Безымянной высоты, где после ожесточенного боя наступило затишье. Дым постепенно рассеивался, и в лучах солнца засверкали каски и пряжки убитых американских солдат. Неожиданно внимание Лы привлекла юркая фигура пробиравшегося по ходу сообщения человека. Через десять минут он уже находился около землянки. Его лицо было настолько грязным и закопченным пороховой гарью, что Лы не сразу признал в нем Моана, который пришел сюда за боеприпасами.

Сплюнув набившийся в рот песок и тяжело двигая белозубой челюстью, Моан попросил пить.

— Как там? — поинтересовался Лы, протягивая фляжку с водой.

— Деремся! Уже столько навалили трупов, что из окопов ничего не видно из-за них! — с гордостью ответил Моан.

Около четырех часов дня неприятель снова начал ожесточенную бомбардировку всех трех вершин высоты 475. Телефонная связь была прервана, и одному из разведчиков с НП пришлось бегом спускаться вниз и ликвидировать обрыв. Однако через некоторое время связь снова нарушилась. От разрывов бомб землянка ходила ходуном, и у Лы было такое ощущение, будто он сидел верхом на несущейся галопом лошади. Вскоре Лы заметил, что на вершине «А» высадился взвод американских солдат. Их блестящие каски мелькали возле закопченных дочерна камней. Надо было срочно вызвать огонь, но только Лы взял в руки микрофон, как рядом с землянкой разорвалась бомба, и взрывной волной его бросило на пол. С трудом сохраняя равновесие, он поднялся и направился к рации, чтобы связаться со штабом арtpолка. Из царапины на лбу сочилась кровь, попадала в глаза и, стекая по щекам, проникала в рот. Лы казалось, что он передает координаты каким-то странным, чужим голосом.

Через одну-две минуты на вражеский взвод с резким свистом обрушилось свыше десятка снарядов. В течение этого короткого огневого налета было уничтожено более половины взвода противника, оставшиеся в живых солдаты бросились искать укрытие.

Однако вражеский десант продолжал прибывать, и Лы увидел, как неподалеку от землянки радистов высадились две роты американцев. Рассыпавшись по склону и ведя на ходу огонь, они с угрожающими криками поднимались на вершину «Б». Впереди бежал здоровенный верзила с волосатыми руками и в очках, будто клещами зажимавшими нос. Он по антенне обнаружил укрытие Лы и, пятась назад, подзвал своих. В землянку сразу же полетели гранаты. Одна из них с шипением упала у входа, но схватить ее и бросить обратно Лы успел. На какое-то мгновение американцы замешкались и остановились.

Решение вызвать огонь на себя пришло к Лы легко и просто, как нечто само собой разумеющееся. Прижимая к груди рацию, словно сейчас она была для него дороже жизни, он звонким голосом стал называть координаты, требуя немедленно открыть огонь.

— Почему не открываете огонь по квадрату 75–34? Я уже переменяю место! Начинайте! Скорее, скорее же! — торопил он сначала того бойца, который держал с ним связь, а потом какого-то штабиста на КП полка.

Через несколько минут, когда вражеские солдаты плотным кольцом окружили землянку Лы, вершина «Б» сотряслась от взрывов снарядов.

...Лы лежал, уронив голову на рацию и крепко сжимая пальцами наушники. Последним усилием он приподнял голову: по высокому синему небу, наливаясь алым цветом, летело к нему, ближе и ближе, красное знамя. Угольно-черные глаза Лы закрылись навсегда. Спутанные черные волосы, на которых запеклась кровь, упали на бледный, в капельках пота лоб.

* * *

После непрерывных боев Нянь чувствовал невероятную усталость. Ввалившиеся щеки заросли густой щетиной, нервы были напряжены до предела. Только за последние сутки 5-й полк уничтожил более

четырёхсот вражеских солдат, отражая одну их атаку за другой. Действия полка эффективно поддерживали артиллеристы. Воспользовавшись наступившим затишьем, Нянь решил произвести необходимую перегруппировку и усилить оборонявшиеся на главном направлении подразделения полка. Едва начало смеркаться, как Нянь отправил пехотную роту и два разведывательных отделения на северо-западные позиции своего участка обороны. Вместе с разведчиками отправился и Кхюэ. Прибыв на высоту 475, разведчики обнаружили в обвалившейся, со снесенным перекрытием землянке тело нашего бойца. Кхюэ содрогнулся, узнав в погибшем Лы, крепко прижимавшего свою рацию. В первый момент ему показалось, что Лы просто заснул после трудного дня. Кхюэ обнял друга за плечи и безнадежно окликнул его, а потом бережно вынес тело Лы из разрушенной землянки и опустил на землю.

За лесами на берегу Сепона вставала огромная луна, чем-то похожая на плывущую лодку. Багровым шаром поднималась она над сполохами от разрывов бомб и курчавыми дымными полосами от осветительных ракет. Сына своего замполита разведчики похоронили рядом с землянкой, в которой он принял свой последний бой.

Луна, будто намеренно задерживаясь, никак не могла оторваться от зубчатой кромки лесов на горизонте...

Кхюэ, прижимая каску к груди, несколько минут стоял молча над могилой Лы. Сердце его разрывалось от скорби.

С тяжелым чувством двинулись бойцы к Безымянной высоте, где воцарилась необыкновенная тишина. Попадавшиеся на каждом шагу брошенные автоматы, пулеметы, каски и трупы американских солдат красноречиво свидетельствовали о недавно происходившей здесь ожесточенной схватке. Теперь вряд ли кто сможет со всеми подробностями рассказать о том, как вчера девять комсомольцев под командованием коммуниста Кана дрались с ненавистным врагом. Но истории будет известно главное — они стояли насмерть и до конца выполнили свой воинский долг.

Оставив здесь одно отделение, Кхюэ направился на разведку к высоте 401, все еще занятой противником. Собирая тела павших товарищей и

приводя в порядок разрушенные на Безымянной высоте окопы и землянки, бойцы наткнулись на засыпанный землей транзисторный приемник. Кто-то включил его, и неожиданно зазвучали знакомые сердцу слова:

Ханой, мой Ханой,
Город мой светлый,
Озерная гладь голубая,
Веселые улицы лета... {30}

В это время над высотой появились вражеские самолеты. Но сквозь рев моторов, разрывавший воздух, в небо поднималась песня торжествующей любви к жизни.

2

И вновь прилетели издалека птицы пит — вестницы поры любви и урожая. Зазолотился на горных полях и делянках рис. Впервые горцы западного края снимали два урожая в год. Как и внизу, в долине, сбор осеннего урожая здесь приходился на октябрь — ноябрь, и это были самые веселые и радостные дни года: люди ощущали на своих ладонях тяжесть налившихся рисовых зерен. В феврале они расчищали горные участки под поле, а в апреле закладывали рисовые зерна в крошечные темные, жирно сдобренные золой лунки.

В сентябре — октябре птицы пит летели сюда стая за стаей. Проказливые и пронырливые, они с веселым щебетом кружились над полями в лучах утреннего солнца под холодным, пронизывающим ветром. Вторя им, оглушительно кричали попугаи, ворковали голуби, вопили, подражая попугаям, мартышки, выбегая из скалистых пещер и делая набег на золотившиеся рисовые поля. И пичуги, и лесное зверье — все так и норовили урвать побольше от урожая, которого ждал человек. В это время люди семьями выходили в лес, валили деревья и ставили караульные вышки. Сколько историй, секретов и радостей хранила каждая такая вышка! Рано поутру выходили в поле девушки. Подолы их юбок и обшлага рукавов быстро становились мокрыми от росы. Не спеша обходили девушки поле; мелькали их руки, ловко подрезавшие ножами или же остро отточенным бамбуком сникшие под тяжестью зерен колосья на подсохших стеблях. Колосья

клали в заплечные корзины. Полнехонькими корзинами заставляли все четыре угла караульной вышки. Над разровненным участком, где обмолачивали рисовые колосья, устанавливалось толстое бревно, и все — старики, дети, а главным образом, юноши и девушки, — собравшись вместе, каждую ночь шли сюда молотить рис.

Юноши становились в один ряд, девушки — в другой, и раздавался мерный стук обмолота. Девушки пели:

Трудно милого достать,
хоть милый и рядом.
Мне без милого не жизнь —
ничего не надо!..

Под утро у костра уже всякое угощение стояло — и мясо, и вино, и свежий клейкий рис, сваренный на пару, да только за трапезой в основном сидели одни старики, а парни и девушки, разбившись парочками, разговоры вели да шутками перебрасывались.

Такими веселыми были когда-то дни урожая и в родном крае Сием. Все это время, бывало, никто глаз не смыкал, но люди были бодры и веселы. После уборки урожая мужчины занимались охотой, женщины — пряжей, а для молодых людей наступала пора свадеб.

Срезая рисовые колосья, Сием вспоминала о том прекрасном времени, когда она вместе с подругами обмолачивала рис около караульных вышек. А теперь в небе гудели самолеты, издали доносился грохот орудий. Нещадно палило солнце, и тростниковая корзинка, висевшая на боку, тянула Сием к земле. В стареньком синем платье и черном платке, наполовину закрывавшем лицо, она сосредоточенно убирала рисовые колосья и всякий раз, поднимая голову, видела серую, молчаливую тень работавшего вместе с ней Киема. Кием, ее муж, вернулся...

Примерно полмесяца назад Сием вместе с группой односельчан ходила носить раненых, а вернувшись домой, она с ужасом увидела сидевшего возле заплесневевшей кормушки с кумысом и пристально уставившегося на свои брезентовые ботинки Киема. Фанг в тот день тоже был дома. Заложив за спину руки, он с сумрачным видом

вышагивал взад и вперед перед сыном. Все трое старались не смотреть друг на друга, никто не проронил ни слова.

В тот же день, повинувшись отцу, Кием взвалил на плечо сумку и отправился в волостной комитет, где его уже давно зачислили в разряд опасных элементов. Кием без утайки рассказал все и во всем повинился. Кто бы мог подумать, что этот бравый десантник, за которым укрепилось прозвище «генерал Ки», так быстро утратит веру во все? После убийства лейтенанта и потом, после того, как ему чудом удалось спастись во время молниеносной атаки бойцов Освободительной армии, в нем созрело твердое решение покончить со всем этим, и он бросил свою роту сразу после той памятной ночи поражения. Он убежал, бросив все, и долго скитался, блуждая по джунглям, как отставший от стаи дикий зверь. Мрачные дни пришлось ему пережить, когда он бродил по лесам детства, которые теперь стояли растерзанные американскими дефолиантами и бомбами.

Кто же, кто в ту страшную ночь артиллерийского обстрела выкрикивал в мегафон его имя? Снова и снова задавал себе этот вопрос Кием. Чей он был, этот голос, вырвавший его из беспомощности, когда он, поверженный, валялся в обвалившемся окопе? Кием, кто призывал тебя сложить оружие и вернуться, к семье, домой?..

В волостном комитете Кием пробыл три дня, где с ним и еще с несколькими десятками таких же, как он, провели политическую работу. Кием впервые понял, кем он стал на самом деле. Домой он вернулся в очень подавленном состоянии и казался еще более молчаливым, чем раньше.

Фанг часто подолгу не бывал дома, и Кием уходила ночевать к соседям. Кием же, завернувшись в одеяло, которое одновременно служило ему и подстилкой, ложился спать в маленьком верхнем дворике. Днем он безропотно выполнял любую работу: сажал рис, расчищал под делянки склоны гор. Прислушиваясь к разрывам бомб и грохоту артиллерийской канонады, Кием настороженно следил за разворачивавшимися действиями американской воздушно-десантной бригады и, когда он узнал, что ей не удалось пробиться к окруженному Такону, в душе очень обрадовался этому. Понемногу к нему стало приходить прозрение. Попойки, гулянки, убийства, поджоги — все это

теперь вспоминалось ему, как страшный сон. Он понимал, что ему еще предстоит пройти долгий и трудный путь, чтобы искупить свою вину перед народом.

Как-то вечером старый Фанг заглянул домой. Вместе с ним пришла незнакомая пожилая женщина, повязанная синим платочком. Глубокие морщины залегли на ее лице. Сиём вспомнила, что видела эту женщину в уезде, когда несколько месяцев назад ходила туда на собрание. Эта женщина выступала тогда перед теми, чьи мужья или сыновья находились в марионеточной армии. Она призывала женщин заставить мужей или сыновей вернуться домой и просила не чураться их, не прогонять, а, наоборот, помочь стать им на правильный путь.

Сиём сварила на пару рис и пригласила Фанга и женщину отведать его. Киёма дома не было. Фангу хотелось, воспользовавшись своей недолгой побывкой дома, попробовать поговорить с сыном, но Киём в последнее время завел привычку пропадать по целым ночам. Гостию между тем завела разговор с Сиём, рассказала, что у нее у самой муж в годы Сопrotивления был на службе у марионеточных властей. Накануне заключения мира, когда наши войска должны были вот-вот прийти сюда, муж ее вернулся домой. Сиём сердцем поняла, как трудно было этой честной женщине вновь обрести в своем бывшем муже человека, которому можно доверять, с которым можно вместе пройти жизнь.

Уходя, старик наказал Сиём следить за всем, что делает муж, и не позволять ему уходить далеко от дома.

— Ну как ты решила? Будешь с ним жить? — неожиданно спросил Фанг.

Сиём низко опустила голову и ничего не ответила.

— Ты что, когда ходила раненых носить, Льюнга так и не встретила? — мягко спросил старик.

— Нет, искала и не нашла, — залившись краской, ответила Сиём.

— Ты сама решай, как тебе с Киёмом быть дальше. Будете вы вместе или нет — это только от тебя зависит! — напрямую начал старик. —

Только вот что: ты должна помочь ему стать другим человеком. Нельзя, чтобы он еще раз споткнулся. Занят я по работе, иначе дома остался бы и сам за всем проследил.

После их ухода Сиём накрепко закрыла двери, задвинула засов и, повинувшись всегдашней привычке, села перед горящим очагом. Мысли ее снова вернулись к тому, что будет завтра. Больше чем полмесяца носила она раненых. Всех имен-то не упомнишь, кого она встретила за это время. Не пересчитаешь всех солдат, кого она вынесла на своих плечах. Всюду, на всех дорогах и тропках, искала она Лыонга. Где же ты, Лыонг? Майскими ночами льется яркий лунный свет. Где же ты, Лыонг, где?..

* * *

Начинало светать. Над домами вдоль скалистой гряды уже поднимались вверх тонкие струйки дыма — ставили варить кто рис, кто кукурузные початки. Вот уже несколько дней все торопились подняться пораньше и поскорее выйти в поле.

Неподалеку от дома Фанга, за высокими большими камнями, стоял домик, полный наголо обритых веселых и здоровых ребяташек. В нем жила семья Ни То. Сам хозяин был добрый, но безвольный человек, во всем полагавшийся только на свою жену. Когда они жили в «стратегической» деревне, Ни То забрали в марионеточную армию, но его жена сумела добраться до самой Кхесани и добилась, чтобы ее мужа освободили от военной службы. Перебравшись в горный край, супруги быстро обзавелись новым хозяйством и жили в полном согласии. Правда, иногда Ни То напивался и начинал шумно бахвалиться перед односельчанами, что будто бы он не раз отпускал пощечины американцам, однако, завидев свою жену, он сразу же замолкал и безропотно следовал за ней.

Проснувшись, Сиём услышала, как ее муж разговаривал с одним из парней, подбивавших его поохотиться на косуль. За этим парнем в селе укрепилась дурная слава, и теперь волостные власти за ним приглядывали. Через бамбуковую ставню Сиём увидела, что гость стоял уже наготове с охотничьим ружьем и поторапливал ее мужа, бросавшего в грязно-серую сумку свои пожитки. Набив сумку, Киём

перекинул ее через плечо привычным проворным движением десантника, перепоясавшись патронташем, вместо того чтобы спуститься по лестнице, оперся рукой о помост и бесшумно спрыгнул на землю. Но только приятели стали закуривать перед дорогой, как во двор выскочила Сием и протянула мужу рисовые колобки и большой топор, каким расчищают лес под поле. Мужчины одарили ее таким взглядом, что она невольно содрогнулась, однако ее тихий голос прозвучал решительно:

— Разве ты в поле уже все дела закончил, что бежишь на охоту? Сегодня я начну сеять, оставайся дома! Ты что, всю работу на меня одну взвалить хочешь?

— Ты что же, выходит, не пускаешь его? — с прищуром глянул на нее парень.

— Иди, иди, и один сходишь! — махнула Сием. — А у него и дома дел хватит!

— Да ведь он вовсе и не муж тебе, — гнусно хохотнул парень, показав золотые коронки. — Что же, выходит, работать заставляешь, а им самим брезгуешь?

Кием осторожно провел рукой по лезвию топора. Он узнал старый отцовский топор: каждый год он рубил им деревья, когда начинали расчищать под посев новый участок. Кием вдруг вспомнил, что раньше у старика было два таких топора. Этот старик выковал собственными руками.

— Ладно, иди один, я не пойду! — бросил он парню, а сам повернулся к Сием, и как долгий вздох, у него вырвалось: — Тоска, вот и захотелось поохотиться, только и всего...

Ее вдруг охватило раздражение.

— Раньше ты тоже, бывало, говорил, что тебе скучно, и удираешь из дому!

Это был первый их разговор после его возвращения. Повернувшись, Сием торопливо поднялась в дом. Она боялась, что не сдержится и

вот-вот расплечется прямо на их глазах. Ей вдруг необыкновенно отчетливо припомнился тот день, когда Кием зверски избил ее кнутом. Даже показалось, что от него вновь разит одеколоном и американскими сигаретами.

Дело шло к лету, и в то утро солнце поднялось очень быстро. Дорога от села ко вновь расчищенным под поля участкам проходила у подножия скалистой гряды. Ручей здесь пересох. Лишь кое-где в маленьких редких лужицах сверкала застоявшаяся вода, а в глубоких излучинах она позеленела и замутилась. Острые большие камни с отметиной прошлогоднего наводнения на боку дыбились у края неширокой тропинки. Громко кричали дрозды. На скале белыми пушистыми полосками висели облака, постепенно становясь розово-красными в лучах восходящего солнца.

В горах разносились голоса перекликающихся женщин, слышался чей-то негромкий разговор. Бежавшие за хозяевами собаки с громким лаем прыгали по камням через маленькие ручейки. Пахло табаком и свежей смолой.

Удушливой пороховой гарью веяло от лесов, подвергшихся бомбардировке самолетов Б-52. Давно уже не было в здешних лесах такого оживления, как сейчас. Быстро выжигались подготовленные участки, и они покрывались блестящей черной жирной золой. Звериные тропы, дорожки, протоптанные солдатами-носильщиками, едва заметные тропинки командос и вражеских лазутчиков, оставшиеся здесь с прошлого года, — все эти пересекающиеся, перекрещивающиеся на земле тропинки, прежде столь тайные, теперь лежали оголенные, открытые глазу, петляя от одного горного поля к другому.

Сием вела мужа по одной из тропинок, проложенной здесь солдатами. У края недавно выжженного участка она остановилась. Здесь еще слабо тлели пни. Редковатый дымок, поднимаясь вверх, задерживался в кустарнике по ту сторону ручья. Взрывы бомб, доносившиеся со стороны дороги № 9, как будто отдалялись. Каждый раз, услышав их, Сием с обеспокоенным видом поднимала голову, и на лице ее появлялось растерянное выражение. Она подмешивала золу в разложенный на промасленном брезенте семенной рис, как

вдруг услышала на том склоне истошный крик жены Ни То. Сием, решив, что с соседкой случилось несчастье, тотчас же бросилась туда, на бегу закручивая рассыпавшиеся волосы. Однако, добежав, только и протянула: «А-а-а...» Сием увидела самого Ни То. В измазанной золой, распахнутой на груди гимнастерке, он крепко держал за голову извивавшуюся змейку (причем хвост змеи обвивался вокруг его шеи) и, хохоча во все горло, гонялся вокруг дерева за женой, которая, подобрав юбки, с визгом удирала от него.

Сием постояла, посмотрела, как дурачатся соседи, и пошла назад, почувствовав вдруг невероятную усталость во всем теле.

Киём с топором в руке сидел на поваленном дереве. Его ботинки и подвернутые брюки были мокрыми от росы.

— Давай работай, солнце вон уже где! — раздраженно прикрикнула на мужа Сиём и послала его подобрать с участка все несгоревшие большие сучья, которые можно было бы использовать для плетня.

Взяв заостренную палку, она стала делать лунки, закладывая в каждую из них по два зернышка и тут же засыпая их землей. «Теперь зерна будут в сохранности, — подумала Сиём, — никакой пичуге до них не добраться».

Все утро то и дело забегала к ней жена Ни То.

— Сиём, — смеялась она, поправляя растрепанные волосы, — муженек-то мой спрятал где-то эту змею, никак найти ее не могу. Правда, он вырвал ей жало, вроде нечего ее и бояться...

— Что же ты ко мне все бегаешь, а он один работает? — подначивала, ее Сиём.

— На то он и мужчина, чтобы работать, — заливалась счастливым смехом соседка.

Сиём украдкой бросила взгляд на Киёма. Его загорелое тело покрылось потом. Он разделся по пояс и высоко закатал брюки. С самого утра он работал не покладая рук, ни минуты не отдыхая, опустив глаза вниз, боясь вымолвить даже слово.

Немного, видно, нужно, чтобы тронуть женское сердце. Глядя на мужа, Сием вдруг почувствовала, как что-то дрогнуло в ней, как поднялась со дна души скрытая жалость...

3

Наверное, это был самый жаркий день лета. Яркие лучи солнца слепили глаза, в воздухе висело сплошное раскаленное марево. Стоящие в боевом охранении бойцы в окуляры биноклей видели, как расположившиеся на окрестных высотах вражеские солдаты воздушно-десантной бригады, изнывая от зноя, поснимали свое обмундирование и в одних трусах отсиживались в окопах.

В землянке кашеваров, соединенной ходом сообщения с местом расположения разведроты, уже открылась парикмахерская, где клиентов после стрижки опрыскивали каким-то особенно душистым одеколоном. Возвращаясь на КП полка, Кинь подошел к землянке. Каптенармус Дао спокойно стоял перед входом в свое заведение и, козырьком приставив руку к глазам, наблюдал за тем, как наши зенитки вели огонь по вражескому самолету.

— Дао, постриги-ка меня, дружище! — попросил его Кинь, снимая каску.

— А, командир! — обрадованно воскликнул Дао и, взяв его за руку, повел в землянку. Раньше здесь располагались связисты, и в одном из углов рядом с поставленным Дао кухонным инвентарем еще и сейчас виднелась груда негодных проводов и обгоревших телефонных аппаратов.

Кинь взглянул на Дао, низкорослого и щуплого, к мешковатой нижней рубаше, дочерна измазанной сажей и копотью, с квадратным вырезом, на его недавно наголо обритую голову и невольно подумал: «Где только этот Дао откопал такое большое зеркало?»

— Постригите, пожалуйста, побыстрее. Может, постричься наголо, чтобы не жарко было? — проговорил Кинь.

— Нет, не стоит, — заметил Дао. — Может, и хорошо было бы, но ведь вам на совещания ходить, перед солдатами выступать. Вроде и не подобает вам солдатскую стрижку делать.

Кинь смотрел, как с ножниц надают густо посеребренные пряди волос, и неторопливо рассказывал внимательно слушавшему его Дао о боях, которые в последние дни провел 5-й полк.

В это время, когда Кинь спокойно сидел в землянке и беседовал с Дао, на КП полка всего в каких-нибудь пятистах метрах отсюда Кхюэ в присутствии представителя политического управления фронта и начальника политотдела дивизии сообщил печальную весть о гибели Лы.

— Этот боец — сын замполита Киня? — переспросил, вытирая обильно вспотевший лоб, представитель политического управления.

— Да, это его сын, — кивнул Нян. — Вчера в четыре тридцать утра Кинь все пытался связаться с ним по телефону, но потом, так и не дождавшись, вынужден был уйти в подразделения.

Лица людей помрачнели. Сидевший в углу возле телефонов новый ординарец Киня, слышавший весь разговор, понурил голову.

— Сам-то Кинь где сейчас? — спросил Няна представитель политического управления.

— Замполит сейчас находится в подразделениях.

Начальник политотдела дивизии приказал немедленно разыскать Киня.

...Каптенармус Дао старательно стриг Киня и вел неторопливую беседу.

— Товарищ командир, я, почитай, всюду в Индокитае побывал. Мне вот-вот пятьдесят стукнет. Самый счастливый момент в моей жизни был, когда через Чыонгшон переходил — на родину возвращался. Стоял тогда и чуть не плакал, глядя на белые пески Нягле! Вернулся в деревню, через год женился, потом домик поставили, жена первенца

родила. Сейчас ему только восемь исполнилось, вот недавно письмо от него получил. Когда я в армию уходил, он еще кружочки рисовать учился, а теперь вот уже и писать может: «Здравствуй, дорогой папочка!» А кончается письмо совсем как у взрослого: «Желаю тебе уничтожить как можно больше американцев!» Ну, как вам это понравится?

Кинь, с интересом слушавший его рассказ, вдруг заметил в дверях своего ординарца.

— Старина, что случилось? — спросил Кинь.

— Товарищ командир, разрешите доложить. Представитель политического управления фронта и командир полка Нян послали меня за вами, на совещание зовут. — Но больше ординарец уже не в силах был сдерживаться. Искренне сочувствуя своему командиру, он подошел поближе к Киню и срывающимся голосом тихо сказал: — Только что с высоты 475 вернулся Кхюэ. Он сообщил, что ваш Лы погиб!

— Что ты сказал? — тихо переспросил Дао, замерев на месте с машинкой в руках. — Что ты сказал? Кто погиб?!

— Лы!

Дао поверх своих круглых очков глянул на замполита. У того на лице не дрогнул ни один мускул, только голос его прозвучал глуше, чем обычно:

— Кхюэ еще там, на КП?

— Так точно, товарищ командир, он ждет вас...

Непослушными, негнущимися пальцами Дао попытался было продолжить стрижку, но тут же нечаянно чуть не порезал Киня.

— Простите, командир! Очень больно?

— Ничего, старина, — успокоил его замполит. — Продолжай...

Кинь сидел, не двигаясь, не меняясь в лице, только веки его чуть покраснели да подернулся влагой, будто пеленой тумана, раненый глаз. Дао дрожащими пальцами осторожно продолжал стричь его, боясь причинить лишнюю боль.

Солнце между тем нещадно палило. Со стороны зенитной батареи вновь послышались выстрелы. Когда Дао закончил стрижку, Кинь вслед за своим ординарцем отправился на КП полка.

Кинь держался на совещании так, будто ничего не случилось, и все решили, что он еще ничего не знает о гибели Лы. Замполит спокойным, уверенным тоном докладывал о политической работе среди личного состава полка, говорил о настроении солдат и командиров подразделений после проведенных боев.

Выслушав Киня, представитель политуправления некоторое время сидел молча, а затем, задав несколько вопросов, приступил к разъяснению новой задачи, поставленной перед 5-м полком:

— Политработа в полку ведется на должном уровне. Бойцы хорошо подготовлены, и об этом свидетельствуют те успехи, которых они достигли во время недавних боев... За несколько последних дней вам удалось нанести большой урон воздушно-десантной бригаде противника. Однако ваш полк тоже понес потери, и он нуждается в отдыхе и пополнении.

Кинь поднялся и запальчиво спросил:

— Что же выходит, что политическое управление фронта прислало вас уговаривать нас?

— Конечно! — рассмеялся представитель политуправления. — Сюда на смену придет другой полк. Мы знаем, что вы неохотно согласитесь идти в тыл, а поэтому решили провести с вами работу. Выслушав мой доклад о ваших успешных боевых действиях, начальник политуправления, улыбаясь, сказал, что Кинь, конечно, не захочет уступить свое место сейчас, когда разгром врага под Таконом так близок. Но поймите, товарищи, впереди еще много ответственных и тяжелых боев... Мы высоко ценим ваш замечательный боевой порыв...

Затем по просьбе участников совещания представитель политуправления рассказал о внутреннем и международном положении страны, еще раз остановился на роли и значении операции в Кхесани для предстоящего всеобщего наступления.

— Мы еще не привлекли к боевым действиям наши основные силы, — сказал он. — Против сильной, оснащенной сверхсовременной техникой вражеской группировки задействована лишь некоторая часть этих сил. С начала весны здесь находились только ваш полк и несколько артиллерийских подразделений. Но, используя даже такие силы, мы лишили всех американских политиканов и генералов элементарного спокойствия...

Когда представитель политуправления закончил свое выступление и Кинь объявил, что совещание закрыто, в блиндаж неслышной походкой вошел Кхюэ и направился к личному телефону комполка, стоявшему в глубине помещения.

— Кхюэ, — поворачиваясь, окликнул его Кинь, — ты что там собрался делать?

— Товарищ замполит, мне необходимо связаться с наблюдателями, которых я оставил у подножия Безымянной высоты...

Когда Кхюэ закончил свой разговор, Кинь помахал ему рукой, подзывая к себе.

— Кхюэ, расскажи-ка мне... — проговорил Кинь, стараясь внешне сохранять спокойствие, — расскажи-ка мне, как погиб мой Лы.

Все, кто еще не успел разойтись после совещания, разом обернулись и замолчали. Представитель политуправления, который только что увлеченно беседовал с комполка Няном, медленно прохаживаясь с ним из угла в угол, резко остановился. Не в силах сдержать охватившего его глубоко щемящего чувства боли, он подошел к Киню и бережно обнял за плечи:

— Кинь, дорогой, я-то думал, что ты еще не знаешь...

Окружив своего замполита, командиры слушали скорбный рассказ Кхюэ. Нянь, скрестив руки на груди, молча стоял у стола и мысленно представлял себе картину вчерашнего боя. Да, благодаря подвигу Лы 5-й полк мог сегодня по-прежнему прочно занимать свои позиции, благодаря Лы была отражена последняя атака противника на высоту 475.

* * *

Кинь и сопровождающий его политрук направились посетить фронтовой ансамбль, который остановился неподалеку от расположившегося на отдых 5-го полка. Подходя к пересохшему ручью, они слышали громкий говор и смех работавших на противоположном берегу людей.

Отделение бойцов, раздевшись по пояс, разравнивало лопатами берег ручья, готовя место для выступления артистов.

Кинь сразу узнал этот ручей. Вместе с Кхюэ он не раз перебирался через него в конце прошлой зимы. Тогда вода здесь стояла почти по грудь, и приходилось подолгу сражаться с бурным мутно-красным потоком. Сейчас вода здесь высохла, и дно ручья обнажилось, выставив, будто напоказ, сверкающие на солнце полосы светлой гальки вперемешку с большими камнями, под которые уходили сухие корни деревьев. Чуть выше по течению был переброшен ветхий, сплетенный из прутьев мостик.

Хиен с подружкой из танцевальной группы — обе в закатанных брюках и гимнастерках с короткими рукавами — с веселым смехом пробежали мимо бойцов. Через минуту девушки уже взобрались на шаткий мостик и с озорным, отчаянным выражением на лице ухватились за перекинутую вдоль мостика веревку.

— Эй, девчонки, поосторожнее, оборваться может! — крикнул один из солдат.

— Вот еще, ничего не будет! — донесся сверху голос подружки Хиен.

— А если бомбить начнут, убежать не успеете! — но отставал парень.

— Подумаешь, бомбить!

— Тогда не визжите и не просите вас оттуда снять!

— Да хватит вам!

— Хватит, так хватит! Пусть Хиен споет нам оттуда!..

— Пить хочется, Зунг, — проговорила Хиен несколько минут спустя.

— Не надо было есть сушеную рыбу!

— Ой, правда, замучила жажда...

— Так и быть, помогу тебе жажду утолить, только с одним условием... — сказала Зунг, хитро прищутив блестящий глаз в густых пушистых ресницах.

— С каким условием?

— Мне, как ближайшей подруге, ты должна рассказать все начистоту... Помнишь того парня, красивого такого, когда мы были в арtpолку «Кау»?..

Щеки Хиен стали кумачовыми, но она и виду не подала, что смущена.

— Очень даже ошибаешься! Я к нему, как к младшему брату, отношусь, только и всего! Ты ничего не знаешь. Этот парень местный, у него всю семью американцы убили, он на Севере был и встречался с Хо Ши Мином. Я к нему, как к младшему брату, отношусь, вот и все.

Зунг достала из сумки ветку с красным, спелым плодом смоковницы.

— Ой, плод счастья! — радостно схватила ветку Хиен и проворными маленькими пальцами стала отделять кожуру смоковницы. Но едва она сняла кожуру, как, к своему ужасу, обнаружила, что к ее лицу со всех сторон устремляется несметное множество насекомых. Зажмурившись и отмахиваясь свободной рукой, она все же попробовала нектар, стекавший густой струей из розовато-красной спелой мякоти плода, и радостно воскликнула:

— Сладкие и холодные, как мороженое!

— Дома, бывало, летом, когда на воскресники ходили, — стала вспоминать Зунг, — я мороженым прямо объедалась! Лимонным, шоколадным, банановым...

— А я люблю только банановое мороженое, а вот сами бананы почему-то не ем, — произнесла Хиен. — Вот бы сейчас вдруг нашлось здесь мороженое!

Кинь пришел неожиданно, и руководитель ансамбля не успел еще как следует подготовиться к встрече. Хижина, в которой расположились артисты, была сооружена недавно, и в центре ее еще громоздились сваленные в кучу лопаты. На нарах в беспорядке лежали музыкальные инструменты и прочий реквизит. Заслышав призывный стук колотушки, к хижине со всех сторон потянулись люди.

В ожидании концерта Кинь разговаривал с подошедшими к нему артистами. Вдруг его окликнул чей-то высокий голос:

— Командир Кинь!

Оглянувшись, Кинь увидел входившую в хижину женщину в темной блузке и черных брюках.

— Хоа, это вы?!

Женщина всплеснула руками:

— Вот радость-то! Наконец мы с вами встретились!

— Значит, вы по-прежнему артистка?.. А как ваш муж? Дети есть? — спросил Кинь.

— Муж сейчас в действующей части, тоже на Юге. У нас уже двое детей!

— Я вас помню совсем юной, — улыбнулся Кинь, — а теперь вы мать двоих детей! Как быстро идет время!

— Да, ведь с той поры прошло уже лет четырнадцать или пятнадцать, — смущенно и радостно рассмеялась в ответ Хоа.

Впервые Кинь увидел Хоа во время сражения под Дьенбьенфу, когда она вместе с другими артистами ансамбля пришла выступать перед бойцами батальона Киня. Тогда это была худенькая, загорелая пятнадцатилетняя девчушка. Кинь вспомнил, как однажды Хоа заблудилась и ее, обессиленную, всю в слезах, нашел связной...

От нахлынувших воспоминаний Кинь мысленно вернулся к своей семье, к постигнутому их горю. Как сообщить жене о гибели Лы? Как утешить мать, потерявшую сына? Но, как бы ей ни было тяжело, она должна знать, что ее сын пал смертью героя, защищая честь и свободу своей родины.

Сам же Кинь глубоко в сердце запрятал эту боль и не давал ей прорваться наружу.

Во время разговора Киня с Хоа в хижину вихрем влетела Хиен с подругой. Увидев всех в сборе, девушки смутились и сели сзади. Лица у обеих покраснели и были влажными от пота. Как старшая заботливая сестра, Хоа, взяв их за руки, подвела к Киню и познакомила.

— Хиен у нас солистка. Очень хорошо поет, бойцы ее любят!

Хиен, потупясь, вежливо поздоровалась.

— Да, я слышал, бойцы хвалили ваше пение, — сказал Кинь. — Сколько же вам лет?

— Восемнадцать, товарищ командир.

— Хиен, а как дальше?

— Просто Хиен{31}!

— Ну а характер как, соответствует имени? — шутливо спросил Кинь.

— Да, соответствует, — ответила за нее Хоа.

— У вас есть жених?

— Нет, товарищ командир...

* * *

В тот вечер ансамбль выступал для тех, кого последними сменили на передовой линии около Такона.

Смеркалось. На пепельно-сером небе вырисовывались темные верхушки деревьев. Площадку в пересохшем русле ручья уже заполнили устроившиеся перед импровизированной сценой бойцы. Несколько фонарей ярко освещали сцену. Над головами бойцов шатром раскинулась заботливо прикрепленная к деревьям парашютная ткань.

Взгляды собравшихся были устремлены на ярко освещенный квадратик земли, служивший сценой. После вступительного слова руководителя ансамбля начался концерт. Хиен, стоя на краю сцены за занавесом цвета увядшей травы, смотрела, как танцует Зунг. Исполнялся танец с мечами — шумный, быстрый. Зунг, заметив подругу, весело улыбнулась.

Настала очередь Хиен. Едва она вышла на сцену, как раздались дружные аплодисменты. Прижав руки к груди, она смотрела на тех, кто заполнил пространство в пересохшем русле ручья, стараясь различить в темноте каждое из этих лиц. Солдаты сидели молча, прислонив к плечу винтовки и автоматы. Все ждали от Хиен песни, которая бы рассказала о них, об их надеждах. И Хиен запела. Она пела легко и свободно, так, будто песня летела прямо из сердца:

Ты на марше по дороге к фронту,
Светит над тобой луна...

Сидевший совсем близко, в первом ряду, замполит полка поднял низко опущенную голову и пристально взглянул на нее. В его глазах Хиен увидела такую скорбь, что невольно почувствовала сострадание к этому человеку, и тут же заметила, как заблестели на его глазах слезы. Песня, которую пела сейчас эта девушка, напомнила ему о

сыне, и Кинь плакал, плакал впервые после того, как узнал о гибели Лы.

4

Приняв пополнение, 5-й полк после непродолжительного отдыха вновь занял боевые позиции.

После провала наступления воздушно-десантной бригады кольцо окружения вокруг Такона сомкнулось еще теснее. Перед сосредоточенными здесь вражескими подразделениями встала реальная угроза полного уничтожения, и американское военное командование вынуждено было подумать о том, как выбраться из долины Кхесань. В конце июня сюда на выручку был переброшен стоявший в Дананге 4-й полк.

В конце июня — начале июля полк Киня совместно с другими частями вел активные боевые действия против окруженных вражеских подразделений. Противник ценой огромных усилий и потерь спешно приступил к спасению своих войск. Эта операция, которая подробно освещалась западной прессой и радио, в конечном счете завершилась настоящим бегством. В ожидании спасательных вертолетов американские морские пехотинцы подолгу отсиживались в своих порах, вытирая потные лица и поминутно швыряя камнями в назойливых крыс, снующих среди груд мусора и разлагавшихся трупов. Всякий раз, когда наши орудия начинали артобстрел, пилоты вертолетов в паническом страхе взмывали высоко в небо. Вслед им неслись проклятия оставшихся на земле соотечественников.

Американцы накануне бегства бульдозерами сровняли с землей уцелевшие укрепления и строения, уничтожили боевую технику, аэродромное оборудование. Однако никаким бульдозерам не под силу было стереть в памяти самих американских солдат кошмар поражения.

В начале июля после овладения Таконем и северо-западными высотами наши войска вдоль дороги № 9 устремились на юг. Этот важный для снабжения путь начинался в древних джунглях северного края и проходил через Безымянную высоту, высоту 475 и далее шел

среди голых холмов красного цвета. Между Кхесанью и Лаобао теперь действовал новый пункт снабжения.

Воздух над долиной был напоен победой.

Льонг, только что выписавшийся из госпиталя, возвращался в свою часть. Его лечили несколько месяцев. Худой, бледный, еще не окрепший, он жадно оглядывал все вокруг, шагая в густой толпе носильщиков. В большинстве своем это были женщины-горянки. В синих юбках и черных кофточках, женщины с тяжелой поклажей на спине шли легко и быстро. Рядом с Льонгом шагала смуглая девушка. Острые, как мечи, прямые ресницы обрамляли ее строгие глаза. У девушки на груди висел дан.

— Вам не тяжело быть носильщиком? — участливо спросил ее Льонг.

— Не тяжело. Победа придает силы! — ответила она и в свою очередь задала ему вопрос: — Куришь наш горский табачок? Хочешь, сверну тебе самокрутку?

— Нет, не курю... — покачал головой Льонг.

— Да ну? — удивилась она.

— Больно крепок ваш табак, сразу дух захватывает. Ты лучше сыграла бы что-нибудь, — попросил Льонг.

— Хорошо, раз просишь, сыграю тебе, послушай...

И девушка на ходу стала перебирать струны дана. Лицо ее с каждым мгновением оживлялось, проворные пальцы все быстрее бегали по струнам, извлекая из них теплую, словно торопившуюся куда-то мелодию...

— Ты не знаешь никого из бойцов по имени Нгим? — вдруг спросила девушка, прервав игру.

— Он кто?

— Артиллерист!

— Твой жених, что ли?

— Муж...

— Нет, не знаю. Но ты спрашивай, спрашивай всех, наверняка встретишь кого-нибудь из артиллеристов и узнаешь о своем Нгиме.

На перекрестке Лыонг простился с молодой горянкой и ее подругами. Она по-прежнему прижимала к груди дан, и уже издалека Лыонг вновь услышал, как она спросила кого-то: «Ты не знаешь никого из бойцов по имени Нгим?»

Вернувшись в 5-й полк, Лыонг опять получил разведроту, а Кхюэ, который уже ждал приказа о направлении на учебу, пока вернулся к своим обязанностям помощника начальника штаба. Друзья очень обрадовались встрече. После долгой разлуки им было что рассказать друг другу, но из-за навалившихся неотложных дел они так и не смогли толком поговорить о личной жизни и обо всем пережитом. Кхюэ был счастлив, когда Лыонг передал ему письмо от сестры Нэт.

...На рассвете Кинь и Кхюэ по ходу сообщения отправились в роту, находившуюся в боевом охранении. То и дело летали вражеские самолеты-разведчики, развешивая осветительные ракеты, которые косыми отблесками озаряли джунгли. Группа реактивных бомбардировщиков, нарвавшись на огонь наших зенитных орудий, поспешила скрыться в северо-западном направлении и сбросить там свой смертоносный груз. Над Кхесанской долиной уже разливался свет занимавшегося дня. Жизнь в долине начала пробуждаться: уже наперебой кричали вороны и попугаи, устроившиеся на обуглившихся ветках сгоревших кофейных деревьев; над высотой 475, которая отчетливо вырисовывалась на фоне светлеющего небосвода, пролетала стая каких-то птиц...

Кинь и Кхюэ ступали по твердой, будто одетой в броню, земле, и в наступившей тишине гулко отдавались их шаги.

«Даже не верится, что стало так тихо, — размышлял Кинь, оглядывая те места, где еще совсем недавно гремели ожесточенные бои. — Вероятно, это был самый трудный период моей жизни. Я прошел со своим полком через серьезнейшее испытание».

И перед мысленным взором Киня вставали лица бойцов и командиров его полка, которые во имя победы не пощадили своей жизни. За несколько месяцев боевой службы замполит Кинь столько узнал о своих солдатах! И все же Кинь чувствовал, что еще не до конца сумел постичь все величие подвига людей, с которыми ему выпала честь отстаивать в боях этот клочок родной земли. И его Лы, его сын, в свои неполные двадцать лет тоже отдал свою жизнь за родину...

Поднялось солнце, и все вокруг ярко засветилось под его лучами. Со стороны оголенного восточного склона Петушиного Гребня доносились смех и шутки бойцов какого-то пехотного подразделения, двигавшегося в район боевых действий. Неподалеку от Безымянной высоты остановилась на привал группа носильщиков, над землянками поднимался дым походного костра.

ПРИМЕЧАНИЯ

{1} Слова из популярной песни. — *Прим. ред.*

{2} *То же.*

{3} *Карамбола* — тропическая порода деревьев; помимо ценной древесины это дерево обладает длинными, гибкими и прочными ветвями. — *Прим. ред.*

{4} *Нгуен Хюэ* (XVIII в.) — полководец, национальный герой. 5 января 1789 г. армия под предводительством Нгуен Хюэ разбила войска китайских интервентов, вторгшихся во Вьетнам. Этот день до сих пор отмечается во Вьетнаме как национальный праздник. — *Прим. ред.*

{5} Строка из стихотворения известного вьетнамского поэта То Хыу (род. в 1920 г.). — *Прим. ред.*

{6} *Бим-бип* — птица, внешне похожая на ворону; название получила по крику, который издает; гнездится в кустах вдоль рек и ручьев. — *Прим. ред.*

{7} Концентрат ньюкмама — основная приправа вьетнамской кухни; готовится из рыбы и обладает ценными питательными и тонизирующими свойствами. — *Прим. авт.*

{8} *Дан* — народный щипковый музыкальный инструмент, — *Прим. ред.*

{9} Строка из поэмы Доан Тхи Днем (1705–1748) «Жалобы солдатки». Эта поэма считается одной из жемчужин вьетнамской поэзии. — *Прим. ред.*

{10} *Лы Ты Чаунг* — пионер, совершивший героический подвиг во время войны против французского колониального господства. — *Прим. ред.*

{11} Вьетнамская Народная армия в 1946–1952 гг. называлась Армией защиты родины. — *Прим. ред.*

{12} *Лонгбиен* — самый большой мост в Ханое, соединяющий столицу с пригородом. — *Прим. пер.*

{13} *Тэт* — праздник весны, Новый год, отмечаемый по лунному календарю; обычно приходится на конец января и февраль. — *Прим. ред.*

{14} *Вьетконговцы* — так американцы и солдаты марионеточной армии называли вьетнамских патриотов, — *Прим. ред.*

{15} *Падди* — неочищенный рис. — *Прим. ред.*

{16} Так называется личный состав десантно-диверсионных подразделений. — *Прим. ред.*

{17} *Тэйбак* — северо-западный район Вьетнама. — *Прим. пер.*

{18} В 1954 г. в Дьенбьенфу вьетнамский народ одержал историческую победу, которая ознаменовала конец войны против французских колонизаторов. — *Прим. ред.*

{19} *Тэи* — так во Вьетнаме называли французских колонизаторов. — *Прим. пер.*

{20} В этот период дивизия условно называлась предприятием, полк — хозяйством. — *Прим. авт.*

{21} Повесть-репортаж известного вьетнамского писателя и журналиста Нгуен Дык Тхуана. — *Прим. ред.*

{22} В 1941 г. для борьбы с французскими колонизаторами и японскими оккупантами во Вьетнаме было создано всенародное патриотическое объединение — Лига борьбы за независимость Вьетнама, или сокращенно — фронт Вьетминь. — *Прим. ред.*

{23} *Цветты* — род хищных млекопитающих. Характерную особенность этих животных составляют железы, выделяющие резко пахнущее мускусом вещество. — *Прим. пер.*

{24} *Нон* — конусообразная шляпа из пальмовых листьев. — *Прим. пер.*

{25} *Бонг-лау* — цветы дикого сахарного тростника. — *Прим. пер.*

{26} Имеется в виду вице-маршал авиации Нгуен Као Ки, который 12 июня 1965 г. совместно с генерал-майором Нгуен Ван Тхьеу возглавил государственный переворот и стал премьер-министром Южного Вьетнама. — *Прим. ред.*

{27} 1 ноября 1963 г. по указке американских секретных служб в Южном Вьетнаме этот генерал возглавил переворот и с помощью группировки армейских офицеров сверг Нго Динь Зиема. — *Прим. ред.*

{28} *Лан* — орхидея; обычно это имя дают женщинам. — *Прим. пер.*

{29} «*Воздушная кавалерия*» — воздушно-десантные войска, перевозимые на вертолетах. — *Прим. ред.*

{30} Популярная песня о Ханое, слова и музыку к которой написал известный вьетнамский поэт Нгуен Динь Тхи. — *Прим. ред.*

{31} *Хиен* — добрый, мягкий, нежный. — *Прим. пер.*